

ЗАМОК
ЧУДЕС

ЛЛОЙД АЛЕКСАНДЕР

АРМАДА

ВЕРХОВНЫЙ КОРОЛЬ

ЗАМОК ЧУДЕС
Фантастические и сказочные
повести для детей

Ллойд Александер

ВЕРХОВНЫЙ КОРОЛЬ

Сказочная хроника

Перевод с английского
Л. Яхнина

Художник В. Чапля

Москва АРМАДА
1996

Lloyd Alexander
THE HIGH KING

New York, Holt Rinehart 1968

Уже давно, многие месяцы, главный герой сказочной хроники легендарной страны Прайден юноша Тарен и его друзья ведут упорную и тяжелую борьбу с силами зла — королем Земли Смерти Аровном. И вот наконец, пройдя Багровые Земли, преодолев Ледяную реку и Драконову гору, они одержали победу и разгромили предводителя армии оживших мертвецов.

А потом торжествующий Тарен и его возлюбленная — принцесса Эйлонви — решили соединить свои судьбы и исполнить все, о чем мечтал Тарен.

И барды ходили по древней валлийской земле, пели для простых и знатных людей баллады, прекрасные, как и сама эта сказка, сочиненная для вас американским писателем Ллойдом Александером.

Рисунок на переплете

Н. Бугославской

А 4703040100-53 Без объявл.
9С3(03)-96

ISBN 5-7632-0182-5

© Перевод, Яхнин Л. Л., 1996
Художественное оформление,
© АРМАДА, 1996
© Иллюстрации, Чаплия В. Т., 1996

Глава первая ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Под холодным серым небом, увязая в раскисшей, но уже прихваченной холодом торфяной жиже, медленно тащились двое всадников. Один из них, стройный и высокий, наклонился вперед к шее коня и не отрывал взгляда от дальних холмов. На поясе у него висел меч, а за спину был закинут окаймленный серебром боевой рог. Спутник его, лохматый, как и пони, на котором он восседал, зябко кутался в плащ, тер побелевший от мороза нос и постоянно хныкал. Слыша эти стоны и причитания, Тарен — а это был, конечно, он — придержал коня и укоризненно взглянул на своего спутника, верного Гурджи.

— Нет, нет, — всхлипывал Гурджи, — верный Гурджи готов ехать вперед! Он последует за добрым хозяином, о да, как он это делал всегда! Не обращай внимания на все его всхлипы и хрипы! Не жалея его бедную, слабую голову!

Тарен улыбнулся, видя, как Гурджи, хоть и хорохорится, но с надеждой поглядывает на уютную полянку, окруженную вязами.

— Ты прав, нам надо торопиться. Уж очень хочется побыстрее добраться до дома.— Он лукаво глянул на приунывшего Гурджи.— Но,— тут же добавил Тарен,— не ценой твоей слабой, бедной головы. Мы сделаем здесь привал и не двинемся дальше до самого утра.

Они привязали лошадей и разожгли небольшой костерок, огородив его кольцом из камней. Гурджи засыпал сидя. Не успев даже дожевать свою еду, он свернулся калачиком и сладко захрапел. Тарен, преодолевая усталость, сторожко сидел у костра и чинил кожаную упряжь. Внезапно он замер и тут же вскочил на ноги. Прямо с неба на него падал черный комок.

— Гурджи! — закричал Тарен. Отяжелевший со сна Гурджи сел и часто заморгал.— Гурджи! Посмотри! Это Карр! — радовался Тарен.— Ее, наверное, послал за нами Даллбен!

Ворона громко хлопала крыльями, щелкала клювом и кружила над головой Тарена с пронзительными криками.

— Пр-ринцесса! Пр-ринцесса Эйлонви! — каркала она во всё горло.— Каер-рр! Каер-р! Домой! Домой!

Усталость, словно плащ, свалилась с плеч Тарена. Гурджи, окончательно проснувшийся, бешено скакал вокруг него.

А ворона уселась на плечо Тарена и дергала его за ухо, словно бы поторапливая. Гурджи побежал отвязывать лошадей. Тарен вскочил в седло серого своего коня Мелинласа и бешеным галопом поскакал прочь из рощи. Гурджи на потряхивающем густой гривой пони еле поспевал за ним.

Они не слезали с седла и день и ночь, останавливаясь лишь для того, чтобы напоить коней, наскоро перекусить и прикорнуть на полчаса. И снова неслись вперед, не щадя сил. Они стремились все время на юг, спускаясь вниз с гористой долины к берегам Великой Аврен, переправились наконец через нее и вот одним ясным, сверкающим утром увидели простирающиеся вдаль поля Каер Даллбен.

Не успев еще въехать во двор, Тарен попал в круговорот суматохи и радостной суеты. Он просто не знал, куда повернуться, с кем первым здороваться и обниматься. Карр оглушительно хлопала крыльями и испускала пронзительные крики. Колл, чья большая лысая голова и широкое лицо сияли, словно полная луна в ясную ночь, не отрывал глаз от Тарена и гулко похлопывал его по спине. Гурджи вопил от восторга и кувыркался так, что его лохматая шерсть становилась дыбом. Даже древний волшебник Даллбен, который редко позволял себе оторваться от бесконечных размышлений, приковылял из своей хижины и молча глядел из-под лохматых бровей на взбудораженных обитателей обычно тихой усадьбы. Заторможенный Тарен никак не мог пробиться к Эйлонви, зато ее мелодичный и звонкий голос легко пробился к нему сквозь невообразимый шум и говор.

— Тарен из Каер Даллбен,— издали выкрикивала Эйлонви,— дай хоть поглядеть на тебя! Только подумать, сколько я ждала этого дня! С того самого момента, как выучилась быть молодой леди... будто до тех пор я не была ни молодой, ни леди. Я вернулась домой, а тебя здесь нет.

В следующий момент он оказался рядом. На груди принцессы блистал серебряный полумесяц, палец тяжело кольцо, сделанное мастерами Красивого Народа, а лоб охватывал тонкий золотой обруч. Тарену бросилось в глаза богатое одеяние девушки, и он вдруг со смущением вспомнил о своем запыленном плаще и заляпанных грязью башмаках.

— И если ты думаешь, что жизнь в королевском замке приятна,— продолжала тараторить Эйлонви, не переводя дыхания,— то могу уверить тебя — нет! Скучно, утомительно и тоскливо! Они заставляли меня спать на перинах и громадных подушках, набитых гусиным пухом. От этого можно задохнуться. Думаю, гусям они нужны больше, чем мне... перья, разумеется. И эти слуги, приносящие тебе как раз ту еду, которую ты терпеть не можешь. И бесконечное укладывание волос к завтраку, обеду, ужину, перед сном, после сна... И вышивание, и реверансы там всякие... И все такое, о чем и вспоминать-то не хочется. Ты только подумай, за все время я

даже не притронулась к мечу, луку и стрелам! И тебя так долго не...

Эйлонви вдруг резко замолчала и с любопытством посмотрела на Тарена.

— Это странно,— задумчиво проговорила она,— с тобой что-то произошло. Даже волосы будто не твои, словно ты кромсал их ночью с закрытыми глазами. Впрочем, они всегда у тебя торчали лохмами. Ты... ну, не могу я объяснить. Пока сам всё не объяснишь. Может, мне кажется, но ты уже не похож на прежнего Помощника Сторожа Свиньи.

Тарен снисходительно улыбнулся и нежно посмотрел на озадаченно нахмурившуюся Эйлонви.

— Что верно, то верно, давно я не ухаживал за Хен Вен, нашей белой свиньей,— покивал он.— Пока мы с Гурджи путешествовали по стране Свободных Коммотов, чем только мне не пришлось заниматься! А вот на скотном дворе я так и не побывал. Я соткал этот плащ своими руками на ткацком станке Двивач Ткачихи. Я выковал этот меч в кузнице Хевидда Кузнеца. А такие штуки,— он покачал на ладони глиняную миску,— такие штуки я лепил на гончарном круге Аннло Велико-Лепного.— Он грустно улыбнулся и вложил миску в руки Эйлонви.— Если она тебе нравится, бери. Она твоя.

— Красивая,— протянула Эйлонви, разглядывая миску.— Я буду ее беречь. Но ты не понял меня. Я не говорила, что ты уже не годишься в Помощники Сторожа Свиньи. Лучше тебя этого не делал никто в Прайдене. Но что-то еще в тебе появилось...

— Пожалуй, принцесса угадала главное,— вставил Колл.— Уезжал от нас просто помощник на скотном дворе, а вернулся мастер на все руки.

Тарен печально покачал головой.

— Не знаю, много ли я умею,— ответил он,— но знаю зато наверняка, что я не ткач, не кузнец, и гончара, увы, из меня тоже не выйдет. В одном уверен: я дома и останусь здесь навсегда.

— Рада слышать это,— сказала Эйлонви.— Я опасалась, что ты будешь странствовать до скончания дней. Даллбен рассказал мне, что ты отправился искать родителей и встретил кого-то, кого посчитал своим отцом,

но ошибся. Так? Я уж совсем запуталась в твоих приключениях. Ничего не понимаю.

— А тут и понимать нечего,— откликнулся Тарен.— Я отправился за одним, нашел другое. Но совсем не то, что искал, что надеялся найти. Так что я больше потерял, чем нашел.

— Нет,— заговорил Даллбен, который внимательно прислушивался к их разговору,— ты должен понять и запомнить одно: ты, Тарен, нашел больше того, что искал, и обрел, возможно, больше, чем имел.

Старый волшебник распахнул дверь и широким жестом пригласил всех в хижину.

— Уж не собираешься ли ты вновь отправиться на поиски? — спросила Эйлонви, оглядываясь на шедшего следом Тарена.

Тарен не успел ответить, как кто-то схватил его за руку и принялся неистово трясти ее, будто намеревался вырвать из плеча.

— Привет, привет! — закричал молодой человек, белесый, взлохмаченный, с блеклыми голубыми глазами. Его богато расшитый плащ, казалось, сначала вымочили, затем хорошенько выкрутили, а уж потом накиннули ему на плечи. Ремешки его сандалий были разорваны, небрежно и неумело связаны крупными узлами, а сами сандалии, хоть и отличной выделки, расшлепались и скособочились, словно прежде их носила корова.

— Принц Рун! — едва узнал его Тарен. Рун стал выше ростом и здорово похудел. Зато улыбка его была попрежнему жизнерадостной и широкой, во все лицо.

— Не принц, а король Рун,— со вздохом поправил его молодой человек,— отец мой, король Руддлум, умер прошлым летом. А я вот привез Эйлонви. Королева Телерия хотела оставить принцессу на Моне. Надо же, говорила она, завершить ее воспитание. Ты же знаешь мою мать: ее бы и сам Даллбен не уговорил. И поэтому,— Рун приосанился и гордо взглянул на Тарена,— поэтому я сам, собственной волей, принял решение. Я приказал, да-да, приказал снарядить корабль, и мы отплыли с Моны. Удивительно, что может сделать король, если только пожелает!

Эйлонви лукаво улыбнулась, а Рун, не замечая ее улыбки, продолжал важно:

— Мы привезли с собой еще кое-кого.— Он указал в сторону очага, где Тарен заметил толстенького коротышку, сидевшего прямо на полу и державшего между колен большую кастрюлю.

Незнакомец облизал пальцы и пошевелил отвислым носом, глядя исподлобья на Тарена. Он и не подумал встать или хотя бы приподняться в знак приветствия, только коротко кивнул, будто они знакомы сто лет. Жидкие волосы вокруг его лукообразной головы затрепетали, как водоросли под водой.

Тарен с недоумением глядел на этого странного человечка. А тот высокомерно фыркнул и в то же время обиженно оттопырил губу.

— Мог бы запомнить, — раздраженно пропищал он, — не так часто встречаешься с великанами! Забыл?

— Да как я могу забыть? — воскликнул Тарен. — Еще как помню! Пещера на Моне! Хотя, когда я в последний раз видел тебя, ты был... чуть больше ростом, кажется. Впрочем, это с каждым может случиться. Но тем не менее это ты! В самом деле! Глю!

— Если бы я по-прежнему был великаном, — проворчал Глю, — не многие бы решились меня не узнавать. К несчастью, таковы уж люди. Тогда, в пещере...

— Ты угодил в самое больное место, — прошептала Эйлонви. — Теперь его не остановишь. Станет вспоми-

нать о тех славных деньках, когда был великаном. Замолкает он только для того, чтобы поесть, и перестает есть лишь для того, чтобы поговорить. Я еще могу понять и простить его обжорство. Еще бы, питаться так долго одними сырыми грибами! Но эта болтовня про его несчастное великанство!

— Я знал, что Даллбен послал Карр с обещанным зельем для Глю, чтобы вернуть ему прежний вид,— сказал Тарен,— но что произошло дальше, понятия не имею.

— Вот что с ним случилось,— с готовностью принялась объяснять Эйлонви.— Как только Глю уменьшился до своих размеров и смог выбраться из пещеры, он пробрался в замок Руна. Там он всех замучил бесконечными и бестолковыми слезными историями и разговорами про свое великанство. Но прогнать его ни у кого не хватало решимости. А когда мы собрались плыть сюда, то взяли его с собой, думая, что он захочет поблагодарить Даллбена. Не тут-то было! Знаешь, сорока стрекочет, что хочет, и не думает о твоих ушах. Он всех нас заговорил. Я уж теперь жалею, что мы не оставили его там.

— Даже Глю здесь,— проговорил Тарен, оглядываясь вокруг,— а троих наших лучших друзей я, к сожалению, не вижу. Нет старого доброго Доли. И Ффлевддур Пламенного, нашего короля-барда, не слышно. Даже лорд Гвидион не появился. А я-то думал, что уж он наверняка прибудет поприветствовать Эйлонви.

— Доли прислал привет,— сказал Колл.— Но придется обойтись без его общества. Нашего друга карлика выковырять из его подземного королевства так же трудно, как выкорчевать старый пенёк в поле. Что же касается Ффлевддур, то он как раз легок на подъем, как перекати-поле. Ничто не удержит его от веселой встречи. Думаю, он скоро явится сюда вместе со своей арфой.

— Принца Гвидиона тоже ждем,— добавил Даллбен.— Кое-что нам надо с ним обсудить и обдумать. Но вы, молодые люди, конечно, вольны считать, что важнее возвращения домой принцессы и Помощника Сторожа Свиньи нет ничего на свете.

— Ладно, я это опять надену, когда приедут Ффлевддур и принц Гвидион,— сказала Эйлонви, снимая с головы золотую диадему.— Просто для того, чтобы и они

могли посмотреть, как она выглядит,— смущенно добавила она.— А пока пусть моя голова отдохнет. Эта штука так сжимает лоб, будто это не лоб, а груша, из которой надо выжать побольше соку.

— Что ж, принцесса,— улыбнулся Даллбен, отчего его морщинистое лицо и вовсе сморщилось,— корона еще более неудобна, чем это украшение. Научилась малому, поймешь большее.

— Хм, научилась! — хмыкнула Эйлонви.— Да я этого учения вдосталь наглоталась. Хорошо еще, что не утонула в нем с головой! Впрочем, кое-чему дельному меня выучили. Смотри,— она вытащила из кармана плаща сложенный вчетверо кусок ткани и смущенно протянула его Тарену,— я вышила это для тебя. Правда, она не совсем еще закончена, но все равно возьми.

Тарен развернул лоскут материи и расправил его на вытянутых руках. Во всю ширину полотна на зеленом поле искусно была вышита белая свинья с голубыми глазами.

— Это как бы Хен Вен,— пояснила, еще сильнее смущаясь, Эйлонви.

Рун и Гурджи протиснулись поближе, чтобы рассмотреть ее рукоделие.

— Поначалу я попыталась вышить здесь и тебя тоже. Ну, потому...— она запнулась,— потому что ты любишь Хен Вен и потому что я... я думала о тебе. Но ты получился похожим на тоненькую рогульку с птичьим гнездом наверху. Пришлось вышивать заново, но уже только одну Хен Вен. А ты... ты просто должен поверить, что стоишь рядом с ней чуть левее, вон в том углу. Иначе я бы и за год не управилась. И так целое лето провозилась.

— Если и вправду, вышивая, ты думала обо мне,— тихо сказал Тарен,— то лучшего подарка я и не желаю. И не важно, что глаза у Хен Вен на самом деле карие.

Губы у Эйлонви задрожали.

— Тебе не нравится? — потерянно спросила она.

— Нравится, очень нравится! — с горячностью воскликнул Тарен.— Какая разница, карие ли, голубые у нее глаза. Это полотно мне пригодится...

— Пригодится? — вспыхнула Эйлонви.— Это подарок на память, а не попона для твоего коня, Тарен из Каер Даллбен! Даже этого не можешь сообразить!

— Зато могу сообразить, какого цвета глаза у Хен Вен,— ответил Тарен с добродушной усмешкой.

Эйлонви строптиво встряхнула своими рыжевато-золотыми волосами и фыркнула:

— Гм, и очень похоже, что забыл цвет моих!

— Ничего подобного, принцесса,— вдруг посерьезнел Тарен,— я даже не забыл того дня и часа, когда ты подарила мне это.— Он снял с плеча боевой рог.— О, мы и представить себе не могли, какая сила была в нем сокрыта! Правда, теперь ее больше нет. Но я все равно ценю этот рог, потому что получил его из твоих рук.— Он пристально поглядел в глаза Эйлонви и продолжал: — Тебе хотелось бы знать, зачем я так упорно искал своих родителей? — Он печально вздохнул.— Потому что надеялся на свое благородное происхождение и хотел найти подтверждение этому. Тогда я имел бы право претендовать на то, о чем и помыслить боялся. Надежды мои не оправдались. Хотя теперь,— Тарен умолк, подыскивая подходящие слова,— теперь я готов решиться и попросить...

Но договорить он не успел. Дверь хижины резкопахнулась, и Тарен, обернувшись, чуть не вскрикнул.

В дверях стоял Ффлевддур. Лицо барда было мертвенно-бледным, его обычно всклокоченные желтые волосы прилипли к влажному лбу. На плечах он держал бессильно обвисшее тело какого-то человека.

Тарен, а следом за ним и Рун кинулись помочь барду. Гурджи и Эйлонви тоже поспешили к нему. Все вместе они осторожно опустили беспомощное тело на пол. Глю стоял поодаль не двигаясь. Вислые щеки его дрожали. На миг Тарен оцепенел. Но уже в следующее мгновение руки его действовали быстро и проворно, расстегивая плащ, снимая порванную и окровавленную куртку. Перед ним на плотно утрамбованном земляном полу лежал Гвидион, принц Дома Доны!

Кровь коркой запеклась на его серых, по-волчьи жестких волосах, пятнами застыла на морщинистом лице. Губы его раздвинулись, и казалось, он в ярости скалит зубы. Одна пола плаща Гвидиона была обмотана вокруг правой руки, словно только этим он и пытался защититься от смертоносных ударов.

— Лорд Гвидион убит! — вскричала Эйлонви.

— Он жив... или, вернее, чуть жив,— проговорил Тарен.— Неси лекарства,— приказал он Гурджи,— те лечебные травы из моей седельной сумки...— Он обернулся к Даллбену и виновато сказал: — Прости. Не пристало мне приказывать под крышей моего хозяина. Но эти травы обладают большой силой. Их когда-то дал мне Адаон, сын Талисина. Они твои, если пожелаешь.

— Я знаю их свойства, и у меня нет лучших,— ответил Даллбен.— И ты имеешь право приказывать где угодно, даже и под моей крышей, потому что научился многому. Я доверяю твоему искусству, поскольку вижу, что ты уверен в себе. Делай то, что считаешь нужным.

Колл уже спешил из кухни с полным ведром воды. Даллбен, стоявший на коленях перед почти бездыханным Гвидионом, с трудом поднялся и обратился к барду.

— Чьих рук это злое дело? — Старый волшебник говорил почти шепотом, но голос его звенел в тесной хижине, а глаза пылали гневом.— Кто осмелился поднять на него руку?

— Охотники Аннувина,— ответил Ффлевддур.— Но пытались они отнять две другие жизни. Как ты себя чувствуешь? — сочувственно спросил он Тарена.— И как ты сумел уйти от них? Благодарю судьбу, что тебе удалось вырваться из их лап.

Тарен озадаченно посмотрел на барда, полагая, что тот от горя потерял разум.

— Я не понимаю смысла твоих слов, Ффлевддур.

— Смысла? — переспросил бард.— Мои слова означают только то, что они означают, и ничего больше. Гвидион хотел просто-напросто отдать свою жизнь вместо твоей, когда Охотники напали на тебя не более часа тому назад.

— Напали на меня? — Тарен уже ничего не мог понять.— Как это могло быть? Гурджи и я не видели никаких Охотников. И час тому назад мы были уже в Каер Даллбен.

— Клянусь Великим Белином, Ффлевддур Пламенный говорит только то, что видел своими глазами! — вскричал бард.

— У тебя лихорадка,— сказал Тарен.— Ты тоже, может быть, ранен. И серьезнее, чем думаешь. Отдохни. Мы

вылечим тебя.— Он опять склонился над Гвидионом, развязал мешочек с травами, что принес Гурджи, и принялся вымачивать их в миске с водой, приготавливая настой.

Лицо Даллбена было мрачным.

— Говори, бард,— сказал он,— меня обеспокоили твои слова.

— Лорд Гвидион и я ехали вместе из северных земель,— начал Ффлевддур.— Мы переправились через Аврен и были уже на пути сюда. Немного впереди нас, на поляне...— Бард замолчал и пристально поглядел на Тарена.— Я видел тебя своими собственными глазами! Тебя сильно теснили. Ты закричал нам, прося помощи, и даже помахал рукой, чтобы мы поторопились.

Тарен удивленно пожал плечами.

— Гвидион опередил меня,— продолжал Ффлевддур.— Ты, Тарен, уже ускакал в глубь рощи. Гвидион летел следом за тобой быстрее ветра. Ллиан буквально стлалась над землей, но к тому времени, когда я влетел в рощу, тебя там не было. Зато было полно Охотников. Они вытащили Гвидиона из седла. Плохо бы им пришлось, подоспей я вовремя! — воинственно воскликнул бард.— Но когда я подъехал, они уже умчались. Гвидион был почти при смерти, и я не рискнул оставить его, пустившись в погоню за Охотниками.

Ффлевддур опустил голову.

— Я не смог бы вылечить его сам. Мог я только одно — дотащить его сюда, к вам, в том виде, как вы видите.— Он грустно усмехнулся своей случайной и неуместной сейчас шутке.

— Ты спас ему жизнь, друг мой,— сказал Тарен.

— И потерял то, за что Гвидион отдал бы жизнь! — горестно воскликнул Ффлевддур.— Охотникам не удалось убить его, но сотворили они не меньшее зло. Они взяли его меч!

У Тарена перехватило дыхание. Занятый ранами своего старшего друга, он и не заметил, что Дирнвин, грозный черный меч, всегда висевший на поясе у Гвидиона, сейчас отсутствует. Дирнвин, волшебный меч, пылающий клинок непобедимой древней силы, теперь в руках у Охотников. Они отнесут его своему хозяину

Аровну, королю Земли Смерти, в его мрачное королевство Аннувин!

Ффлевддур опустился на пол и уронил голову на руки.

— Голова идет кругом,— прошептал он.— Значит, это не ты звал нас?

— Не знаю, кого или что ты видел,— сказал Тарен.— И не будем пока об этом. Жизнь Гвидиона — вот наша первая забота. Мы поговорим обо всем, когда память твоя прояснится и ты придешь в себя, дружище.

— Память арфиста не подводит его.— Из темного угла поднялась и вышла на середину комнаты женщина в черном платье. Ее длинные распущенные волосы светились блеклым серебром, красота ее мертвенно-бледного лица что-то напоминала Тарену, хотя теперь это лицо казалось стертым, туманным, словно приплыло из полузабытого сна. Ачрен! — Не ожидал, Помощник Сторожа Свиньи? — проговорила Ачрен.— Но тем не менее здравствуй. Ты что же, до сих пор боишься меня? — усмехнулась она, заметив беспокойный взгляд Тарена. Острые зубы ее обнажились в улыбке.— И Эйлонви, дочь Ангарад, тоже не может забыть моего могущества, хотя сама и разрушила его в замке Ллира. Но разве с тех пор, как живу здесь, не служила я Даллбену так же честно, как любой из вас?

Ачрен приблизилась к распростертому телу Гвидиона. Пораженный Тарен увидел подобие жалости в ее глазах.

— Лорд Гвидион будет жить,— сказала она.— Но может так случиться, что жизнь ему покажется более жестокой, чем смерть.— Она наклонилась и кончиками пальцев слегка дотронулась до лба неподвижно лежащего воина, потом распрямилась и повернулась к Ффлевддуру.— Твои глаза не подвели тебя, арфист,— сказала Ачрен.— Ты видел то, что тебе следовало видеть. Твоего друга и друга белой свиньи, верно? А почему бы и нет, если тот, о котором вы говорили, пожелал появиться именно в этом облике? Только он один обладает такой силой. Сам Аровн, король Аннувина, Земли Смерти.

Глава вторая

ПАЛОЧКИ С ПИСЬМЕНАМИ

Дрожь прошла по телу Тарена. Женщина в черном холодно взглянула на него.

— Аровн не осмеливается пересечь границу Аннувина в своем облике,— продолжала она.— Это означало бы его неминуемую гибель. Но он владеет тайной превращений. Это и маска его, и защита. Арфисту и лорду Гвидиону он показался в облике этого свинопаса. Но может, если понадобится, явиться и лисой в лесу, и орлом в поднебесье, и даже слепым подземным червем. Да, Свинопас, он с легкостью принимает обличье любого человека, всякого существа. А какую еще лучшую приманку выдумать для лорда Гвидиона, чем вид друга в беде? Друга, который не раз бился с ним бок о бок, который любим и которому он доверяет. Гвидион слишком проницателен, чтобы попасться в слишком простую ловушку.

— Значит, мы все пропали! — встревоженно воскликнул Тарен.— Король Аннувина может в любой момент оказаться среди нас неузнанным, и нет защиты против его коварства!

— Ты не зря опасаясь, — ответила Ачрен. — Твои друзья увидели, чего стоит колдовское умение Аровна. И все же он уязвим. Он никогда не решится покинуть свою землю. Разве что в момент смертельной угрозы. Или в том случае, когда, как сегодня, желание отнять или получить что-то перевешивает опасность риска. — Ачрен понизила голос. — У Аровна много секретов, но этот, секрет превращений, он оберегает больше всех. Но как раз в момент превращения он и теряет всю свою силу. Его умение и сила становятся не больше, чем у того, чью личину он принял. Тогда его можно убить, как любого смертного.

— О Ффлевддур, если бы я только была с тобой! — в отчаянии воскликнула Эйлонви. — Аровн ни за что не обманул бы меня, пусть он даже как две капли воды был похож на Тарена! Не уверяй, будто я не смогла бы отличить настоящего Помощника Сторожа Свиньи от поддельного!

— Пустые надежды, дочь Ангарад, — презрительно фыркнула Ачрен. — Нет в мире глаз, которые могли бы проникнуть сквозь маску Аровна, повелителя Земли Смерти. Нет глаз, — повторила она, — кроме моих. Ты сомневаешься? — воскликнула она, заметив улыбку на губах Эйлонви.

Поблекшее, опустошенное лицо черной женщины осветилось изнутри вспышкой гордости, а голос стал резким, и в нем послышались нотки высокомерия и гнева.

— Задолго до того, как Сыновья Доны пришли в Прайден и остались здесь, задолго до того, как князья этих земель присягнули на верность Матху, Верховному королю, и Гвидиону, его военачальнику, я, именно я заставляла беспрекословно подчиняться моим приказаниям, я, именно я носила Железную Корону Аннувина!

Запавшие глаза ее уже не просто светились, а горели гордым огнем былого величия.

— Аровн был моим супругом, служил мне и исполнял мои приказания. — Ачрен говорила с высоко поднятой головой. — Но он предал меня. — Голос ее понизился до зловещего шепота, а в глазах замерцала ярость. — Он украл у меня трон и вышвырнул меня. И все же я знаю все его тайны, все секреты его силы, потому что я, именно я обучила его всему! Ваш взор он может зату-

манить. От меня Аровн никогда не сможет укрыть своего лица ни под каким облищем!

Гвидион вдруг шевельнулся и слабо застонал. Тарен тут же склонился над ним, держа в руках миску с лечебными травами. Эйлонви бережно приподняла голову воина.

— Отнесите принца Гвидиона в мою комнату, — приказал Даллбен. Озабоченное лицо старого волшебника обострилось, и морщины прорезались сильнее на изможденных щеках. — Твое искусство вырвало его из лап смерти, — сказал он Тарену. — Теперь моя очередь попытаться вернуть его к жизни.

Колл, крикнув, поднял Гвидиона своими крепкими руками и понес. Ачрен последовала за ним.

— Сон у меня легкий, короткий, — сказала она, — и я могу последить за раненым. Эту ночь я посижу около лорда Гвидиона.

— Я побуду с ним, — поспешно заявила Эйлонви, шагнув в сторону Колла.

— Не бойся меня, дочь Ангарад,— усмехнулась Ачрен.— Нет у меня в душе дурных намерений.— Она нарочито низко поклонилась, насмешливо разведя руками.— Теперь конюшня — мой замок и кухня — мое королевство. Другого я не ищу.

— Пойдемте,— примирительно сказал Даллбен,— вы обе поможете мне. Остальные останьтесь здесь, подождите. Будьте терпеливы и исполнитесь надежды.

И он прошел в свою комнату впереди Колла и двух женщин. Окна были темны. Тарену казалось, что огонь очага лишился своего света и тепла и теперь отбрасывал лишь серые холодные тени, растворяя во тьме лица стоящих рядом.

— Я было подумал, что мы сможем догнать Охотников и не позволить им ускользнуть в земли Аннувина,— тихо сказал Тарен.— Но если Ачрен говорит правду и Аровн действительно с ними, да еще и с мечом Гвидиона... Что он задумал, я не знаю. Но добром, опасаясь, это не кончится.

— Не могу себе простить,— сжал кулаки Ффлевддур.— Моя вина, что он ускользнул. Я должен был разгадать его хитрость, обязан был заметить ловушку!

Тарен сочувственно кивнул.

— Да, злую шутку сыграл с вами Аровн. Но не кори себя. Сам Гвидион обманулся.

— Но только не я!— вскричал бард.— Ффлевддур Пламенный проницателен! Я сразу же обнаружил обман. И если бы Ллиан не рванула в сторону...— Арфа, висевшая на плече барда, вздрогнула, струна натянулась и внезапно оборвалась с таким звуком, что примостившийся у очага Гурджи вскочил. Ффлевддур поперхнулся.— Ну вот, опять,— расстроено пробормотал он.— Неужели она никогда не прекратит? Стоит чуть-чуть привр... я хотел сказать, приукрасить, как эта отвратительная струна лопается. Поверь, я не хотел преувеличивать. Сейчас-то мне и впрямь кажется, что мог заметить... Нет, если по правде, то личину он натянул на себя отменную. Даже меня поймал в ловушку. Боюсь, что и в другой раз могу попасться.

— Удивительно,— вмешался Рун, король Моны, который разинув рот слушал все разговоры.— Послушайте,

мне очень хотелось бы научиться изменять свой облик. Невероятно! Вот бы мне уметь так превращаться! Я всегда думал: как интересно, наверное, быть барсуком или муравьем. Мне хотелось бы узнать, как это они строят и устраивают свои жилища, о чем разговаривают друг с другом, если вообще умеют говорить. С тех пор, как я стал королем, мне хочется все в моем королевстве исправить, улучшить. Я собираюсь возвести новую дамбу в гавани Моны. Впрочем, я уже как-то начинал. Моя идея состояла в том, чтобы одновременно начать с обоих концов и таким образом управиться в два раза быстрее. Но почему-то обе части дамбы не встретились в середине. И я теперь размышляю над новым способом. Вот бы мне знания бобров или других зверюшек! А еще я задумал построить дорогу к пещере Глю. Это же необыкновенное место! Уверен, народ Динас Риднант просто повалит туда... И как просто! — Рун вдруг растерянно заморгал. — Да, задумывать просто, а как трудно делать и доделывать! Во всяком случае труднее...

Глю, услышав свое имя, наострил уши. Он так и не покинул своего места у очага, а всеобщая тревога не заставила его выпустить из рук кастрюлю.

— Когда я был великаном... — завел он.

— Я видел твой корабль, Рун, он хоть и маленький, но довольно ладный, — сказал Ффлевддур, и тут он узнал Глю, вернее, догадался, что это Глю. — Когда он был великаном, — кивнул бард на обрюзгшего человечка с кастрюлей, — то выглядел таким ничтожным... Он готов был на всё, лишь бы выкарабкаться из пещеры. Даже сунуть одного из нас в тот отвратительный отвар, который наметал из всякой гадости. — Он глянул на Глю с плохо скрытой досадой. — Но Ффлевддур Пламенный не злопамятен.

— Когда я был великаном, — продолжал Глю, не обращая внимания на слова барда, — никто не смел оскорблять меня и тем более тащить за уши на борт паршивой лодчонки! Я не хотел приезжать сюда. А после того, что случилось сегодня, у меня и вовсе нет желания оставаться здесь. — Глю скривил рот. — Даллбен скоро узнает, что я ни мгновения не намерен здесь оставаться!

— Конечно, узнает, — примирительно ответил Тарен. — Но сейчас у него заботы поважнее. Да и у нас тоже.

Бормоча что-то о грубиянах и невеждах, Глю скреб пальцами по дну кастрюли и хмуро почмокивал. Никто больше не вымолвил ни слова. Молча все стали устраиваться на ночлег.

Огонь в очаге догорел, и угли рассыпались пеплом. Ночной ветер взыгрывал и подвывал за стенами хижины. Тарен улегся, подложив руки под голову. Сегодня утром, вернувшись домой и увидев Эйлонви, он уже решил было сказать ей всё и, невзирая на неясности своего рождения, на разницу в их положении, смело попросить выйти за него замуж. Но теперь смертельная опасность, нависшая над раненым Гвидионом, сделала такими мелкими и неважными все мечты и желания Тарена, что ему стыдно было даже думать об этом. Да, он так и не узнал, что таит в своем сердце Эйлонви, но сейчас не имел права допытываться об этом. Пока души его друзей наполняет тревога, пока в доме Даллбена, на земле Прайдена не наступит мир и покой, он обязан молчать. Тарен закрыл глаза. Ветер рвал и метал, будто хотел разнести в клочья дома, поля и сады, снести до основания Каер Даллбен.

Тарена разбудила чья-то рука, теребившая его за плечо. Это была Эйлонви.

— Гвидион пришел в себя,— сказала она,— он хочет говорить с нами.

В комнате Даллбена принц Гвидион полулежал на кровати. Черты лица его обострились. Он был бледен, но, казалось, больше от гнева, чем от боли. Плотный рот с горькими складками в углах губ. Зеленые глаза потемнели и запали. Он глядел на них горящим взглядом сильного и гордого волка, презирающего боль и опаленного ненавистью к тем, кто причинил ее. Ачрен молчаливой тенью застыла в углу. Старый волшебник озабоченно склонился над столом, заваленным книгами. Он даже не присел на деревянную скамейку, ту самую, на которой Тарен провел почти все свое детство, постигая уроки Даллбена. «Книга Трех», огромный, обтянутый кожей фолиант, наполненный тайными знаниями и знаками, закрытый и запретный для всех, кроме самого Даллбена, громоздился поверх всей горы книг.

Тарен, а следом за ним Эйлонви, Ффлевддур и король Рун подошли и по очереди пожали Гвидиону руку. Принц Дома Доны мрачно улыбался.

— Обойдемся без веселых и длинных приветствий, Помощник Сторожа Свины,— сказал Гвидион.— Даллбен уже рассказал мне о хитрости короля Аннувина. Дирнвин нужно вернуть любой ценой и без промедления. Поведал он и о твоих странствиях,— добавил Гвидион.— Я хотел бы побольше услышать обо всем от тебя, но это подождет до более подходящего времени. Я поскачу в Аннувин еще до окончания дня.

Тарен посмотрел на принца Дома Доны с удивлением и некоторой опаской.

— Твои раны все еще свежи. Ты не сможешь совершить такое трудное путешествие.

— Но не могу и оставаться здесь в бездействии,— недовольно ответил Гвидион.— Поскольку Дирнвин был у меня в руках, я многое узнал о нем, о его силе и тайных возможностях. Не всё, но достаточно для того, чтобы считать его потерю ужасной. Дирнвин в чужих руках — угроза для всех нас.

Гвидион медленно обвел всех внимательным взглядом, словно проверяя, так ли поняли его слова.

— Никто из живущих на свете людей не помнит уже, как и где был выкован Дирнвин,— продолжал Гвидион.— История его происхождения скрыта за давностью лет, но не покрыта забвением. Правда, долгое время память о нем жила только в легендах и песнях бардов. Даже Талисин, великий бард и хранитель истории Прайдена, смог рассказать мне лишь то, что мастер Гванниен Хромой по воле короля Риддерха Гаэля выковал и закалил Дирнвин, вложив в него необыкновенную силу. На клинке меча было выгравировано заклинание, а на ножнах — письмена, предупреждение тому, кто не по праву пожелает овладеть им.

— Я помню эти старые письмена,— сказала Эйлонви,— и никогда не забуду их. Когда-то я хотела остеречь Тарена от неосторожного обращения с древним мечом. Просто для того, чтобы он не совал нос туда, где он ничего не смыслит. Там было выведено: *«ВЫТАЩИ ДИРНВИН ТОЛЬКО ТОТ, У КОГО КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ...»*

— Нет, там написано просто: «...БЛАГОРОДНАЯ КРОВЬ...» — поправил ее Гвидион, — а это не одно и то же. Заклинание запрещает трогать меч всем, кроме того, кто желает использовать его на благо людей, человека, чьи намерения благородны и честь чиста. Пламя Дирнвина спалит, уничтожит любого другого, кто попытается вытащить его из ножен. Но письмена почти стерлись. И никто уже не уверен, те ли слова, которые ты только что произнесла, принцесса, написаны на нем.

Гвидион поморщился, преодолевая боль, и продолжал ровным голосом:

— Король Риддерх носил меч всю свою жизнь, а после него — его сыновья. Их царствования были мирными, а страна цветущей. Но здесь история Дирнвина прерывается. Король Ритт, внук Риддерха, был последним, кому довелось носить у пояса волшебный меч. Этот король был хозяином Спирального Замка до того, как им завладела королева Ачрен. Как и где он встретил свою смерть, неизвестно. Но встретил он ее с Дирнвином в руках. Больше никто никогда не видел меча. О нем забыли, о нем складывали легенды и песни, пока черный меч этот лежал вместе с телом короля, погребенного в самом глубоком подземелье Спирального Замка. — Гвидион обернулся к Эйлонви. — Да, в подземелье, где ты, принцесса, и нашла его. Ты отдала его мне по своей воле, но не по своей воле я утратил его. Клинок этот ценнее моей жизни или жизни любого из нас. В руках Аровна он может принести гибель Прайдену.

— Ты думаешь, что Аровн сможет вытащить меч из ножен? — с тревогой спросил Тарен. — Сможет ли он обернуть это великое оружие против нас? Сумеет ли заставить его служить злой цели?

— Этого я не знаю, — ответил Гвидион. Лицо его приняло жесткое выражение. — Может так случиться, что Аровн, повелитель Земли Смерти, найдет способ разрушить заклинание. Или, не имея сил воспользоваться мечом, будет хранить его до тех пор, пока не найдет того, кто поможет ему в этом. Он взял бы мою жизнь, как и меч. Но благодаря Ффлевддуру Пламенному жизнь моя при мне. Теперь я должен найти и вернуть меч, хотя бы для этого нужно было проникнуть в самое сердце Аннувина.

Ачрен, молчавшая до сих пор, подняла голову и обратилась к Гвидиону:

— Позволь мне отправиться на поиски Дирнвина вместо тебя. Я знаю все дороги Аннувина, все тайные пути туда. Мне знакомы все потаенные кладовые. Я ведаю, кем, где и как они охраняются. Если меч спрятан, я найду его. Если сам Аровн носит этот меч, я отниму его. Готова поклясться любой, самой страшной клятвой, что уничтожу Аровна. Себе я уже поклялась, клянусь и тебе. Ты заставил меня жить, Гвидион, когда я молила о смерти. Теперь дай мне то, ради чего я живу. Дай мне утолить жажду мести.

Не сразу ответил Гвидион. Глаза его зелеными огоньками впились в лицо женщины. Наконец он проговорил:

— Жажда мести? Нет, не жди от меня этого, Ачрен. Этого дать я тебе не могу.

Ачрен одеревенела. Ее пальцы скрючились, словно когти, и Тарен испугался даже, что она сейчас бросится на Гвидиона. Но Ачрен не сдвинулась с места.

— Ты мне не доверяешь,— сказала она хрипло, и бескровные ее губы раздвинулись в презрительной улыбке.— Пусть будет так, принц Дома Доны. Когда-то ты пренебрег мной и отказался разделить со мной власть и королевство. Что ж, отшвырни меня прочь снова. Но знай — ты проиграешь.

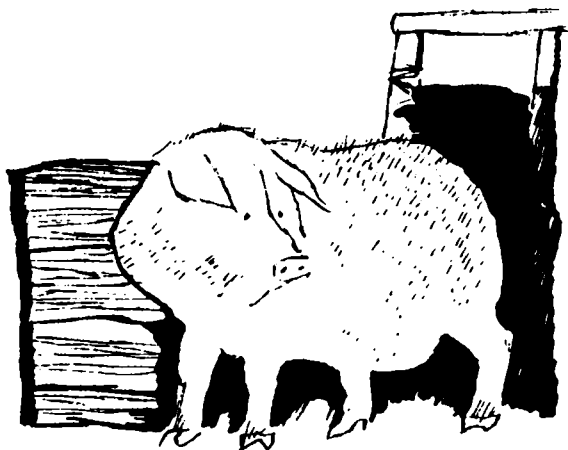
— Я не презираю тебя,— спокойно ответил Гвидион.— Только прошу остаться под защитой Даллбена. Здесь ты в безопасности. Ненависть Аровна к тебе, думаю, не меньше, чем твоя. И если уж тебе суждено отправиться на поиски меча, то только последней, когда мы потеряем всякую надежду. Или погибнем. Ведь едва ты успеешь ступить на землю Аннувина, он или его слуги убьют тебя. Нет, Ачрен, то, что ты предлагаешь, невозможно.— Он мгновение подумал.— Есть другой способ проведать, где сейчас Дирнвин.

Гвидион обернулся к Даллбену, словно ища поддержки, но тот печально покачал головой.

— Увы,— сказал Даллбен,— «Книга Трех» не может сказать того, что нам сейчас больше всего необходимо знать. Я внимательно искал ответ на каждой странице, пытаюсь понять скрытый смысл темных речений. Но они темны даже для меня. Пойди принеси мне палочки

с письменами,— обратился он к Коллу.— Только Хен Вен сумеет помочь нам.

Белая свинья из-за жердей загона с любопытством наблюдала за приближающейся к ней молчаливой процессией. Впереди шел Даллбен, держа на костистом плече пучок палочек с письменами — отполированные ветки вяза, на которых замысловатой вязью вырезаны были древние символы. Глю, прикипевший к мискам и кастрюлям, остался на кухне. Гурджи, который хорошо помнил злобные выходки бывшего великана, решил не спускать с него глаз и шнырял вокруг кухонной пристройки. Осталась в хижине и Ачрен. Она опустила на голову капюшон и застыла в темном углу.

Тарен ожидал, что свинья-прорицательница, как обычно, с радостным визгом бросится ему навстречу и просунет сквозь жерди изгороди свою довольную физиономию, чтобы он почесал ее за ухом и под подбородком. Но сейчас она почему-то сжалась от страха, забила в дальний угол загона, маленькие ее глазки были широко раскрыты, а толстые щеки колыхались от сотрясавшей ее дрожи. Когда Даллбен вошел в загон и воткнул в землю палочки с письменами, Хен Вен запыхтела и буквально вжалась в корявые жерди ограды.

Даллбен, что-то невнятно бормоча, склонился над прутиками вяза. Остальные замерли в ожидании по ту

сторону ограды. Хен Вен жалобно хрюкала и не двигалась с места.

— Чего она боится? — прошептала Эйлонви.

Никто ей не ответил. Тарен не спускал глаз с волшебника в свободном, колышущемся на ветру балахоне, с подрагивающих тонких палочек, с неподвижной, дрожащей Хен Вен. Низкое пасмурное небо скрадывало тени, и оттого всё казалось еще более неподвижным, словно бы замороженным. Тарен впервые видел, как волшебник вопрошает свинью-прорицательницу, как он ждет от нее предсказаний, то так, то эдак перемещая прутики, опутанные спиралью непонятных символов. Но видел он и

то, что свинья явно чем-то напугана и ни за что не двинется с места. Ему казалось, что прошла уже целая вечность. Даже беспечный Рун почувствовал что-то неладное. Привычно радостное лицо короля Моны помрачнело.

Даллбен с беспокойством поглядел на Гвидиона.

— Никогда прежде Хен Вен не отказывалась отвечать, если ей показывали палочки с письменами.

Он вновь пробормотал слова, которых Тарен опять не разобрал. Свинья-прорицательница крупно задрожала, зажмурила глазки и сунула голову между своими короткими толстыми ножками.

— Может, взять несколько нот на арфе? — предложил Ффлевддур. — У меня был великолепный опыт...

Волшебник сделал знак барду, чтобы тот замолчал. И еще раз заговорил он, мягко, но тоном приказа. Хен Вен сжалась и жалобно попискивала, будто от боли.

— Страх отнимает у нее силы, затмевает силу ее пророчеств, — мрачно сказал Даллбен. — Даже слова заклинаний не достигают ее ушей. Я ничего не могу сделать.

Отчаяние отразилось на лицах всех наблюдавших за ним. Гвидион нахмурился, в глазах его сквозило беспокойство.

— Неудача ждет и нас, если она ничего не скажет и не покажет, — глухо проговорил он.

Быстро, без лишних слов Тарен перемахнул через изгородь и устремился к дрожащей свинье. Он упал перед ней на колени, чесал щетинистый подбородок, нежно гладил розовую шею.

— Не бойся, Хен. Тебе здесь ничто не грозит, — ласково шептал он.

Удивленный Даллбен сделал было шаг вперед, потом остановился в недоумении. Услышав голос Тарена, свинья осторожно открыла один глаз.

Ее пяточок шевельнулся, она приподняла голову и слабо хрюкнула.

— Хен, послушай меня, — умолял Тарен, — я не имею над тобой власти, не могу приказать. Но нам нужна твоя помощь, всем нам, всем, кто любит тебя.

Тарен говорил и говорил, и постепенно свинья успокоилась, дрожь ее унялась. Хоть она и не делала попыток встать, но уже доверчиво подставляла шею, громко дышала и даже нежно похрюкивала. Она щурилась,

моргала, и пяточок ее подрагивал и морщился, изображая подобие улыбки.

— Скажи нам, Хен,— просил Тарен,— пожалуйста, скажи нам то, что знаешь, что можешь.

Хен Вен беспокойно задвигалась. Медленно и тяжело поднялась на ноги. Наконец белая свинья фыркнула и поглядела на прутики вяза, подрагивающие рядом с ней. Мелкими шажками на своих коротеньких ножках она приблизилась к ним.

Волшебник кивнул Тарену.

— Отлично сделано,— пробормотал он.— Сегодня сила Помощника Сторожа Свиньи больше моей.

Пока Тарен смотрел, не осмеливаясь и шелохнуться, чтобы не спугнуть свинью, она остановилась у первого прутика. Все еще колеблясь, Хен Вен ткнула пяточком в один из вырезанных символов, потом в другой. Даллбен быстро записывал на обрывке пергамента знаки, на которые указывала свинья-прорицательница. Хен Вен еще несколько мгновений продолжала тыкаться пяточком в первый прутик, потом внезапно замерла, испуганно хрюкнула и отпрянула назад.

Лицо Даллбена снова помрачнело.

— Неужели это так? — в тревоге бормотал он.— Нет, нет... Мы должны узнать всё.— Он покосился на Тарена.

— Пожалуйста, Хен Вен,— зашептал Тарен, снова приближаясь к свинье, начавшей опять сотрясаться от дрожи.— Помоги нам.

Свинья была так напугана, что уже никакие слова, казалось, не смогут сдвинуть ее с места. Она скосила глаза на палочки, затрясла головой и жалобно захрюкала. И все же, покорная ласкам и просьбам Тарена, свинья осторожно двинулась ко второму прутiku. Быстро, будто желая поскорей отделаться от неприятного занятия, она заскользила пяточком по цепочке символов.

Вслед за ней рука волшебника скользила по пергаменту, лихорадочно зарисовывая значки один за другим.

— Теперь третья,— поспешно сказал он.

Хен Вен на негнущихся ногах отскочила назад и плюхнулась на землю. Все успокоительные слова и умоляющие речи Тарена не могли больше сдвинуть ее с места. Наконец она, словно через силу, поднялась и затрусила к последнему, третьему прутiku вяза.

Но не успела она коснуться пяточком первого символа, как прутики задрожали и стали со свистом раскачиваться, будто под напором ураганного ветра. Они кривились, извивались, словно пытались вырваться из земли. Вдруг с ужасающим треском, скрежетом и громовым грохотом они раскололись, раздробились и рассыпались по земле мелкими щепочками.

Хен Вен с визгом бросилась назад и забилась в самый дальний угол загона. Тарен поспешил к ней. А Даллбен наклонился, собрал щепочки. Горестно и безнадежно разглядывал он жалкие обломки.

— Всё. Отныне они бесполезны,— печально сказал Даллбен.— Предсказание Хен Вен осталось неоконченным, будущее темно для меня. Впрочем, я уверен, что конец сулил бы не меньше опасностей, чем начало. Она, должно быть, почувствовала это.

Волшебник повернулся и медленно пошел из загона. Эйлонви присоединилась к Тарену, который пытался успокоить почти обезумевшую свинью. Хен Вен тяжело дышала и дрожала всем телом, пытаясь изогнуть непослушную шею и засунуть голову меж передних ножек.

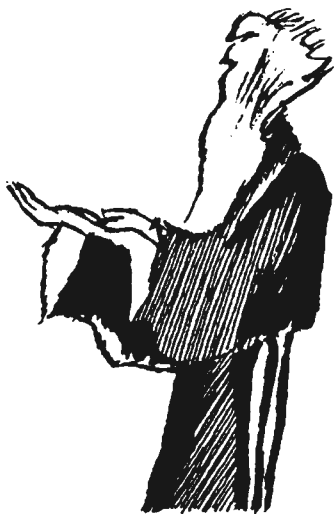
— Почему, почему она не захотела окончить предсказание? — всхлипывала Эйлонви.— И все же,— она сквозь слезы улыбнулась Тарену,— если бы не ты, Хен вообще ничего не сказала бы.

Даллбен с пергаментом в руке подошел к Гвидиону. Колл, Ффлевддур и король Рун в тревоге сгрудились вокруг них. Убедившись, что Хен Вен постепенно успокаивается и теперь хочет, чтобы ее оставили в покое, Тарен и Эйлонви заспешили к друзьям.

— Помогите! О, помогите!

Бешено размахивая руками и вопя во всю мочь, к ним несли Гурджи. Он влетел в самую середину стоящих и судорожно тыкал скрюченной пятерней в сторону конюшен.

— Гурджи ничего не мог сделать! — захлебывался он.— Он пытался, о да, он старался! Но на его слабую, бедную голову посыпались колотушки и молотушки! И она убежала! — вопил Гурджи.— Скоком и бегом верхом на лошади! Злая королева убежала!

Глава третья ПРЕДСКАЗАНИЕ

Все поспешили в конюшню. Как и говорил Гурджи, одна из лошадей короля Руна пропала. Ачрен не было и следа.

— Позволь мне оседлать Мелинласа,— попросил Гвидиона Тарен.— Я постараюсь нагнать ее.

— Она наверняка устремилась в Аннувин,— выпалил Ффлевддур.— Я никогда не доверял этой вероломной женщине. Клянусь Великим Белином, нам и не снились те каверзы, которые она затекает! Она убежала, чтобы сотворить очередную подлость, можете быть уверены.

— Скорее всего Ачрен стремится навстречу своей смерти,— глухо проговорил Гвидион, устремляя взгляд на дальние холмы.— За пределами Каер Даллбен ее всюду подстерегает опасность. Я бы поспешил ей на помощь, но время дорого. Дело, которое нам предстоит, важнее жизни любого из нас.— Он обернулся к Даллбену.— Я должен знать пророчество Хен Вен. От этого зависят все наши действия.

Волшебник кивнул и повел всех в хижину. Старец все еще держал в руках пергамент и обломки палочек. Теперь он бросил их на стол и уныло разглядывал некоторое время. Потом заговорил.

— Хен Вен поведала нам почти всё. А всё до конца, боюсь, мы у нее никогда не выпытаем. Я внимательно изучил символы, на которые она указала. Хотел бы надеяться, что ошибаюсь, потому что предсказания грозны и зловещи.— Лицо его было неподвижным, глаза опущены, и говорил он с трудом, будто каждое слово вырывалось с кровью сердца.— Я спросил ее, каким образом можно возвратить Дирнвин. Послушайте ответ, данный нам:

*«КАМЕНЬ НЕМОЙ И БЕЗМОЛВНЫЙ ВАЛУН
ВИДЕЛИ МНОГИЕ ТЫСЯЧИ ЛУН.
СПРОСИШЬ У НИХ И УСЛЫШИШЬ ОТВЕТ:
ДА ИЛИ НЕТ...»*

— Таково предсказание Хен Вен, прочитанное по первой палочке,— вздохнул Даллбен.— Отказ ли это вообще что-то сказать, само ли предсказание или предупреждение больше ни о чем не спрашивать? Не знаю, но символы второй палочки с письменами говорят о судьбе самого Дирнвина.

Даллбен медленно читал символы, и слова старого волшебника отдавались в душе Тарена болью, как удары меча.

*«ДИРНВИНА ПЛАМЯ РУКА ПОГАСИЛА.
ИСЧЕЗЛА, УТРАЧЕНА ГРОЗНАЯ СИЛА.
ДЕНЬ УНОСИТСЯ ПРОЧЬ.
ДНЕМ СТАЛА НОЧЬ.
РЕКИ ОХВАЧЕНЫ НОЧЬЮ И ДНЕМ
БЕЛЫМ И СТЫЛЫМ, ХОЛОДНЫМ ОГНЕМ,
ПРЕЖДЕ ЧЕМ ОН
БУДЕТ ВНОВЬ ОБРЕТЕН».*

Старый волшебник опустил голову и долго молчал.

— Третья палочка,— промолвил наконец он,— разрушилась до того, как Хен Вен успела прочесть на ней письмо. Но думаю, что ничего утешительного или хотя бы вразумительного мы бы не услышали. И надежд оставалось бы у нас не больше, чем теперь.

— Предсказания звучат как насмешка, — сказал Тарен. — Хен права, мы с таким же успехом могли обращаться к немym камням или безмолвным валунам. Никто и ничто не поможет нам, не осветит путь.

— И не высветит смысл этих слов! — воскликнула Эйлонви. — Хен могла бы с таким же успехом прямо сказать, что мы никогда не найдем Дирнвин. Ночь не может стать днем! И покончим с этими запутанными предсказаниями!

— Во всех своих странствиях, — добавил Ффлевддур, — я ни разу не встречал даже малюсенького горящего ручейка, а тем более пылающего холодным, ледяным огнем! Пророчество никуда не годится.

— И все же, — вмешался король Рун, сияя улыбкой, — было бы изумительно увидеть ночь, превратившуюся в день, и пылающую белым пламенем реку! Хотелось бы, чтобы это все случилось на моих глазах!

— Боюсь, что ты все это увидишь, король Моны, — серьезно сказал Даллбен.

Гвидион, который, размышляя, сидел у стола и крутил в руках обломки палочек, поднялся и заговорил, обращаясь сразу ко всем:

— Пророчества Хен Вен темны и оттого наводят уныние. Я ожидал совсем не того. Но когда предсказания не помогают, люди сами должны искать выход. — Пальцы его сжались в кулак, и остатки хрупких палочек разлетелись в мелкие щепки. — До тех пор, пока я живу и дышу, я буду искать Дирнвин. Неясность пророчества не изменила мои планы. Наоборот, это лишь вынуждает меня поторопиться.

— Тогда позволь нам идти с тобой, — сказал Тарен, поднимаясь и глядя прямо в глаза Гвидиону. — Силы наши пригодятся тебе, пока не вернутся твои собственные.

— Именно так! — выпрямился Ффлевддур. — Не стану я обращать внимания на всякие там пылающие реки! Спрашивать ответа у немых камней? Как бы не так! Я спрошу самого Аровна! От Ффлевддура Пламенного он не сможет утаить ни одного секрета!

Гвидион с сомнением покачал головой.

— В этом деле чем больше людей, тем больше риска. Его лучше делать одному. Если чья-то жизнь и ставится

на карту против Аровна, короля Земли Смерти, то это должна быть моя жизнь.

Тарен молча склонил голову, потому что сам тон голоса Гвидиона исключал какие-либо споры и возражения.

— Ты вправе решать,— сказал он.— Но, может быть, Карр сначала полетит в Аннувин? Отправь ее вперед. Она быстро обернется и что-нибудь разузнает.

Гвидион внимательно поглядел на Тарена.

— В своих странствиях ты набрался не только мужества, но и мудрости, Помощник Сторожа Свины. Твой совет хорош. Карр может послужить мне лучше и вернее, чем все ваши мечи. Но я не стану ждать ее здесь. Поступив так, я потерял бы слишком много времени. Пусть разузнает, что происходит в Аннувине, залетит в глубь тех земель насколько сможет. А потом пускай разыщет меня в замке короля Смойта, в его королевстве Каdifфор. Оно как раз лежит на пути в Аннувин.

— Но мы могли бы поехать с тобой хотя бы до замка короля Смойта,— осторожно предложил Тарен,— и охранять тебя до тех пор. Между Каер Даллбен и королевством Каdifфор могут рыскать Охотники Аровна, которые не преминут наброситься на тебя.

— Отвратительные негодяи! — вскричал бард, вспомнив свою неудачную встречу с ними.— Вероломные убийцы! На этот раз они отведают моего меча! Пусть только посмеют напасть на нас! Я очень надеюсь, что они это сделают! — Струна на арфе лопнула с таким звоном, что еще долго гудел и дрожал весь чуткий инструмент.— Э-э-э... да... ну... это только так, к слову,— смутился Ффлевддур.— На самом деле я надеюсь, что мы вообще не наткнемся на них. Они могут причинить слишком много беспокойства и, главное, помешать нашему путешествию.

— И никто не подумал обо мне! О тех неудобствах, которые ваша суета может причинить мне,— сказал Глю, отрываясь от очередного горшка с остатками еды.

Бывший великан высунулся из кухни и раздраженно озирался вокруг.

— Пташка! — насмешливо воскликнул Ффлевддур.— Дирнвин исчез, мы не знаем, будем ли живы сегодня

вечером, а он волнуется о своих неудобствах. Он и в самом деле маленький человечек и всегда им был.

— Поскольку никто из вас даже не вспомнил обо мне,— сказала Эйлонви,— я полагаю, что меня не приглашают идти вместе с вами. Очень хорошо. Я остаюсь дома.

Она своенравно тряхнула волосами и отвернулась.

— Что ж, вполне разумно, принцесса,— откликнулся Гвидион.— Вижу, дни, проведенные на Моне, не прошли для тебя даром: ты обрела мудрость молодой леди.

— Конечно,— тараторила Эйлонви,— после того, как вы уедете, мне может прийти на ум мысль, что это самый приятный день для прогулки верхом. Самое время пособирать полевые цветочки, которые не так легко отыскать, в особенности потому, что сейчас почти зима. И я могу случайно сбиться с дороги, потеряться и ненароком наткнуться на вас. К тому времени стемнеет и будет опасно мне возвращаться домой. И все это случайно и вовсе не по моей вине.

Осунувшееся лицо Гвидиона осветилось улыбкой.

— Пусть будет по-твоему, принцесса. Я принимаю то, что все равно не могу предотвратить. Едут со мной все, кто пожелает. Но не далее чем до крепости Смойта в Каер Кадарн.

— Э, принцесса,— вздохнул Колл, качая головой,— не стану я противоречить лорду Гвидиону. Но едва ли пристало молодой леди так настойчиво добиваться своего.

— Конечно нет,— тут же согласилась Эйлонви.— И королева Телерия учила: леди никогда не настаивает на своем. Всё как бы улаживается само собой, без ее участия, но почему-то именно так, как она хочет. Вот и я ни на чем не настаиваю. Ой, никогда мне не выучиться всем этим премудростям, хоть и говорят, что такие штуки проделывать проще простого, имей только сноровку...

Пока она тараторила без умолку, Тарен снял Карр с насеста около очага и понес ее во дворик перед домом. На этот раз ворона не щелкала клювом, не вертелась. Вместо обычных озорных проделок и поддразниваний, она смирно сидела на запястье Тарена и, насторожив внимательные черные глазки, слушала его подробные наставления.

Наконец Тарен поднял руку, Карр взметнулась в воздух и прощально хлопала над его головой блестящими крыльями.

— Аннувин! — прокаркала ворона. — Дир-рривин!

Она взмыла вверх. Через несколько мгновений Карр уже зависла над крышами Каер Даллбен. Ветер относил ее в сторону, как легкий осенний листок. Уверенным взмахом крыла ворона вывернулась из стремительного воздушного потока, повернула на северо-запад и стала быстро удаляться. Тарен напрягал и щурил глаза, чтобы подольше держать ее в поле зрения. Но вот ворона сверкнула в высоких лучах черной блестящей точкой и скрылась за густеющими у горизонта облаками. Беспокойство овладело Тареном. Он был уверен, конечно, что Карр готова ко всем опасностям долгого путешествия. Она увернется от стрел Охотников, избежит когтей и клювов гвитантов, яростных крылатых вестников Аровна. Да, не один раз он сталкивался с этими жестокими и сильными птицами и помнил, что даже птенцы их были опасны.

Давно, в отрочестве, Тарен спас жизнь молодому птенцу гвитанта и прекрасно запомнил его острые когти. Несмотря на храброе сердечко Карр и на ее изворотливый ум, Тарен все же очень опасался за ее жизнь. Но еще больше его беспокоило предстоящее Гвидиону смертельно опасное путешествие. А предчувствие говорило, что совсем не радостные известия принесет им Карр на своих распростертых крыльях.

Было решено, что король Рун, как только они все достигнут берегов Великой Аврен, отправит ворчливого Глю на корабль, стоящий здесь на якоре, чтобы бывший великан дожидался его на борту. Сам же король Рун собирался отправиться вместе с Гвидионом в Каер Кадарн. Глю ничто не устраивало. Не желал он качаться и укачиваться на корабле, не соглашался и остаться на берегу и спать на холодных камнях. Но жалобы и протесты бывшего великана не могли заставить короля Моны изменить свои планы.

Пока Гвидион держал последний спешный совет с Даллбеном, остальные начали выводить лошадей из конюшни. Умный Мелингар, золотогривый белый конь

Гвидиона, спокойно ждал своего хозяина. Конь Тарена Мелинлас, наоборот, возбужденно фыркал и нетерпеливо рыл землю копытом.

Эйлонви уже сидела верхом на своей любимой гнедой лошадке Ллуагор. В складках плаща принцессы была запрятана самая дорогая и любимая ее вещь — золотой шар. Стоило только взять его в руки, как он начинал ярко светиться изнутри.

— Я оставлю дома эту неудобную корону, надоевший мне золотой обруч, который и годится только для того, чтобы поддерживать волосы, зато натирает лоб чуть ли не до волдырей. Но скорее я пойду на руках, чем отправлюсь в дорогу без своей игрушки. Кроме того, если нам потребуется свет или совет, он у нас будет наверняка и без всяких неудобств и волдырей. Это гораздо практичнее и приятнее, чем золотой обруч на голове.— В седельную сумку она сунула и вышивку, сделанную для Тарена, надеясь закончить ее за время длинной дороги.— Может быть, я изменю и цвет глаз Хен Вен. Если, конечно, на это останется время.

Ффлевддур служила лошадейю огромная золотисто-коричневая кошка Ллиан, которая ростом не уступала доброму коню. Увидев барда, она громко замыкала, и бедняга едва удержался на ногах, когда эта гигантская кошка кинулась ему на грудь и обняла своими мощными лапами.

— Спокойнее, старушка,— урезонивал бард свою Ллиан, которая принялась тереться лобастой головой о его шею и плечи.— Я знаю, что ты хочешь послушать мою игру на арфе. Я сыграю, но позже. Обещаю тебе.

Глю немедленно узнал Ллиан.

— Это нечестно,— засопел он.— По праву она принадлежит мне.

— Да,— ответил Ффлевддур,— если считать, что именно ты пичкал ее теми отвратительными зельями, которые варил, желая вырастить. Хочешь поездить на ней? Что ж, попробуй. Но предупреждаю, память Ллиан не так коротка, как твои ножки, бывший громадина.

Ллиан на самом деле принялась бить хвостом о землю при виде Глю. Она нависла над толстеньким коротышкой, желтые глаза ее сверкали, усы подрагивали, уши, увенчанные кисточками, почти прилипли к голове. Из горла ее вырвался звук, вовсе не напоминающий только что промяуканное приветствие барду.

Ффлевддур быстро сдернул с плеча арфу и стал наигрывать нежную мелодию. Ллиан отвела глаза от Глю, рот ее растянулся в довольной улыбке, и она, блаженно сощурившись, с любовью уставилась на барда.

Бледное лицо Глю стало совсем белым, и он бочком стал отходить подальше от кошки.

— Когда я был великаном,— бормотал Глю,— всё в мире было устроено гораздо лучше и безопаснее.

Король Рун оседлал свою серую в яблоках лошадь. Поскольку и Колл решил присоединиться к Гвидиону и собрался ехать на своей гнедой кобыле Лламрей, дочери Мелинласа и Ллуагор, у Глю не оставалось другого выбора, как только взобраться позади Гурджи на его лохматого пони. Впрочем, это не доставило удовольствия никому из них троих. Тарен тем временем помогал Коллу собирать в конюшне, кузнице и под навесом для инструментов необходимое им оружие.

— Маловато. Едва ли хватит на всех,— колебался Колл.— Эти пики, кстати, неплохо служили подпорками для бобовых плетей,— добавил старый воин.— Я уж и не надеялся использовать их для иных целей. Увы, единственный меч, который я могу дать Гвидиону, заржавел от того, что я втыкал его в землю, подпирая ветви яблонь. Что же касается шлемов, то, кроме моей кожаной шапки, ничего и не сыщешь. Да и в той воробьи устроили гнездо. Не стану же я их беспокоить по пустякам. К тому же моя собственная старая тыква,— он похлопал себя по лысой голове и лукаво подмигнул Тарену,— покрепче любого шлема. Ее вполне хватит еще не на одну битву, а уж до Каер Кадарн и обратно я ее как-нибудь донесу.

Колл, видя беспокойство Тарена, старался его разве-селить и рассеять его мрачные мысли.

— А ты, мой мальчик,— весело продолжал он,— что-то повесил нос и выглядишь, как побитый морозом турнепс. Когда-то, помнится, ты весь дрожал от радости и горел нетерпением, стоило только Гвидиону поманить тебя за собой.

Тарен улыбнулся.

— Я бы отправился и в Аннувин, если бы Гвидион позволил. Да, ты прав, старый друг, для того мальчика, каким я был когда-то, это путешествие казалось бы только смелым приключением, погоней за легкой славой. Теперь-то я знаю: жизнь человека стоит больше, чем слава, и даже капля пролитой крови слишком большая плата.

Тарен посерьезнел.

— Мое сердце беспокойно, — сказал он. — Нет, я не трепещу, но и не особо радуюсь предстоящим приключениям, тем опасностям, что, уверен, подстерегают нас. В давние времена, освобождая украденную Хен Вен, ты уже побывал в Аннувине. Скажи, может ли Гвидион в одиночку добиться чего-нибудь в королевстве Аровна?

— Ни один человек не сможет сделать большего, — сказал Колл, взваливая на плечи пики. Он повернулся и вышел из-под навеса, этим как бы желая прекратить разговор. И Тарен понял, что старый воин так по-настоящему и не ответил на его вопрос.

Каер Даллбен остался далеко позади. День уже клонился к вечеру, когда путники разбили лагерь в самой глубине леса.

Эйлонви с блаженным вздохом опустилась на жесткую, чуть промерзшую землю.

— Как давно я не спала на каменной лесной подстилке! — улыбнулась она. — Насколько это приятнее перин на гусином пуху.

Гвидион позволил развести небольшой костер. Пока обстоятельный Колл отводил в сторонку и привязывал лошадей, Гурджи открыл свою сумку с едой и стал быстро извлекать оттуда все подряд. Все, промерзшие и одеревеневшие от долгого путешествия, были сегодня на редкость молчаливы и хмуры. Только король Рун не потерял своего обычного хорошего расположения духа. Когда путники подсели поближе к костру и замерли, глядя на бледные языки пламени, король Рун нашел острую веточку и стал деловито царапать ею по земле, рисуя запутанную паутину линий.

— Дамба, дамба... — бормотал он. — Я, кажется, понял, почему ничего не получилось. Да, именно так. Всё надо по-другому...

Тарен видел, как в отблеске костра горят глаза Руна, как на лице его появилась знакомая мальчишеская улыбка. Но во всем облике юноши уже не было прежней мальчишеской неуклюжести и беспомощной наивности. Тарен понял, что Рун больше не был тем суетливым безалаберным князьком, которого он знал на острове Мона. Сейчас король Рун был так же весь поглощен своим делом, как и Тарен когда-то в кузнице, за

ткацким станком или перед гончарным кругом. И если Рун повзрослел, правя королевством, то Тарен возмужал в тяжелом труде среди основательных мастеров народа Свободных Коммотов. Сейчас он разглядывал Руна и чувствовал, как прежняя приязнь сменяется в нем новой и сильной привязанностью к этому чистому и от-

крытому юноше. Король Моны продолжал лихорадочно чертить, стирать, снова корябать жесткую землю, улыбаться, хмуриться, что-то бормотать, и Тарен тоже увлекся его занятием. Он внимательно разглядывал поначалу запутанные и непонятные линии на земле, изучал их, вникал в смысл рисунка и вдруг улыбнулся. Он понял, что здесь не так, что не получается. Как и прежде, намерения короля Моны были чуть больше его умения.

— Подозреваю, что твоя плотина рухнет, если ты построишь таким образом,— не удержался Тарен.— Посмотри сюда.— Он провел пальцем по извилистой линии.— В основание следует класть более тяжелые камни, утопить их поглубже. А здесь...

— Изумительно! — воскликнул король Рун, на ходу подхватив мысль Тарена.— Совершенно верно! Ты должен приехать на Мону и помочь мне докончить строительство! — Он принялся лихорадочно стирать и заново прочерчивать свои линии, да так увлеченно, что чуть не свалился в костер.

— О великий и добрый хозяин! — восторженно вскричал Гурджи, внимательно следивший за разговором, в котором мало что понимал.— О мудрые заковыки и закорючки! Гурджи очень хочет побольше уметь и уменья!

Гвидион сердито глянул в их сторону.

— Наш костер и так довольно рискованная затея, и нечего добавлять к нему еще и шум. Могу лишь надеяться, что Охотники не рыщут где-нибудь поблизости. Нас слишком мало, чтобы противостоять даже горстке этих убийц. Это не обычные воины,— пояснил он, поймав недоуменный взгляд Руна,— но воплощение зла. Убей одного из них, так сила его переходит к остальным.

Тарен согласно кивнул.

— Они опасны почти так же, как Дети Котла,— предупредил он Руна,— эти безмолвные и бессмертные стражи Аннувина. Они страшны. Ведь Детей Котла нельзя убить, хотя их сила и убывает по мере того, как они удаляются от королевства Аровна. И в этом они уязвимы.

Рун недоуменно моргал, а Гурджи вдруг притих и стал испуганно вглядываться в темноту. Воспоминания о безжалостных Детях Котла вернуло мысли Тарена к пророчеству Хен Вен.

— Дирнвина пламя рука погасила...— припомнил Тарен.— Все же как Аровн сможет добиться этого? Несмотря на всю его колдовскую силу, не поверю я, что он сможет хотя бы вытащить клинок из ножен.

— Смысл пророчества всегда больше, чем простое значение слов,— сказал Гвидион.— Попробайся проникнуть в глубину, скрытую за словом. Для нас пламя Дирнвина уже погашено, если он в руках Аровна, а не в моей руке. А значит, и пользы он нам не принесет, хотя и вреда тоже, если меч будет погребен в сокровищнице короля Аровна.

— Сокровища? — воспрянул Глю. Он даже перестал жевать в это мгновение.

— Владения Аровна не только твердыня зла, но и кладезь сокровищ, похищенных у людей,— продолжал Гвидион.— Его тайники переполнены всеми прекрасными и полезными вещами, которые Аровн украл в Прайдене. Эти сокровища вовсе не служат ему. Его цель — отнять их у людей, истощить нашу силу и жизнь, отбывая то, что могло дать более богатый урожай, облегчить труд и даровать великое мастерство.— Гвидион помолчал.— Разве это не равно смерти, только под другой личиной?

— Мне рассказывали,— проговорил Тарен,— будто подземные сокровищницы Аннувина набиты всем, о чем люди мечтают. Там есть плуги, которые, говорят, могут работать сами, серпы, которые жнут без помощи человеческих рук, волшебные инструменты, что сами могут творить непревзойденные по мастерству вещи.— Тарен сдвинул брови.— Да, Аровн украл секреты мастерства у кузнецов и гончаров, знания у пастухов и крестьян. Эти знания, это умение тоже заперто в его тайниках.

Глю замер. Недоеденный кусок мяса застыл в его толстеньких, испачканных жиром пальцах. Он даже затаил дыхание, потом прочистил горло и пропищал:

— Я, пожалуй, согласен простить вам все ваши на-
смешки, все ваше пренебрежение и все унижения, кото-
рым вы меня подвергали. Уверен, вы не позволили бы
себе этого, будь я по-прежнему великаном. Ну да ладно!
Я прощаю вас всех. И в знак моей доброй воли и снис-
хождения я поеду путешествовать с вами.

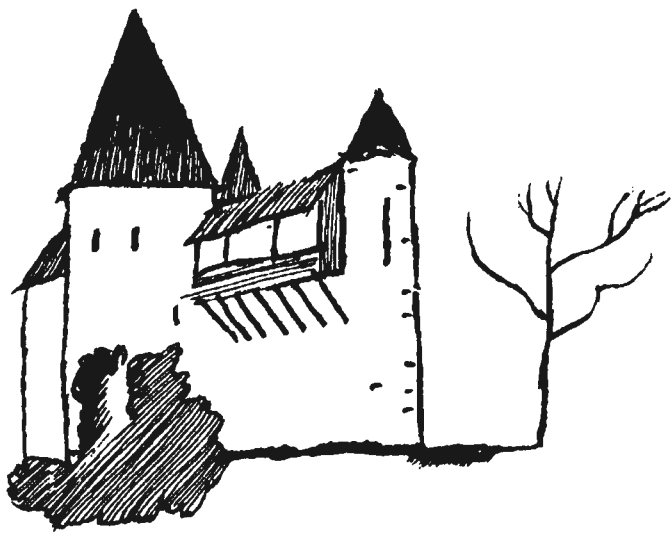
Гвидион прищурился и проницательно посмотрел в
сторону напыщенного Глю.

— Возможно, мы тебя возьмем,— произнес он тихо
после некоторого размышления.

— Понятно! — фыркнул Ффлевддур.— Этот толстый
коротышка надеется пожить чем-нибудь. Я видел,
как задрожал его нос! Вот уж не думал, что придет час,
когда придется брать его в сотоварищи! Но, по-моему,
безопаснее иметь его при себе, чем у себя за спиной.

Глю кисло улыбнулся.

— Я тоже тебя прощаю,— сказал он.

Глава четвертая

ЗАМОК КОРОЛЯ СМОЙТА

На рассвете путники стали собираться в дорогу. Король Рун намеревался на время отделиться от них и направиться на запад в гавань Аврен. Там он сообщит капитану корабля об изменении своих планов и уж потом нагонит остальных. Ффлевддур вызвался сопровождать его, потому что, как утверждал бард, он знал все самые мелкие броды через реку и самые кратчайшие тропинки в лесу.

Эйлонви вдруг решила тоже идти с ними.

— Я оставила половину своих ниток на корабле Руна, а без них я не смогу закончить вышивку. Никто из вас не сумеет отыскать их, потому что я и сама точно не знаю, куда запихнула шкатулку с нитками и иглами. К тому же там остался и мой теплый плащ, и... всякие там другие мелочи...

Колл усмехнулся и потер лысую голову.

— Принцесса,— заметил он лукаво,— становится леди во всем, даже в мелочах.

— Поскольку я теперь не еду на Мону,— сказал Глю,— чье ночное решение, как видно, осталось непоколеби-

мым,— не вижу причин, чтобы делать ненужный крюк в пути. Я поеду с лордом Гвидионом.

— Вот тут ты, дорогой коротышка, ошибся,— язвительно проговорил бард.— Садись-ка позади короля Монь, если он согласен вытерпеть твоё общество, да поскорее. Не думай, что я выпущу тебя из виду даже на мгновение. Куда пойду я, туда отправишься и ты. И наоборот. Считай, что мы отныне связаны одной веревочкой.

Тарен отвел Ффлевддур в сторону.

— Послушай,— сказал он,— я согласен, что за Глю нужен глаз да глаз. Но я сам посижу за ним.

Бард встряхнул своими взъерошенными желтыми лохмами.

— Э, нет, мой друг! Мне будет спокойнее, если я стану наблюдать за ним своими собственными глазами. И все время. Нет уж, хитрый коротышка — моя забота! Поезжай вперед, а мы присоединимся к вам на другом берегу Аврен еще до полудня.

Вдруг Ффлевддур широко улыбнулся.

— Буду рад вновь увидеть Смойта,— сказал он.— Этот рыжебородый старый медведь дорог моему сердцу. Мы отлично попируем в Каер Кадарн, потому что Смойт ест так же неистово, как и сражается.

Гвидион уже оседлал Мелингара и поторапливал их. Ффлевддур дружески хлопнул Тарена по плечу и побежал вскарабкиваться на спину Ллиан, которая весело прыгала и крутилась в лучах яркого утреннего солнца, гонясь за своим собственным хвостом.

Король Рун, Ффлевддур, Эйлонви и Глю вскоре скрылись из виду. Тарен ехал между Гвидионом и Коллом, а Гурджи трусил позади.

Остановились они, только переправившись на противоположный берег Великой Аврен. Уже давно наступил полдень, но остальных путников не было видно. Тарен немного забеспокоился, но решил, что ничего не могло с ними случиться.

— Вероятно, Рун остановился посмотреть на нору барсука или зазевался на снующих по тропинке муравьев,— пошутил он.— Надеюсь, ничего другого не произошло.

— Не волнуйся,— откликнулся Колл,— Ффлевддур не очень-то даст ему отвлекаться. Они будут здесь с минуты на минуту.

Тарен дунул в свой рог, рассчитывая, что громкий звук его достигнет ушей барда, если тот ненароком и перепутал так знакомые ему тропинки. Но никто не появился. Гвидион, подождав столько, сколько мог себе позволить, решил продолжать путь в Каер Кадарн. И весь остаток дня они, уже не останавливаясь, быстрым шагом продвигались вперед.

Тарен тем не менее часто оборачивался, каждый раз надеясь увидеть Руна и его спутников, галопом настигавших их, или внезапно услышать знакомое «Привет, привет!» короля Моны. Но день угасал, и Тарен понял, что Рун, скажи он хоть во весь опор, уже вряд ли нагонит их. К тому же он был уверен, что осторожный и опытный Ффлевддур не станет продолжать путь с наступлением темноты.

— Они устроили привал где-то позади,— заверил его Колл.— Если даже они и заблудились немного, Ффлевддур сумеет отыскать дорогу к замку Смойта. Там мы и встретимся. А в крайнем случае Смойт пошлет на розыски поисковый отряд.— Он потрепал Тарена по плечу своей крепкой рукой.— Не волнуйся раньше времени. Или,— добавил он, подмигнув,— ты немного скучаешь без общества принцессы Эйлонви?

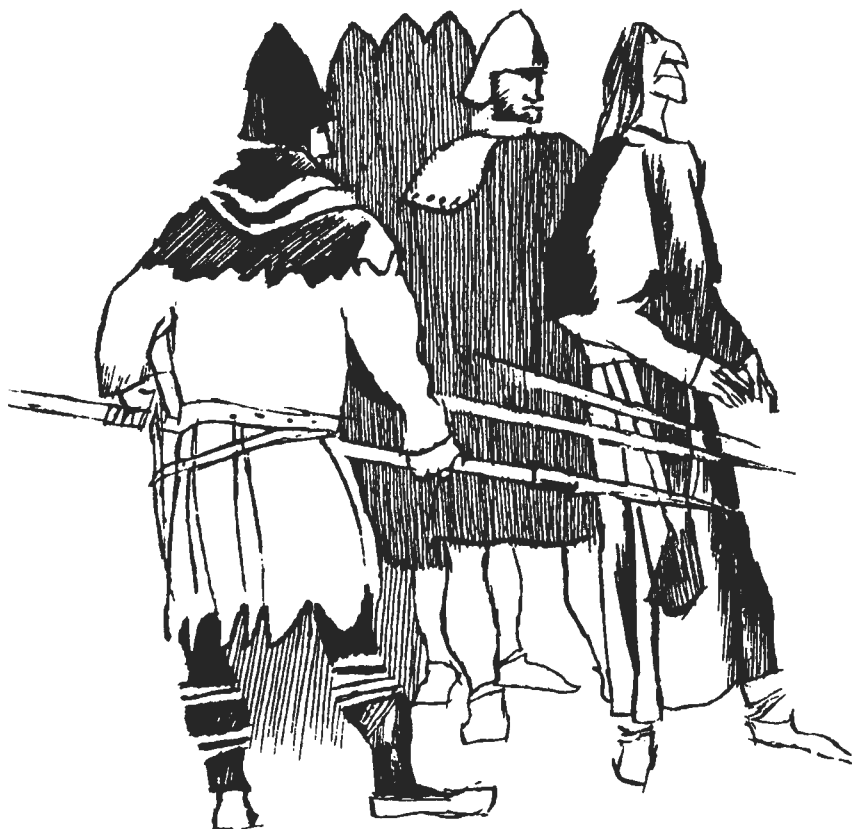
— Ей не следовало ехать с ними,— сердито откликнулся Тарен.

— Пожалуй,— усмехнулся Колл,— но ты почему-то и слова не сказал против этого.

Тарен тоже усмехнулся в ответ.

— Спорить с ней? — хмыкнул он.— Я давным-давно отказался от этой пустой затеи.

Утром следующего дня перед ними открылся Каер Кадарн. На высокой каменной башне развевался темно-красный стяг короля Смойта с эмблемой — черным медведем. Крепость возвышалась посередине просторного поля, и зубцы стен хмурились, словно брови могучего короля над его бородатым лицом, испещренным, как и эти стены, шрамами и вмятинами, следами многих битв. Колл, ехавший впереди на неутомимой Лламрей, прокричал страже, чтобы открыли ворота перед лордом

Гвидионом, принцем Дома Доны. Массивные ворота почти тут же распахнулись, и путники галопом въехали во внутренний двор, где вооруженные люди приняли их коней. К Большому залу Смойта они двинулись в сопровождении большого отряда воинов.

Гвидион быстро шагал по коридору. Окруженные стражей, Тарен, Колл и Гурджи поспешали за ним.

— Смойт, наверное, сейчас ест,— сказал Тарен.— Его завтрак тянется до полудня.— Он засмеялся.— Смойт утверждает, что завтрак только разжигает его аппетит перед обедом. Гвидион не вытянет из короля ни единого слова, пока тот не накормит нас до отвала.

— Да, да! — сглотнул слюну Гурджи.— Гурджи мечтает о вкусной чавке и хрумтявке!

— И это у тебя будет, старина,— успокоил его Тарен.— Будь уверен, голодным не останешься.

Они вошли в Большой зал. У дальней стены стоял огромный трон Смойта, вырезанный из цельного дуба в виде медведя с разведенными в стороны лапами, служащими подлокотниками.

Человек, сидящий на троне, никак не был похож на Смойта.

— Мэгг! — выдохнул Тарен.

В то же мгновение стража напала на них. Меч Тарена сорвали у него с пояса. С воинственным воплем Гвидион кинулся в гущу воинов, но их было слишком много, и его быстро схватили, пригнули к полу и поставили на колени. Колла тоже прижали к полу и приста-

вили к спине копье. Гурджи уворачивался, вопил от ярости и страха. Стражник схватил его за лохматый загривок и бил до тех пор, пока несчастное существо могло держаться на ногах.

Лицо Мэгга скалилось в улыбке, словно череп мертвеца. Небрежным взмахом тощей руки он приказал стражникам отойти. Злорадная улыбка словно бы приклеилась к его серому узкому лицу.

— Не мог я предвидеть нашей встречи, лорд Гвидион,— проскрипел Мэгг.— Я завладел крепостью Каер Кадарн. Но заполучить в придачу и тебя? Такого подарка я и не ожидал!

Зеленые глаза Гвидиона вспыхнули.

— Как только осмелился ты вторгнуться во владения короля Смойта? Беги отсюда, пока он не вернулся. Уноси ноги. Он тебя не погладит по головке.

— Ты присоединишься к королю Смойту,— ответил Мэгг.— Хотя мне претит называть этого грубияна королем.— Губы Мэгга искривились. Он с удовольствием разгладил складки на своем расшитом плаще.

Тарен обратил внимание на богатое одеяние Мэгга. Оно было роскошнее даже тех щегольских одежд, в которые облачался когда-то на Моне этот гладко прилизанный надменный человечиска, бывший Главный Управитель королевского двора.

— Мой сеньор, мой повелитель,— при этих словах самодовольная улыбка на лице Мэгга сменилась льстивой и немного трусливой гримасой.— Мой хозяин,— громче произнес Мэгг,— выше, чем король Моны, могущественнее, чем королева Ачрен.— Он потеревил тяжелую цепь, обвивающую его шею.— Он сильнее, чем принц Дома Доны! — И Мэгг нежно погладил большой нагрудный знак.

В ужасе Тарен увидел, что на этом знаке был выбит тот же символ, что выжжен на лбах Охотников Аннувина.

— Я служу,— торжественно произнес Мэгг,— великому сеньору, королю Аннувина Аровну.

Ни один мускул на лице Гвидиона не дрогнул. Он так же неотрывно смотрел на Мэгга.

— Ты нашел своего настоящего хозяина, Мэгг,— коротко бросил он.

— Когда мы в последний раз расстались, лорд Гвидион,— прошипел сквозь зубы Мэгг,— я верил, что ты умер. Позже я узнал, что ты жив.— Главный Управитель провел языком по губам.— Редко кому удается утолить чувство мести дважды. И я терпеливо ждал того дня, когда мы встретимся вновь.

Мэгг даже привстал с трона от возбуждения.

— Я был терпелив, да,— прошипел он.— Долго я скитался и странствовал после того, как покинул остров Мона. Многим людям я смиренно служил, ожидая благоприятного случая. Один даже хотел бросить меня в темницу. Меня, Мэгга, у которого когда-то почти в руках было королевство! — Он уже визжал. Лицо его побелело, а глаза вылезли из орбит.

Но через мгновение-другое усилием воли он обрел контроль над своим голосом, над дрожащими руками и искаженным от злобы лицом и опустился на трон. Теперь он цедил слова осторожно, будто пробуя сначала каждое на вкус.

— Наконец,— продолжал Мэгг,— я отправился в Аннувин, в землю, лежащую за Вратами Тьмы. Король Аровн не знал меня тогда так, как узнал теперь.— Мэгг удовлетворенно покивал.— И от меня он узнал очень многое.

Он оглядел молчаливых своих пленников и выпалил:

— Король Аровн узнал историю Дирнвина! Ему было известно, что меч утерян, а потом найден и что носит его теперь лорд Гвидион. Но именно я, Мэгг, подсказал Аровну, как лучше его дсбыть.

— Даже в своем предательстве ты жалок и ничтожен,— с презрением сказал Тарен.— Рано или поздно Аровн и без тебя придумал бы этот коварный план.

— Возможно,— хитро ухмыльнулся Мэгг,— возможно, что он действительно узнал от меня меньше, чем я от него. Потому что я вскоре выяснил, что его власть не так уж прочна. Защитник его, Рогатый Король, давно потерпел поражение. Даже Черный Крошан, котел, который давал ему воинов, бессмертных Детей Котла, разбился вдребезги.

Мэгг уже не мог остановиться в своем безудержном хвастовстве и откровенно выкладывал всё, что было у него на уме.

— У короля Аровна много тайных слуг среди королей и мелких владетелей княжеств,— продолжал Мэгг.— Он обещал им еще бóльшие богатства и владения, и они, в свою очередь, поклялись служить ему. Но его поражения обеспокоили их. Это я подсказал ему, какими способами добиться от них беспрекословного повиновения. Это был только мой план, который и дал ему в руки Дирнвин!

Мэгг снова начал постепенно возбуждаться.

— Теперь, да, теперь! — почти бессвязно выкрикивал он.— Именно теперь по всем княжествам разнеслась весть о том, что Аровн, повелитель Земли Смерти, владеет самым могущественным оружием во всем Прайдене! Он знает его тайны гораздо лучше, чем ты, лорд Гвидион, и знает, что его нельзя победить. Его преданные вассалы, его слуги радуются, потому что скоро, совсем скоро ощутят вкус победы. Новые военачальники объединятся под его знаменами, и новое войско его будет гораздо больше и сильнее прежнего.

Мэгг уже совершенно не владел собой.

— Я! — вопил он.— Я, Мэгг, сделал это! Я, Мэгг, второй по могуществу после повелителя Земли Смерти! Я, Мэгг, говорю от его имени! Я его самый доверенный посланник. И я езжу из королевства в королевство, собирая армии, чтобы уничтожить Сыновей Доны и тех, кто присягнул им на верность! Весь Прайден будет моим... его владением! А те, кто осмелится выступить против него... если только король Аровн захочет быть милосердным, то он их просто убьет. Его Охотники выпьют их кровь. А другие, покорные, будут пресмыкаться в рабстве вечно!

Глаза Мэгга лихорадочно сверкали, бледный лоб его блестел от пота, щеки мелко дрожали.

— Вот что под клятвой обещал мне король Аровн: когда-нибудь я, Мэгг, надену Железную Корону Аннувина!

— Ты такой же презренный глупец, как и предатель,— сказал Гвидион твердым голосом.— Впрочем, и глупость слишком хороша для твоей безмозглой голо-

вы. Сначала ты поверил словам Аровна. Потом уверил себя, что король Смойт станет слушать твои безумные слова. Ты убил его? Только мертвый может спокойно выслушивать твои змеиные речи.

— Смойт жив,— ответил Мэгт.— И мне наплевать на его верность. Я ищу верности его вассалов, мелких князьков. А что он без них? Я заставлю Смойта приказывать им верно служить моему хозяину и мне!

— Король Смойт скорее вырвет свой язык! — вскричал Тарен.

— Пусть! — отмахнулся Мэгт.— Он и немой мне послужит. Даже лучше. Я стану возить его с собой, а говорить вместо него, но от его имени. И все же,— он задумался,— я бы предпочел, чтобы приказы звучали из его собственных уст. Есть много способов развязать ему язык вместо того, чтобы отрезать его заодно с головой. Некоторые из них уже испробованы.

Глаза Мэгта сузились.

— И лучший из этих способов стоит сейчас передо мной. Ты, лорд Гвидион, и ты, скотник. Вы поговорите с ним. Пусть Смойт поймет, что он должен будет уступить мне.— Мэгт криво улыбнулся.— Ваши жизни зависят от этого.

Главный Управитель слегка кивнул. Стража выступила вперед.

Пленников грубыми тычками вытолкали из Большого зала. Потрясение и отчаяние так ошеломили Тарена, что он плохо сознавал, по какой дороге и куда их ведут. Воины остановились. Один рывком распахнул дверь. Другие затолкали пленников в узкую камеру. Дверь с протяжным скрипом закрылась. И темнота поглотила их.

Продвигаясь ощупью, Тарен споткнулся о чье-то тело, распростертое на полу. Человек зашевелился и грозно взревел.

— Клянусь моими жилами и костями! — гудел голос короля Смойта, и Тарена тисками сжали могучие руки.— Ты осмелился прийти сюда, Мэгт? Тебе не взять меня живым! И самому живым не выбраться!

Тарен почти задохнулся, он чувствовал, как буквально трещат его кости. Но тут, на его счастье, Гвидион поспешил выкрикнуть свое имя и имена своих спутни-

ков. Хватка Смойта мгновенно ослабла, и Тарен почувствовал на своем лице огромную пятерню.

— Клянусь моей печенкой, вот это кто! — вскричал Смойт, когда они столпились вокруг него. — Сторож Свиньи! Лорд Гвидион! Колл! Да я бы везде узнал твою лысую голову! — Его рука наткнулась на спутанную шерсть Гурджи. — А, и малышка... Как-Его-Там тоже здесь! Рад встрече, друзья мои! — Смойт вдруг тяжело застонал. — И не рад ей, по правде говоря. Как этот скользкий червяк сумел схватить вас? Этот напояженный, пахнущий прогорклым жиром лакей поймал в ловушку всех нас!

Гвидион коротко поведал Смойту, что с ними произошло.

Рыжебородый король бешено заревел:

— Мэгг схватил меня так же просто, как и вас. Вчера я завтракал и едва приступил к мясу, как мой слуга принес известие, что посланник лорда Гориона хочет поговорить со мной. Я знал, что у Гориона распри с лордом Гастом. Как всегда, из-за черной коровы. Эх, кончится ли когда-нибудь эта бесконечная свара между князьями Кадиффора? Тем не менее, поскольку накануне я выслушал лорда Гаста, мне казалось, что будет справедливо послушать и мнение Гориона.

Смойт фыркнул и хлопнул себя по могучим бедрам.

— Прежде чем я успел проглотить то, что уже записал в рот, воины Мэгга набросились на меня. Клянусь моим сердцем и селезенкой, некоторые из них надолго запомнят Смойта! Если я вообще не отшиб у них память. Но в засаде находилось и другое войско. Они ворвались через ворота. — Смойт закрыл лицо руками. — Что же касается моих людей, то те, кого не убили, заперты в караульной и на складе оружия.

— А ты, — с тревогой спросил Тарен, — тебе больно? Мэгг говорил о пытках.

— Больно? — Смойт взревел так громко, что эхо заметалось между стен. — Пытка? Я стерплю все пытки! Всё стерплю! Но не в руках этого слизняка! У меня достаточно толстая шкура. Мэгг ломает зубы о мои кости! Он беспокоит меня не больше, чем укус блохи или

царапина от колючки куманики. Мне бывало хуже и в дружеской потасовке.

Он поднялся во весь свой могучий рост.

— Ты говоришь о боли? — наступал он на Тарена.— Да оказаться запертым в темнице своего собственного замка в тысячу раз больнее, чем пытка раскаленным железом! Клянусь каждым волоском моей бороды! Моя крепость, а я в ней узник! Только подумай — быть одуроченным в собственном Большом зале! Мою собственную еду вырвали у меня прямо изо рта! Посмели нарушить мой завтрак! Пытка? Нет, похуже! Это равно потере аппетита!

Тем временем Колл и Гвидион шарили по стенам и, насколько позволял тусклый свет, пытались обнаружить в них какую-нибудь трещину, зазор или неровность. Теперь, когда глаза Тарена немного привыкли к темноте, он смог тоже оглядеться и понимал, что все усилия друзей тщетны. Окон в помещении не было, и весь скудный свет проникал к ним сквозь крошечную решетку в двери. Пол был выложен булыжниками, плотно пригнанными один к другому. Всё было построено на совесть.

Сам Смойт, уразумев, что ищут Гвидион и Колл, покачал головой и потопал по полу громадными ботинками с железными, чуть ли не лошадиными, подковами.

— Крепкий, как скала! — гордо вскричал он.— Я знаю это, потому что сам выкладывал и вбивал булыжники в землю. Не тратьте сил, друзья мои. Стены рухнут не раньше, чем я сам. А уж я-то сколочен крепко!

— Как глубоко под землей твоя темница? — спросил Тарен, хотя надежды на побег исчезали с каждым мгновением.— Можем ли сделать подкоп?

— Темница? — зарычал Смойт.— У меня нет больше темниц в Каер Кадарн. Когда мы виделись в последний раз, ты назвал мои темницы бесполезными. Ты был прав, поэтому я замуровал их. Теперь в моем королевстве нет преступлений, которые я не мог бы разрешить или даже предотвратить только словом. Тот, кто слышит мой голос, тут же исправляется или меняет свое мнение. Темница! Ха! Это запасная кладовая.

Он сердито заворчал.

— Хм, стал бы я делать так прочно какую-то темницу! — Смойт грохнул кулаком по стене. — Пусть Мэгт приносит свое железо и плети! Я не стану на них обращать ни малейшего внимания, когда меня терзают мучения пострашней его пыток! Кладовая находится рядом с кухней! Я не набивал свое брюхо уже два дня! А ему, моему ненасытному брюху, кажется, что уже два года! Подлый предатель без конца празднует. А я? Мне всего лишь достается запах его праздничных кушаний. О, он заплатит за это! — вскричал Смойт. — Вот этими руками я выдавлю из его хилой глотки все пудинги и пирожные, которые он когда-либо глотал!

Гвидион подошел к разъяренному Смойту.

— Твоя кладовая может стать нашей могилой, — сказал он мрачно. — И не только нашей, — добавил он. — Ффлевддур Пламенный ведет своих спутников сюда. Челюсти Мэгга могут сомкнуться на их шеях так же крепко, как сомкнулись на наших.

Глава пятая

НАБЛЮДАТЕЛЬ

Хотя Ффлевддур довольно быстро привел Эйлонви, короля Руна и Глю к гавани на Аврен, их возвращение с корабля оказалось не таким скорым. Сначала король Моны совершенно неожиданно кувырнулся через голову своей серой в яблоках лошади, когда она вдруг резко остановилась, чтобы попить воды из реки. Несчастный король вымок до нитки, но не это расстроило его. Во время падения пояс Руна расстегнулся, и меч нырнул на дно. Рун не успел поймать его, потому что и сам запутался в лошадиной упряжи. Пришлось нырять в реку Ффлевддуру. Он достал меч, но вымок с ног до головы. Глю теперь упирался и свирепо протестовал, не желая ехать в седле позади мокрого барда.

— Тогда иди пешком, упрямый коротышка,— вскричал раздосадованный Ффлевддур, дрожа и прихлопывая себя по бокам, чтобы согреться.— И по мне лучше, чтобы ты топал в обратном направлении. Надоел!

Глю только высокомерно фыркнул и отказался даже пошевелиться.

Эйлонви нетерпеливо топнула ногой.

— Не собираетесь ли вы немного поторопиться? Мы отправились сопровождать Гвидиона и заботиться о нем, а едва можем позаботиться о себе.

Бывший великан наконец согласился ехать с Эйлонви на ее Ллуагор, и они снова готовы были двинуться в путь. Но на Ллиан вдруг напало игривое настроение. Она носилась на своих огромных мягких лапах, прижималась к земле и вдруг взвивалась в воздух, не даваясь в руки. Однако Ффлевддур изловчился и вцепился в ее золотисто-коричневую шею. Он повис на ней, упираясь ногами в землю и не позволяя ей упасть на спину и кататься по траве.

— Она... редко вытворяет такое...— выкрикивал бард, взлетая вместе с прыгающей кошкой.— Она... на самом деле... довольно хорошо... ведет себя! Не стоит... ругать ее. Это ни к чему... не приведет!

В конце концов он умудрился одной рукой сорвать с плеча арфу и тронуть струны. Ллиан тут же затихла, а барду пришлось играть до тех пор, пока Ллиан окончательно не успокоилась и стала мягкой и покорной.

Так они и продвигались вперед, преодолевая каждый раз неожиданные и довольно глупые препятствия. Ближе к полудню бард услышал слабый звук боевого рога.

— Это Тарен,— сказал Ффлевддур, прислушиваясь.— Они беспокоятся о нас. Ничего, надеюсь, мы скоро нагоним их.

Путники неслись уже во весь опор, но расстояние между ними и отрядом Гвидиона, казалось, не уменьшается, а наоборот, увеличивается с каждым шагом. И с наступлением вечера они, усталые, решили сделать привал. Сон быстро сморил их.

Настало утро. Сон и утренняя свежесть придали им бодрости. Ффлевддур утверждал, что им осталось не более половины дня пути. Король Рун, подгоняемый нетерпением, понукал, гнал без передышки свою серую в яблоках кобылку. Но она все равно не могла бежать так же быстро, как широколапая Ллиан и даже кобыла Эйлонви. Им без конца приходилось придерживать своих скакунов и поджидать пыhtящего в седле Руна.

День был в самом разгаре. Они немного притомились и ехали неспешным шагом, когда король Рун вдруг радостно вскрикнул. Совсем недалеко от них, чуть

скрытый от глаз серым маревом, лежал Каер Кадарн. Они увидели и темно-красное пятно стяга на башне. Обрадованный Рун уже было хотел пришпорить лошадь, когда Эйлонви подняла руку, призывая остановиться. Она, нахмурившись, всматривалась в даль.

— Как странно,— медленно произнесла Эйлонви.— Я вижу славного черного медведя короля Смойта. Но ведь Гвидион уже должен был приехать к нему в замок. Почему же не развеивается знамя Дома Доны? Королева Телерия учила меня, что долг вежливости предписывает поднимать на башне флаг знатного гостя, члена королевского дома. Я не вижу Золотого Солнца Доны. Странно.

— В обычных обстоятельствах это необходимо, согласен,— сказал Ффлевддур.— Но я сомневаюсь, что в нынешних условиях лорд Гвидион жаждет, чтобы кто-нибудь знал, где он находится. Он, вероятно, попросил Смойта не придавать значения условностям. Что ж, вполне разумная предосторожность. Только и всего.

— Да, понятно,— согласилась Эйлонви,— а я и не подумала об этом.

Бард счастливо улыбался.

— Опыт, принцесса. Большой опыт. Но не расстраивайся. Ты еще наберешься мудрости.

— Даже если ты прав,— не успокаивалась Эйлонви, когда они снова двинулись вперед,— все же странно, что и ворота закрыты. Зная короля Смойта, его гостеприимство, ты, думаю, согласишься, что ворота его замка должны быть распахнуты настежь, а навстречу нам должен бы выехать почетный караул во главе с самим Смойтом. Этому тоже учила меня королева Телерия.

Ффлевддур только отмахнулся от замечания девушки.

— Ничего подобного,— небрежно сказал он,— лорд Гвидион идет дорогой смертельной опасности, а не гуляет на пиру. Я знаю, как это делается. Привелось выполнять тысячи секретных заданий... ну... уж одно-два точно,— поспешно добавил он, косясь на арфу.— Вот почему я заранее был уверен, что Каер Кадарн будет закрыт на все задвижки, застегнут на все крючки, закрыт плотно, как раковина устрицы.

— Да,— опять согласилась Эйлонви,— я уверена, что ты больше меня знаешь о таких вещах.— Но при этом она продолжала пристально, напрягая зрение, вглядыв-

ваться в приближающийся, грозно молчащий замок.— Но король Смойт, насколько мне известно, не находится в состоянии войны со своими соседями. Двоих дозорных на стенах было бы вполне достаточно. Неужели ему требуется целый отряд лучников?

— Естественно,— покровительственно улыбнулся Ффлевддур,— они нужны, чтобы защитить лорда Гвидиона.

— Но если никто не должен знать, что Гвидион здесь...— упорствовала Эйлонви.

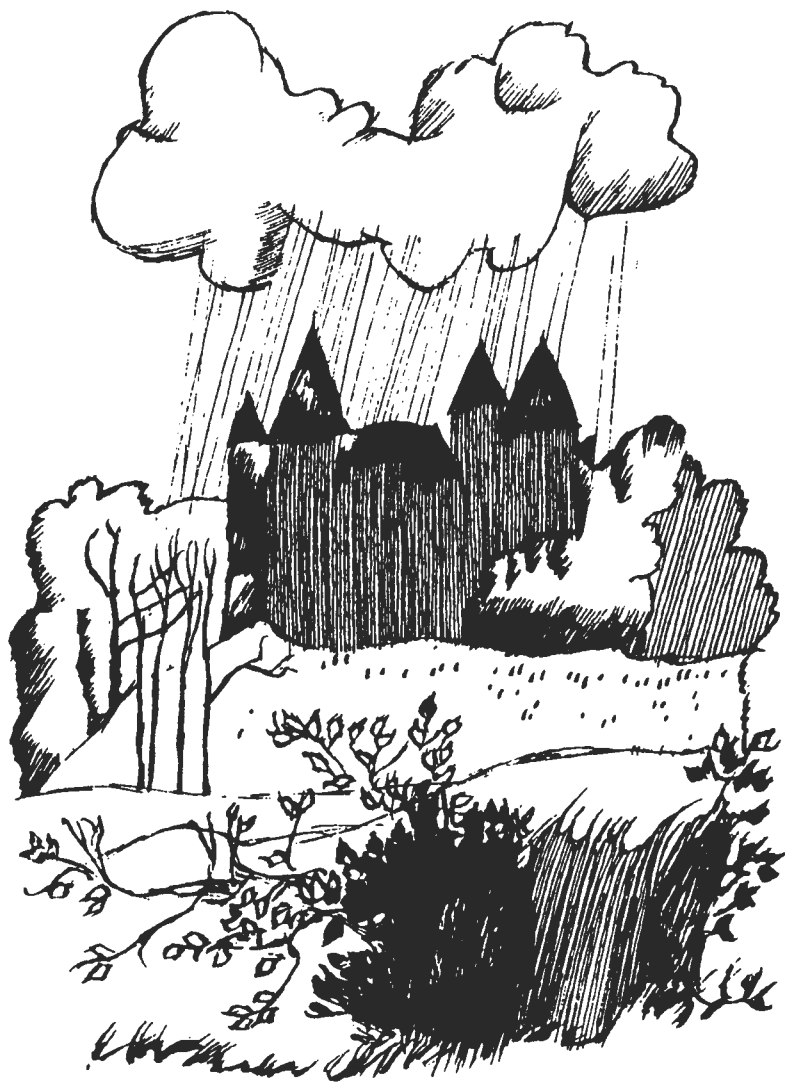
— Клянусь Великим Белином,— воскликнул Ффлевддур, останавливая Ллиан,— теперь и моя голова пошла кругом! Ты пытаешься убедить меня, что Гвидиона нет в Каер Кадарн? Если его нет, то мы скоро это выясним. А если он там, то это мы тоже узнаем.— Ффлевддур почесал свою взъерошенную голову.— Но если его там нет, тогда почему нет? Что могло случиться? А если он там, то о чем беспокоиться? Да-а, если же его там нет... О, проклятье! Ты совсем заморочила мне голову. Я уже ничего не понимаю...

— Я тоже не понимаю,— ответила Эйлонви.— Все, что я знаю... а я даже не знаю, что я знаю... Ой, не могу я объяснить!.. Просто я вижу, что замок не такой... Нет, ничего я не вижу, я чувствую, что здесь что-то не то... Ладно, не обращайтесь внимания!— вдруг взорвалась она.— Я замерзла и вся покрылась мурашками, и это мне не нравится больше всего. У тебя, Ффлевддур, есть опыт, я и не сомневаюсь, но мои бабушки и прабабушки все до одной были волшебницами. И я бы стала волшебницей, если бы не решила стать просто молодой леди.

— Волшебство!— пробормотал недовольно бард.— Держись от него подальше! Не суй нос не в свое дело... Это тоже мой опыт. Волшебство никогда не оборачивается ничем хорошим.

— Послушай,— вмешался Рун,— если принцесса чувствует что-то неладное, я рад поехать вперед и всё выяснить. Я прямо постучу в ворота и всё выпрошу.

— Ерунда!— отмахнулся Ффлевддур.— Я совершенно уверен, что всё в порядке.— Струна на арфе оборвалась и громко зазвенела. Бард прокашлялся.— Нет, если по правде, то я совсем ни в чем не уверен. О, проклятые сомнения! Девушка заронила мне в голову эту дурацкую

мысль, и я никак не могу вытряхнуть ее оттуда. С одной стороны, всё выглядит нормально, а с другой всё не так.

Он обернулся к Эйлонви.

— Просто для того, чтобы успокоить тебя... и меня...— добавил он,— я первым пойду и всё разведу. Как странствующий бард, я могу входить и выходить куда мне заблагорассудится. Если что-то не так, никто и не

заподозрит меня. А если нет, то тем более никто мне не навредит. Оставайтесь здесь. Я вернусь очень скоро. И мы еще посмеемся над всем этим за столом короля Смойта. Вот так,— добавил он без всякой уверенности.

Бард спешил. Он вполне справедливо считал, что лучше не привлекать внимания, приехав верхом на необычной кошке.

— А ты,— обратился он к Глю, грозя ему пальцем,— постарайся не навредить. Мне не хотелось бы выпустить тебя из виду, но за тобой последит Ллиан. Ее глаза острее, чем мои. И зубы не менее острые.

И бард пешком отправился к замку. Спустя некоторое время Эйлонви увидела, как приоткрылись ворота и Ффлевддур исчез за ними. Затем всё стихло.

К ночи девушка серьезно забеспокоилась, потому что больше бард не появлялся, а из замка не доносилось ни звука. Ожидая возвращения Ффлевддура, они скрылись в зарослях, но сейчас Эйлонви вышла на пригорок и с тревогой смотрела на замок.

— Плохо! Всё плохо! — нервничала она, порываясь пойти за Ффлевддуром.

Король Рун тянул ее назад.

— Может, как раз всё в порядке,— успокаивал он.— Он бы немедленно вернулся назад, едва лишь почуяв что-то неладное. Не сомневаюсь, что сейчас король Смойт потчует его ужином или...— Рун сжал рукоять меча.— Я пойду и посмотрю!

— Нет, ты не пойдешь! — вскричала Эйлонви.— Сначала должна пойти я. О, мне не следовало уступать и позволять отстранять меня!

Рун, однако, настаивал. Эйлонви упорствовала. Они горячо, хотя и шепотом, спорили и уже чуть не перешли на крик, когда вдруг из-за деревьев выскользнул бард. Запыхавшийся, с трудом переводивший дыхание, он, шатаясь, буквально ввалился в гущу кустов.

— Это Мэгг! Он всех схватил! — Голос Ффлевддура был таким же неясным и слабым, как его бледное лицо, чуть освещенное скользящим светом луны.— Пойманы! Схвачены!

Эйлонви и Рун, охваченные ужасом, слушали сбивчивый рассказ Ффлевддур.

— Сами стражники толком не знают, кто их пленники,— захлебываясь, торопился выложить всё Ффлевддур.— Только то, что их четверо вместе со Смойтом и что они схвачены неожиданно и предательски. Насколько я понял, они просто попались на удочку, сглотнули крючок, как простодушные рыбки. Что за наживку они проглотили, я так и не сумел узнать. Но знаю, что у стражи есть приказ хватать каждого, кто появится в замке. К счастью, этот приказ не касается бедных странствующих бардов, которые мотаются по свету и, как известно, готовы петь всюду и всякому за миску похлебки и кусок хлеба. Воины и не тронули меня, хотя глаз не спустили и не позволили даже близко подойти к Большому залу или к кладовой, куда они сунули пленников. Но я мельком заметил Мэгга. О, гадкий, ухмыляющийся паук! Если бы я только мог дотянуться и раздавить его!

Ффлевддур сжал кулаки и поморщился.

— Пальцы опухли,— сказал он, смущенно улыбаясь.— Воины заставляли меня играть до тех пор, пока руки не онемели. Иначе я бы уж давно вернулся. Но я не осмеливался остановиться, а то они почувствовали бы что-то неладное. Да, неладное дело! И как они попались?

— Как они попались, меня сейчас не интересует!— взволновалась Эйлонви.— Как их вызволить? Вот что главное!

Глю фыркнул. Обычно его не трогало то, что не касается лично его. Но тут он возбудился.

— Когда я был великаном, то мог легко снести любую стену...— начал он.

— Не стоит вспоминать о том времени, когда ты был великаном,— оборвал его Ффлевддур.— Теперь-то ты всего-навсего коротышка! Наша единственная надежда — разыскать одного из князьков короля Смойта, рассказать ему о том, что произошло, и попросить помощи.

— На это уйдет слишком много времени,— топнула ногой Эйлонви.— О, помолчите и дайте подумать!

Она поднялась на взгорок и устремила свой взор к замку, который тоже, казалось, дерзко глядел на нее своими бойницами, бросая вызов. Мысли ее бежали,

обгоняя одна другую, путаясь, ускользая. Но ясный план так и не вырисовывался. Она уже готова была зарыдать от отчаяния, беспомощно огляделась по сторонам, пошарила глазами в траве, между деревьями, словно бы в поисках затерянного там решения неразрешимой задачи. Вдруг краем глаза она уловила какое-то движение в гуще деревьев. Не решаясь повернуть голову, уголком глаза Эйлонви наблюдала за странной горбатой тенью, которая была теперь неподвижна, словно бы затаилась. Делая вид, что ничего не заметила, она спустилась с пригорка и будто бы направилась к Руну и Ффлевддуру. На самом же деле Эйлонви мало-помалу забирала в сторону, осторожно приближаясь к дереву, за которым притаилась непонятная подозрительная тень.

Внезапно, быстрая, как Ллиан, она прыгнула на сторбленную фигуру. Та вдруг распалась на две части. Горб покатился в одну сторону, а другая половинка тени, попавшись в руки девушки, вдруг приглушенно взвизгнула. Эйлонви била, лягалась, царапалась. Мгновение — и Рун с Ффлевддуrom оказались рядом с ней. Бард ухватился за один конец уже не визжащей, а напряженно сопящей тени, Рун вцепился в другой.

Эйлонви отскочила на шаг и быстро достала из складок плаща свой золотой шар. Стоило ей согреть его в ладонях, как шар начал мерцать и разгораться. Она поднесла его поближе к дергающейся фигуре и обомлела. Золотые лучи высветили бледное, морщинистое личико с длинным вислым носом и маленьким ртом в скобках скорбных складок. Беспорядочные космы жидких волос ниспадали на два жалких, испуганных, но пронзительных, словно буравчики, глаза.

— Гвистил! — выдохнула Эйлонви. — Гвистил из Красивого Народа!

Бард тут же ослабил хватку. Гвистил опустил на землю, потерял свои костистые руки и вытянул их вперед ладонями, словно бы защищаясь. Потом, разобравшись, видимо, кто его схватил, поднялся на ноги, запахнул плащ и кисло поздоровался:

— Как приятно видеть вас снова. Удовольствие, поверьте мне. Я часто думал о вас, — зачастил он и тут же раскланялся. — До свидания. Теперь я пойду. Мне пора.

— Стой! Помоги нам! — преградила ему путь Эйлонви.— Гвистил, мы просим тебя. Наши друзья брошены в тюрьму в замке Смойта.

Гвистил обнял руками голову. Лицо его плаксиво сморщилось.

— Пожалуйста, пожалуйста,— простонал он,— не кричи. Сегодня вечером я особенно не в состоянии вынести этого. И будь так добра не светить этой штукой мне прямо в глаза. Нет, нет, это уж слишком. Мало того, что на тебя набросились, кинули на землю, оседлали, а тут еще и бушуют, и ослепляют! Как я уже говорил... да, приятно было наткнуться на вас. Конечно, я был бы рад помочь. Но, пожалуй, в другой раз. Когда мы все не будем так расстроены.

— Гвистил, неужели ты не понимаешь? — вскричала Эйлонви.— Ты разве не слышал, что я сказала? В другой раз! Нет, сейчас! Ты должен нам помочь сейчас! У Гвидиона украли меч. Ты слышишь? Дирнвин исчез! Он у Аровна! Понимаешь, что это значит? Это самое ужасное из всего, что могло случиться! Но как Гвидион может вернуть свой меч, когда и сам оказался в темнице и его собственная жизнь в опасности? И Тарен... и Колл... и Гурджи... все они...— Она всхлипнула.

— Бывают дни и похуже, — сочувственно вздохнул Гвистил. — Но что можно сделать? Ничего, увы. Будем надеяться, что всё образуется. Хотя, само собой, ничего само собой не образуется... Но что делать? Ничего не поделаешь. Да, я знаю, что Дирнвин украли. Какая досада!..

— Ты уже знаешь? — удивился бард. — Клянусь Великим Белином, тебе известно и где он! Ну, говори!

— Где угодно, — с таким отчаянием выдохнул Гвистил, что Эйлонви почти поверила, будто этот унылый нытик говорит правду. А он продолжал, скорбно насупившись: — Но не это меня беспокоит. А вот то, что происходит вокруг Аннувина... — Он, словно бы в испуге, прикрыл ладонью свои мелкие глазки. — Охотники собираются. Дети Котла появились, целое войско. Этого достаточно, чтобы залечь, то есть слечь в постель.

Гвистил раздвинул пальцы и сквозь них посмотрел на окруживших его людей.

— И это всего лишь половина бед, — задыхался он. — Некоторые владетели княжеств объединили свои войска, а их военачальники держат совет в самом Аннувине. Он набит воинами, как мешок овсом. Они внутри, снаружи, везде, куда бы вы ни глянули. Я даже испугался, что они отыщут мои тоннели и придорожные сторожевые норы. В эти дни я единственный наружный страж Красивого Народа, находящийся вблизи Аннувина... Тем печальнее, тем печальнее. Накопилось столько работы... Так я пошел?

Но Ффлевддур крепко держал его за руку. И Гвистил, дернувшись разок-другой, снова заговорил:

— Поверьте мне, вашим друзьям лучше оставаться там, где они сейчас. Безопаснее. Выйти наружу — это все равно что кинуться головой в гнездо шершней. Если случайно вы их снова увидите, передавайте мои самые нежные приветствия. Мне жаль, мне ужасно жаль. Но я больше не могу задерживаться. Я спешу в королевство Красивого Народа. Король Эйддилег должен узнать обо всем без промедления.

— Если король Эйддилег узнает о том, что ты не захотел нам помочь, — возмущенно выпалила Эйлонви, — ты пожалеешь, что покинул свой наблюдательный пост.

— Это длинное и трудное путешествие,— канючил Гвистил, словно бы и не расслышав слов Эйлонви,— мне придется все время идти по земле. Эйддилег ведь захочет узнать всё, что творится здесь на каждом шагу. А я не готов шагать все время по земле.— Он взъерошил свои жидкие паутинные волосики.— Настроение неважное, и погода дурная, и всякое такое... Мне было куда лучше путешествовать летом и подземными тоннелями. Но... с этим ничего не поделаешь. До свидания. Прощайте. Всего вам хорошего.

Гвистил осторожно освободился из рук барда и проворно ринулся туда, куда откатился горб тени, оказавшийся туго набитым мешком, раза в два большим, чем сам карлик. Эйлонви изловчилась и снова схватила Гвистила за руку.

— Э, нет! Ты не уйдешь! — вскричала она.— Ты отправишься к королю Эйддилегу только после того, как мы освободим своих друзей. Не пытайся обмануть меня, Гвистил из Красивого Народа! Ты умнее, чем хочешь казаться. Но если ты не окажешь нам помощь, я ее из тебя вытряхну!

Девушка схватила карлика за шиворот. Гвистил всхлипнул и попытался выкрутиться.

— Никаких встрясок! Нет, пожалуйста. Я этого не выношу. Не сейчас. До свидания. Не время, не время...

Ффлевддур в этот момент с любопытством разглядывал мешок Гвистила. Огромный, бугорчатый, он закатился в кусты там, где Эйлонви настигла карлика. Тесьма, стягивающая горло мешка, развязалась, и часть его содержимого высыпалась на землю.

— Клянусь Великим Белином,— ахнул бард,— чего тут только нет! Улитка носит на спине меньше скарба, чем этот сквалыга!

— Ничего особенного,— забеспокоился Гвистил.— Так, пустяки, разные удобства и приспособления, чтобы облегчить трудное путешествие.

— Не Гвистила, так его мешок немного встряхнем,— сказал Ффлевддур, опускаясь на колени и роясь в мешке.— Вдруг здесь окажется что-нибудь полезнее самого владельца?

— Возьми всё, что захочешь,— торопливо проговорил Гвистил, когда Эйлонви осветила золотым лучом своего

шара высыпанную на землю кучу барахла.— Возьми всё, если хочешь. Я обойдусь. С трудом, но обойдусь. А теперь я пойду, да?

Он нерешительно потоптался на месте, но с места не сдвинулся. Король Рун присел рядом с бардом, который уже вытянул из мешка несколько заштопанных, отороченных овечьим мехом крошечных курток и плащей.

— Изумительно! — вскричал Рун, вытягивая из кучи что-то похожее на пучок травы.— Это же гнездо!

— Да,— вздохнул Гвистил.— Возьми его себе. Я это сохранил на всякий случай. Никогда ведь не знаешь, в какой из вещей возникнет необходимость. Но теперь, так и быть, это все ваше.

— Нет, спасибо,— усмехнулся бард.— Не хочу лишать тебя самого необходимого.

Рун тем временем выволакивал одну вещь за другой. Здесь были фляги для воды, пустая и полная, посох для ходьбы, собранный из вставляющихся одна в другую трубочек, подушка с запасным узлом перьев, два обрывка веревки, несколько удочек и большие крючки, две палатки, несколько железных клиньев, гнутая железка, широкий кусок мягкой кожи, который, как неохотно объяснил Гвистил, может быть натянут на ивовую раму и служить маленькой лодкой, несколько пучков сухой травы и множество сумок и сумочек с лишайниками всех цветов.

— Сохраняет здоровье,— пояснил Гвистил, указывая на лишайники.— Влажность и сырость вокруг Аннувина ужасная. Лишайники, правда, не помогают, но все же это лучше, чем ничего. Тем не менее вы можете их взять себе.

Бард отодвинул от себя всю эту кучу.

— Бесплезный мусор,— поморщился он.— Разве что взять на время веревки и рыболовные крючки...

— Гвистил! — гневно вскричала Эйлонви.— Все твои подушки, железки и трубочки еще не помощь! О, я не могу ничего из тебя вытряхнуть, потому что при виде твоей жалкой физиономии у меня руки опускаются! Проваливай! Да, да, на самом деле прощай!

Гвистил, вздохнув с облегчением, быстро стал собирать разбросанное барахло обратно в мешок. Когда он поднял его, чтобы вскинуть на спину, из кармана его

плаща выпал маленький узелок, за которым он поспешно нагнулся.

— Послушай, что это? — удивился Рун, опередивший карлика и уже собиравшийся отдать ему узелок.

— Яйца, — пробормотал Гвистил.

— Повезло, что ты не расквасил их, когда падал, — весело сказал Рун. — Давай-ка глянем, целы они или нет? — добавил он, распуская шнурок на узелке.

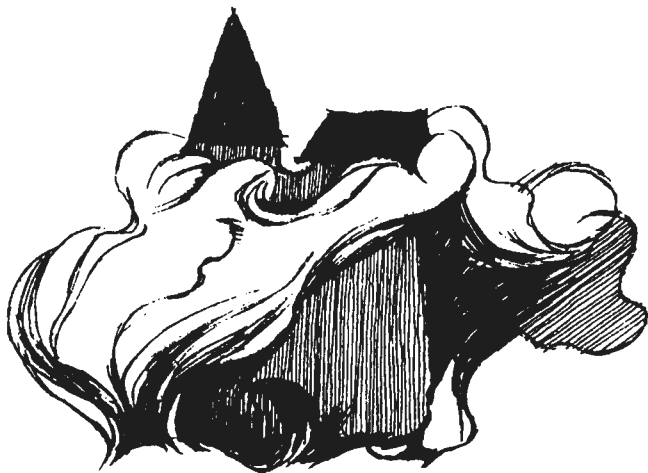
— Яйца! — приободрился Ффлевддур. — Я был бы не прочь съесть парочку. Не ел с утра... эти олухи в замке заставляли меня играть без перерыва, но покормить не потрудились. Давай их сюда, старина, я так проголодался, что готов проглотить их сырыми.

— Нет, нет! — пронзительно закричал Гвистил, хватаясь за узелок. — Не делай этого! Это не яйца. Совсем не яйца. То есть не совсем яйца.

— Но выглядят они точь-в-точь как обыкновенные куриные яйца, — заметил Рун, заглядывая в узелок. — Если это не яйца, тогда что?

Гвистил поперхнулся, шмыгнул носом, чихнул, а потом и вовсе зашелся в приступе безумного кашля.

— Дым! — прохрипел он.

Глава шестая

СТРАННЫЕ ЯЙЦА

— Изумительно! — вскричал Рун. — Дымное яйцо! Или это яичный дым? — запутался он.

— Дым внутри, — проворчал Гвистил, поплотнее укутываясь в свой меховой плащ. — Разбейте скорлупу — и дым выплывет наружу... много дыма. Возьмите их. Подарок. Если вы когда-нибудь увидите лорда Гвидиона, предупредите, чтобы он ни под каким видом не ходил в Аннувин. Что касается меня, то я рад покинуть эти места и, надеюсь, никогда сюда не вернусь. До свидания.

И он старательно и осторожно стал подпоясывать просторный плащ. Что-то в его движениях насторожило Эйлонви.

— Гвистил, — резко сказала она, снова ухватив его за руку, — мне кажется, под плащом у тебя есть еще кое-что. Покажи! Ну! Скорее, иначе я обещаю тебе не просто встряску, а хорошую трепку.

— Ничего! — задохнулся Гвистил. Несмотря на прохладный ветерок, он стал вдруг потеть и краснеть, будто от непереносимой жары. Паутинные волосы его при-

липли ко лбу, а со лба просто струился пот, словно он попал под проливной дождь.— Ничего особенного, просто кое-какие мелочи. Всякие обрывки, обломки, огрызки, осколки... Но если это вам все-таки интересно...

Гвистил высоко поднял руки, зажав в них полы плаща, и стал похож на длинноносую и мрачную летучую мышь. Он вздыхал и стонал, а путники тем временем с изумлением уставились на него.

— Вот так так! — всплеснул руками Ффлевддур.— Клянусь Великим Белином, этому конца не будет!

Аккуратно привязанные к складкам плаща, висели дюжина мешочков с одеждой, сетчатые сумки и тщательно перевязанные тонкой бечевкой пакеты. Большинство из них, казалось, было набито яйцами, похожими на те, что чуть было не съел Ффлевддур. Гвистил снял одну из сетчатых сумок и протянул ее Эйлонви.

— Посмотрите,— поразился Рун,— сначала яйца, теперь грибы!

Эйлонви тоже разглядела в сетке лишь горсть коричневых в черных пятнах вялых поганок. Но Гвистил вскрикнул и отшатнулся.

— Осторожней! Осторожней! — всполошился он.— Разломишь их, и они спалят тебе волосы! Из них мгновенно вырастает огромный язык пламени! Если тебе нужны эти штуки, можешь взять. Я буду рад отделаться от них.

— Это же то, именно то, что нам надо! — обрадовалась Эйлонви.— Гвистил, прости меня за то, что я была груба с тобой.— Она повернулась к барду, который исследовал остальные мешки, с опаской засовывая туда руку.— Эти огненные поганки помогут нам. Теперь, если мы доберемся до замка...

— Моя дорогая принцесса,— остановил ее бард,— Ффлевддур Пламенный неустрашим, но я с трудом представляю себе, как мы сможем взять крепость с яйцами и грибами в руках, даже с такими! Однако...— Он повертел в руках дымное яйцо, осторожно положил его к ногам и прищелкнул пальцами.— Однако, клянусь Великим Белином, я, кажется, кое-что начинаю соображать.

Гвистил отцепил остальные свертки и мешочки от своего объемистого плаща.

— Вот, — вздохнул он, — поскольку у вас все равно уже бóльшая часть моих запасов, можете взять остальное. Всё. Для меня теперь это уже не имеет никакого значения.

Свертки, которые протягивал им Гвистил, были наполнены чем-то похожим на комки сухой земли.

— Посыпьте этим свои ноги, и никто не увидит ваших следов... вот так... если, конечно, кто-то пожелает пойти по вашему следу. Но если вы кинете горсточку этого в кому-нибудь в глаза, он и вовсе ничего не увидит... хотя бы некоторое время.

— Ого, одно лучше другого! — восторженно вскричал Ффлевддур. — С этими пустячками вызволить наших друзей из темницы будет пара пустяков! Забавно! Облако дыма! Лавина огня! Слепящий порошок! И Ффлевддур Пламенный приходит на помощь! Да за это ухvatится любой бард! Песни об этом будут звучать по всему Прайдену! Эй, скажи, старина, — вдруг с беспокойством окликнул он Гвистила, — но ты уверен, что грибы и пыль работают как надо?

Друзья вернулись под сень деревьев в роще, чтобы обдумать план действий. Гвистил после долгих увещаний, задабриваний, уговоров и бессовестной лести, сдобренных обещанием встряски и взбучки и непременно гнева короля Эйддилега, наконец, с множеством мучительных вздохов и жалобных стонов, согласился остаться с ними и помочь в освобождении узников. Бард горел нетерпением и требовал отправиться сейчас же.

— Мой долгий опыт подсказывает мне, — кипятился Ффлевддур, — что самое лучшее в делах такого рода — идти напролом. Я иду в замок. Поскольку стража знает меня, ворота откроют без опаски. Под плащом у меня будут дымные яйца и огненные грибы Гвистила. Только ворота распахнутся — трах-бах-тарарах! — облака дыма, море огня! Остальные должны ждать моего сигнала. Мы разом ввалимся во двор, мечи наголо, крики, ор, переполох!

— Изумительно! — сиял Рун. — Провалиться такой план просто не может. — Вдруг он нахмурился и робко добавил: — С другой стороны, может... показаться... не

то чтобы я толком всё обдумал, но думаю, что мы и сами потонем в своем огне и дыме... Я хотел сказать, что воины, конечно, нас не увидят, но и мы их не увидим.

Ффлевддур насмешливо отмахнулся.

— Поверь мне, моему опыту, друг мой, это самый лучший и быстрый способ. Я освободил за свою жизнь больше пленников, чем пальцев у тебя на руках.— Арфа задрожала, и несколько струн оборвалось бы разом, не успеи Ффлевддур добавить на одном дыхании: — Собирался освободить, вот так. Я никогда, по правде говоря, не делал этого. Но собирался...

— Рун прав,— сказала Эйлонви.— Это будет так же нелепо, как споткнуться о собственную ногу. Нет, нужно придумать лучший план.

Король Рун заулыбался, удивленный и обрадованный тем, что его слова нашли поддержку. Он моргал своими бледно-голубыми глазами, краснел, смущался и вдруг осмелился заговорить снова.

— Мне неожиданно пришла на ум дамба, которую я перестраиваю,— начал он, немного колеблясь.— Я имею в виду то, что я пытался строить ее с двух концов. К несчастью, всё получилось совсем не так, как я надеялся. Хотя идея сама по себе была хорошей, верно? А что, если нам попробовать нечто похожее со стеной? Не строительство стены, конечно. Я предлагаю напасть на Каер Кадарн с разных сторон.

Ффлевддур пожал плечами, недовольный, что его предложение не принято.

Но Эйлонви оживилась.

— Да. Это, пожалуй, самое благоразумное.

Глю фыркнул.

— Самое благоразумное — иметь армию за своей спиной. Будь я великаном, как раньше, я бы с удовольствием помог вам. Но сейчас не считаю возможным ввязываться в это дело и принимать в нем хоть какое-то участие.

Он собирался сказать еще что-то, но грозный взгляд Ффлевддура заставил его замолчать.

— Не беспокойся,— сказал бард.— Ты и я будем неразлучны, как две руки. Ты, коротышка, в хороших руках.

— Итак, — не унимался разошедшийся Рун, — нас пятеро. Одни должны перелезть через заднюю стену. Другие в этот момент войдут в ворота. — Молодой король вскочил на ноги, глаза его сияли. — Ффлевддур Пламенный под видом бродячего барда попросит впустить его. Как только ворота распахнутся и все остальные нападут на стражей со стороны задней стены, я ворвусь во двор через открытые ворота и...

Рука Руна потянулась к мечу. Голова его была воинственно запрокинута, он стоял среди своих спутников так гордо, будто все короли Моны, его предки, стояли за ним. Он продолжал говорить с таким жаром и воодушевлением, что у Эйлонви не хватало смелости остановить этот бесконечный поток громких слов.

Наконец она сумела вставить словечко.

— Рун, прости меня, — сказала она, — но... я думаю, и Ффлевддур, надеюсь, согласится со мной... ты послужишь делу лучше, если будешь держаться подальше от настоящего боя до тех пор, пока твоя помощь не станет абсолютно необходимой. Таким образом, ты окажешься рядом, когда потребуешься, но это не будет так опасно для тебя.

Лицо Руна омрачилось. Он уныло поник и попытался возразить:

— Но послушай...

— Ты больше не принц, — не давала ему опомниться Эйлонви. — Ты — король Моны. Твоя жизнь теперь не принадлежит всецело тебе, разве ты не понимаешь? За тобой целое королевство людей, о которых надо думать, и мы не позволим тебе рисковать больше, чем требуется. Ты и так в большой опасности. Если бы королева Телерия могла предугадать, как обернется дело, — добавила ласково Эйлонви, — ты бы вообще не поплыл в Каер Даллбен.

— Я не понимаю, при чем здесь моя мать? — вспыхнул Рун. — Я уверен, что отец хотел бы...

— Твой отец понимал, что значит быть королем, — мягко сказала Эйлонви. — Ты должен учиться у него.

— Тарен из Каер Даллбен спас мне жизнь на Моне, — настаивал Рун. — Я у него в долгу, и этот долг только я могу заплатить!

— У тебя есть иного рода долг перед народом рыбаков Моны,— твердо отвечала Эйлонви.— И их права на твою жизнь гораздо бóльшие.

Рун отвернулся и удрученно опустил на пригорок, меч его гроыхнул о камень. Ффлевддур ободряюще хлопнул его по плечу.

— Не унывай,— сказал бард.— Если дымные яйца и огненные грибы нашего друга Гвистила не помогут, тебе придется разделить с нами все неприятности. А их, боюсь, хватит на всех с избытком.

Уже почти рассвело и было довольно прохладно, когда маленький отряд покинул свое убежище в роще и тайно двинулся в сторону неосвященного замка. Каждый нес свою долю дымных яиц и огненных грибов Гвистила и пакет его спящего порошка. Сделав большой крюк, они подошли к Каер Кадарн с самой его темной, затененной стороны.

— Помните наш план? — спросил шепотом Ффлевддур. — Всё должно идти так, как мы решили. Когда мы все окажемся на месте, Гвистил бабахнет одним из своих знаменитых грибов. Огонь должен выманить всю стражу на задний двор. Это будет сигналом для вас, — обратился он к Эйлонви и Руно. — Тогда — и не раньше, имейте в виду — вы ринетесь к воротам. Не теряя времени, я освобождаю людей Смойта, запертых в комнате стражников. Они помогут вам, если потребуется, а я тем временем устремляюсь в кладовую и освобождаю наших друзей. Надеюсь, что этот подлый паук не перевел их куда-нибудь еще. Если же он успел это сделать, придется придумывать новый план прямо на месте.

Над их головами нависли темные стены Каер Кадарн. Ффлевддур повернулся к Гвистилу, который, казалось, стал еще меньше ростом.

— Итак, старина, пришло время сделать то, что ты обещал.

Гвистил тяжело вздохнул.

— Я не в настроении карабкаться на стену. Может, в другой раз? Если бы вы только могли подождать. Возможно, на следующей неделе исправится мое настроение... или погода. — Он искоса глянул на Эйлонви и быстро поправился: — Впрочем, человек не всегда может сладить с собой, не говоря уж о погоде. Ладно, это не так важно.

Все еще недовольно ворча и покачивая головой, он снял с плеча моток веревки, привязал к одному концу большой рыболовный крючок, вытащенный из узелка за пазухой. Руно с восхищением следил, как Гвистил ловким взмахом руки закинул конец веревки с крючком на стену. Послышался легкий скребущий звук, затем сухой треск, когда крючок намертво вцепился в щель между камнями. Гвистил подергал для верности веревку.

— Послушай,— прошептал Рун,— неужели этот рыболовный крючок выдержит тебя?

Гвистил вздохнул и скорбно поглядел на него.

— Не уверен.

Тем не менее, бормоча и стелая, он быстро подтянулся, повисел в воздухе, пока ноги его не нашли в стене каменного выступа. Подтягиваясь вверх и царапая ногами по отвесной стене замка, Гвистил вскоре скрылся из виду.

— Изумительно! — восхищался Рун.

Бард приложил палец к губам, призывая молодого короля умолкнуть.

Через мгновение конец веревки, извиваясь по стене змеей, спустился вниз. Бард поднял Глю, который протестовал так громко, как только осмеливался, и помог ему подняться по свободно свисающей веревке.

— Поднимайся, поднимайся,— подгонял его бард,— я буду прямо за тобой.

Как только Ффлевддур и его подопечный бывший великан исчезли за гребнем стены, за ними последовал Рун. Эйлонви ухватила за веревку и почувствовала, как ее сильно тянут вверх. Она перелезла через парапет и распласталась на выступе стены. Гвистил уже поспешно семенил на задний двор замка. Ффлевддур и Глю соскользнули вниз и растворились во тьме. Король Рун улыбался Эйлонви, лежа рядом на холодных камнях.

Луна скрылась за облаками. Небо стало совсем черным. Среди молчаливых построек заднего двора, темных силуэтов конюшен, сараев и черной громады висившегося поодаль, как догадалась Эйлонви, Большого зала мерцали костры стражи. Дальше, вдоль стены, в направлении ворот виднелись редкие фигуры воинов, неподвижных, дремлющих.

— Послушай, довольно темно,— весело зашептал Рун.— И без слепящего порошка Гвистила ничего не видно.

Эйлонви вся напряглась, вглядываясь во тьму, туда, где скрылся Гвистил, и ожидая его сигнала. Рун, хоть и старался выглядеть веселым и беспечным, тоже был напряжен, готовый броситься вниз и ввязаться в драку.

Из глубины внутреннего двора донесся крик, и в то же мгновение облако темного пламени вырвалось из окон Большого зала.

Эйлонви вскочила на ноги.

— Что-то не так! — вскричала она. — Ффлевддур попал слишком рано!

Тут в дальнем конце замка громыхнул взрыв и взметнулся громадный язык пламени. Крики тревоги слились с грохотом бегущих шагов. Но воины, как с упавшим сердцем увидела Эйлонви, бежали не туда, где должен был взорвать свой гриб Гвистил, сея ложную панику, а совсем в другую сторону — к Большому залу. Внутренний двор наполнился мечущимися тенями. Засветились факелы.

— Быстро! — вскричала Эйлонви. — К воротам!

Рун соскочил с выступа стены. Эйлонви была уже готова последовать за ним, когда увидела лучника, бегущего к ним по широкому карнизу стены. Он остановился, чтобы натянуть лук и прицелиться.

Эйлонви выхватила из сумки гриб и метнула его в воина. Он не долетел и разбился о камни совсем рядом с ней. Вырвалось гудящее пламя. Огненное облако ослепило ее. Лучник закричал от страха, попятился и, шатаясь, все же успел выстрелить. Стрела его просвистела у нее над головой.

Девушка уцепилась за веревку и соскользнула во внутренний двор.

Глава седьмая КОРОЛЬ МОНЫ

В кладовой, которая была превращена в темницу, первым тревожные звуки услышал Гурджи. Заглушенные толстыми стенами кладовой, они все же не ускользнули от его чуткого уха. Гурджи вскочил на ноги. Остальные еще не пробудились. Всю ночь они не сомкнули глаз, пытаясь найти способ вырваться из темницы и бежать. Измученные своими тщетными усилиями, они пытались дремать по очереди, не желая быть застигнутыми врасплох и надеясь продать свои жизни подороже. Но к утру сон сморил их окончательно.

— Стуки и бряки! Громы и драки! — закричал Гурджи. — Неужели из-за нас, усталых узников? Да, да, это так! Да, мы здесь! — Он кинулся к двери и замолотил в нее кулаками.

Тарен встрепнулся, все еще сонный, прислушался. До него донесся приглушенный звон мечей. Колл и король Смойт тоже насторожились. Гвидион протянул руку и оттащил возбужденного Гурджи от двери.

— Остерегайся,— резко предупредил он.— Ффлевддур Пламенный, может быть, и нашел способ освободить нас. Но если замок проснулся, Мэгг может вырвать у нас наши жизни прежде, чем друзья успеют вырвать нас самих из его лап.

Снаружи зазвучали быстрые шаги. Загремел засов тяжелой двери. Пленники отпрянули назад, пригнулись и напряглись, готовые напасть на своих тюремщиков. Дверь широко распахнулась. В темницу влетела Эйлонви.

— За мной! — закричала она. В высоко поднятой руке она держала мерцающий золотой шар. Другой рукой лихорадочно отстегивала от пояса небольшой сетчатый мешок.— Берите,— протянула она сетку узникам.— Грибы — это огонь, яйца — дым. Кидайте их в каждого, кто на вас нападет. А этот порошок ослепит их.

Она сунула каждому это странное оружие.

— Другого оружия я найти не смогла,— на ходу выкладывала она.— Я освободила воинов Смойта, но Ффлевддура схватили во внутреннем дворе. Всё пошло не так. Наш план провалился!

Смойт, взревев от ярости, ринулся вперед по коридору.

— Не нужны мне ни огненные поганки, ни слепящая грязь, ни дымные яйца! — гремел он.— Голыми руками я придушу этого мерзкого предателя!

Гвидион одним прыжком вылетел из дверей. Колл, Гурджи и Тарен поспешали за Эйлонви. Из коридора Большого зала Тарен попал во внутренний двор и тут же окунулся в серый полумрак, пронзаемый языками пламени. Огромные валы густого белесоватого дыма заполняли весь двор, закрывая предрассветное бледное небо. Как гигантские морские волны, клубы дыма перемещались, подхваченные ветром, приподнимались на мгновение, чтобы открыть клубок дерущихся людей, и вновь накатывали плотным, неосязаемым и непроницаемым приливом. Здесь и там в дыму корчились багровые языки пламени, иногда соединяясь в ревущие огнедышащие столбы.

Почти мгновенно потеряв Эйлонви из виду, Тарен нырнул в кружащийся водоворот дымных облаков. Из густого марева вывалился воин и занес меч над головой

Тарена. Тот отшатнулся, чтобы избежать удара. Потом выбросил вперед руку с горстью порошка и швырнул его в лицо нападавшего. Воин замер, будто оглушенный. Его широко открытые глаза слепо уставились в никуда. Тарен выхватил у него меч и ринулся в гущу битвы.

— Смойт! Смойт! — звучало призывом имя короля. Голос рыжебородого гиганта уже долетал от конюшен. Прежде чем занавес дыма снова сомкнулся перед Тареном, он успел заметить разъяренного Смойта, вооруженного огромной косой, которой этот медведь, превратившийся в косаря, как траву, косил нападавших стражников.

Гурджи, колом катившийся под ноги дерущимся, перекувырнулся через голову, и дымные яйца, зажатые у него в кулаке, хрястнули. Дым вырос над ним громадным грибом. Потом этот серый гриб опустился на голову бедняги, и Тарен несколько мгновений видел странный колышущийся клубок, из которого торчали две волосатые руки. Затем и они исчезли в плотном дыму. Вопя во все горло, Гурджи катался, крутился, бросался из стороны в сторону. Враги с криком ужаса убегали от этого пугающего вихря.

Тарен снова услышал призыв короля Смойта, понял, что тот пытается собрать вокруг себя своих воинов, и постарался проложить себе дорогу к конюшням. Вскоре рядом с ним оказался Колл. Отбросив в сторону мотыгу, которая до сих пор служила ему оружием, Колл всей мощью своего грузного тела ринулся сквозь толпу сражающихся на помощь окруженному врагами Ффлевддур. Тарен тоже прыгнул в середину битвы, нанося налево и направо разящие удары.

Воины Мэгга постепенно отходили назад. Бард присоединился к Тарену, когда тот перебежал двор.

— Где Рун? — закричал Тарен.

— Я не знаю! — прохрипел Ффлевддур. — Он с Эйлонви должен был открыть нам ворота. Но, клянусь Великим Белином, с ними что-то случилось! Всё пошло кувырком. Один из людей Мэгга споткнулся о глупца Глю, и мы были обнаружены до того, как успели сделать хоть один шаг. С тех пор я не видел и этого тупицу

коротышку. Где он сейчас, понятия не имею. Впрочем, бывший великан оказался не трусом, должен признать. Да и Гвистил не подкачал.

— Гвистил? — Тарен даже приостановился. — Но откуда он взялся?..

— Не важно, — откликнулся Ффлевддур. — Потом расскажем обо всем. Если будет это потом.

Они почти достигли конюшен. Тарен увидел Гвидиона. Серая кудлатая волчья голова принца из Дома Доны

возвышалась над дерущимися воинами. Но радость Тарена при виде Гвидиона тут же сменилась отчаянием. Сквозь редеющие облака дыма он видел, как их окружают плотным кольцом. Лишь горстка людей Смойта смогла объединиться вокруг своего короля. Остальных отеснили и отрезали, заперли в глубине внутреннего двора цепи воинов Мэгга.

— К воротам! — приказал Гвидион. — Бегите все, кто может!

Сердце Тарена упало, когда он понял, что их крошечный отряд теснят многочисленные толпы лучников и даже всадников. Он обернулся в сторону ворот. Они были распахнуты. Но уже дорогу к ним преградил большой отряд воинов Мэгга. Путь к спасению был отрезан.

Внезапно во внутренний двор вихрем влетел всадник на серой в яблоках лошади. Это был Рун. Мальчишеское лицо короля Моны озарялось восторгом битвы. Лошадь его встала на дыбы и врезалась в клубок дерущихся людей. Рун крутил над головой сверкающим мечом и грозно выкрикивал:

— Лучники! За мной! Все во двор! — Он круто развернул лошадь и устремил меч острием вперед. Звонкий голос его перекрывал звон мечей и треск копий. — Копьеносцы! Туда! Быстрее!

— Он привел помощь! — возрадовался Тарен.

— Помощь? — эхом отозвался изумленный бард. — Да здесь на несколько миль в округе нет ни одной живой души!

Рун, не останавливаясь, носился галопом взад и вперед среди дерущихся воинов, выкрикивая приказы, как будто за ним шла целая армия.

Люди Мэгга оборачивались, чтобы посмотреть на невидимого противника.

— Уловка! — хрипел Ффлевддур. — Он сумасшедший! Это никогда не сработает!

— Но она уже сработала! — Тарен видел, как враги разбежались, и с удивлением пытался обнаружить хоть малые признаки того, что они вообразили свежей подмогой, пришедшей на помощь пленникам. Тарен вдруг поднес рог к губам и протрубил сигнал к атаке. Люди Мэгга дрогнули, думая, что враг у них за спиной.

В это мгновение в ворота ворвалась Ллиан. Огромная кошка прыгнула вперед, и те, кто видел ее впервые, завопили от страха. Ллиан, однако, совсем не обращала внимания на дерущихся. Она крутилась и вертелась по двору, кого-то выискивая, вынюхивая. Там, где она проносилась, воины бросали оружие и в панике разбежались.

— Она ищет меня! — вскричал Ффлевддур. — Вот он я, старушка!

Построенные в боевой порядок воины Смойта не упустили момент и атаковали мощной волной. Воины Мэгга уже не разбирали, кто где. В слепой панике они кололи и рубили своих. Рун помчался вдогонку за отступающими и исчез в дыму.

— Ну и здорово он их одурачил! — торжествующе кричал Ффлевддур. — Сколько бы ни помогли нам огненные грибы и дымные яйца, именно Рун провернул эту ловкую штуку!

Бард заспешил к Ллиан. Тарен заметил, что Гвидион уже сидит верхом. Золотогривый Мелингар проносился по внутреннему двору, нагоняя беспорядочно бегущих врагов. Смойт и Колл тоже вскочили на своих коней. Позади них галопом мчался Гвистил, где-то тоже отыскавший себе подходящую лошадку. Пешие воины Смойта тоже теснили противника. Тарен бросился искать Мелинласа, но, прежде чем успел добраться до дверей конюшни, услышал голос зовущей его Эйлонви. Он обернулся. Девушка с испачканным в саже и крови лицом и в разорванном платье упорно делала ему знаки рукой.

— Подойди! — кричала она. — Рун сильно ранен!

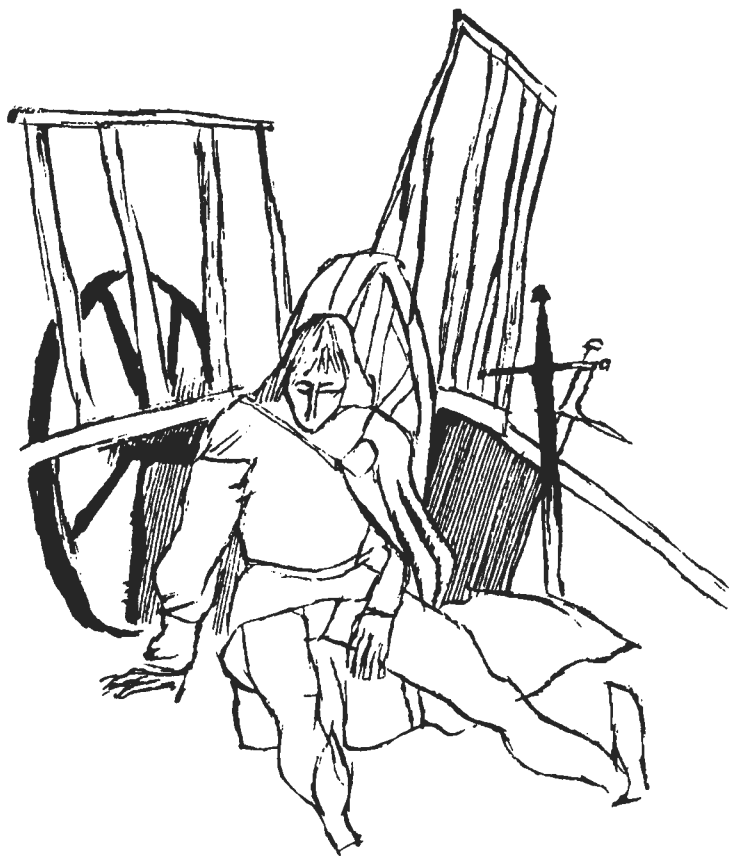
Тарен побежал к ней. Около дальней стены стояла серая в яблоках лошадь. Король Моны сидел на земле, вытянув ноги и опираясь спиной на тлевшую от огня огненных грибов телегу. Гурджи и Глю, целые и невредимые, стояли рядом.

— Привет, привет! — с трудом улыбнулся Рун и помахал ему рукой. Лицо его было смертельно бледным.

— Мы выиграли, — сказал Тарен. — Без тебя все было бы по-другому. Не двигайся, — предупредил он, расстилая пропитанную кровью куртку молодого короля.

При виде раны Руна Тарен нахмурился. Стрела вошла глубоко в бок и, что самое страшное, обломилась.

— Изумительно! — прошептал Рун слабым голосом. — Я никогда раньше не был в бою и не был уверен... ни в чем, а в себе особенно. Но, послушай, странные мысли продолжают крутиться у меня в голове. Я все думаю о дамбе в гавани Моны. Разве это не удиви-

тельно? Да, твой план отличный,— прохрипел он. Глаза его блуждали, и вдруг лицо стало совсем мальчишеским, потерянным и немного испуганным.— И я подумал... я подумал, что был бы рад оказаться сейчас дома.— Он сделал усилие, чтобы подняться. Тарен быстро склонился над ним.

Подошел Ффлевддур, за ним, умильно виляя хвостом, плелась Ллиан.

— Вот ты где, старина! — закричал он Руну.— Я же говорил тебе, что на всех хватит неприятностей! Но ты выгнали нас из этой переделки! О, барды еще будут петь о тебе...

Тарен поднял искаженное страданием лицо.

— Король Моны мертв.

Молча, с тяжелым сердцем друзья возвели могильный холм невдалеке от Каер Кадарн. Воины Смойта присоединились к ним. Уже на закате всадники с факелами медленным кругом объехали холм, оказывая последнюю почесть королю Моны.

Когда погас последний погребальный костер, Тарен подошел к могиле, чтобы постоять здесь в одиночестве.

— Прощай, Рун, сын Руддлума. Твоя дамба не построена,— тихо сказал он.— Но я обещаю, что работа не останется неоконченной. Твой народ рыбаков будет иметь безопасную гавань, и я построю ее за тебя и для тебя своими собственными руками. Клянусь.

Вскоре после наступления ночи вернулись в Каер Кадарн Гвидион, Колл и король Смойт. Мэгг ускользнул, и бесплодное преследование утомило и обессилило их. С печалью восприняли они скорбную весть о смерти Руна и молча почтили память остальных павших воинов. Затем Гвидион собрал всех в Большом зале.

— Аровн, повелитель Земли Смерти, дал нам мало времени на печаль по утраченным друзьям. Но я опасюсь, что мы будем еще скорбеть и о других, пока наше дело не будет завершено,— тихо сказал он.— Я должен обсудить с вами решение, которое принял. Надо все осторожно и внимательно взвесить.

Гвидион оглядел собравшихся.

— Гвистил из Красивого Народа покинул нас и продолжил свой путь в королевство короля Эйддилега. Перед тем, как мы расстались, он поведал мне о сборе войск Аровна. Слова Мэгга не были пустым и злобным бахвальством. Гвистил считает, как, кстати, и я, что Аровн собирается дать нам решительный бой и сокрушить нас окончательно. Его армии продолжают собираться даже сейчас, в тот самый момент, как мы с вами говорим.

Все молча слушали, склонив головы.

— Есть серьезный риск, а может, и смертельный, в том, что Дирнвин остается в руках Аровна,— продолжал Гвидион.— Но сильная армия Аровна— еще большая опасность. Я больше не стану искать черный меч. Какую бы силу он ни дал королю Аннувина, я со своими силами буду неколебимо стоять против него. Поэтому я отправляюсь не в Аннувин, а в Каер Датил, чтобы собрать Сыновей Доны.

Несколько мгновений стояла тишина. Наконец Колл промолвил:

— На мой взгляд, ты принял мудрое решение, принц Доны.

Смойт и Ффлевддур Пламенный кивнули в знак согласия.

— Если бы я был уверен в своей мудрости,— вздохнул Гвидион.— Но пусть будет так.

Поднялся Тарен. Он прямо взглянул в лицо Гвидиона.

— Неужели,— взволнованно воскликнул он,— неужели мы сами не в состоянии проникнуть в сердце Аннувина, в твердыню короля Земли Смерти? И неужто в самом деле мы должны отказаться от поисков Дирнвина?

— Я понимаю твой порыв, Помощник Сторожа Свиньи, и читаю в твоих мыслях желание немедленных действий,— сказал Гвидион.— Но ты послужишь мне лучше, если будешь подчиняться моим приказам. Гвистил предупредил, что путешествие в Аннувин равно потере жизни. И даже больше: потере драгоценного, невозвратного времени. Характер Гвистила — в сокрытии характера. Но среди Красивого Народа нет никого более проникательного и более заслуживающего доверия. Я прислушиваюсь к его предупреждениям и вам советую не забывать о них.

Гвидион кивнул Тарену, приглашая его снова сесть и внимательно слушать.

— Гвистил обещал сделать всё, чтобы Красивый Народ пришел нам на помощь,— продолжал Гвидион.— Король Эйддилег не очень-то любит род человеческий. Но даже он должен понять, что победа Аровна принесет вред всему Прайдену. И Красивый Народ пострадает не меньше, чем мы.

Ффлевддур одобрительно хмыкнул. Колл хмуро молчал. Тарен старался не смотреть на Гвидиона, стыдясь своего недавнего порыва. А Гвидион продолжал говорить ровно и спокойно.

— И все же мы не можем слишком рассчитывать на Эйддилега. Надо собрать собственную армию, поднять все наши боевые отряды. И в этом наша самая большая надежда на короля Прайдери из Западных Владений. Нет в Прайдене короля могущественнее его. А верность его Дому Доны крепка, сильны и неразрывны между

нами узы дружбы. Я пошлю весть королю Прайдеру и попрошу его привести свое войско в Каер Датил.

Теперь Гвидион обвел глазами всех сидящих за столом и обратился прямо к каждому.

— Там мы все и встретимся, друзья...— В твердом голосе его проскользнули грустные нотки расставания.— А до того я попрошу короля Смойта собрать всех верных ему воинов в его владениях и в соседних княжествах.— Он повернулся к барду.— Ффлевддур Пламенный, сын Годо, ты король. Возвращайся без промедления в свое Северное Королевство. Доверяю тебе объединение северных княжеств.

Теперь он обратился к Тарену, почти по-отечески обнял его за плечи.

— А ты, Помощник Сторожа Свины...— Тарен весь напрягся.— Тебе поручается самое спешное задание. Ты хорошо известен народу Свободных Коммотов. Подними всех из них, кого только сможешь, все силы. Веди всех, кто пойдет за тобой, в Каер Датил. Гурджи и Колл, сын Коллфревра, поедут с тобой. Принцессу Эйлонви я тоже поручаю тебе. Ее безопасность в твоих руках.

— Я согласна,— откликнулась Эйлонви.— Спасибо, что не помышляете отправить меня домой.

— Гвистил поведал нам, что многие из вассалов Аровна уже выступили,— сказал Колл.— Долина Княжеств слишком опасна. В ином случае, принцесса,— добавил он с лукавой усмешкой,— ты бы уже давно была на пути в Каер Даллбен.

Задолго до рассвета Гвидион и Ффлевддур Пламенный уехали из Каер Кадарн. Каждый отправился по своей дороге. Король Смойт, готовый к бою, выехал из замка, его сопровождали лорд Гаст и лорд Горион, которые поздно узнали о пленении своего короля и лишь теперь поспешили присоединиться к нему. Перед лицом настоящей опасности оба соперника отложили свои ссоры и распри. Горион уже не воспринимал как оскорбление любое слово Гаста, а тот, в свою очередь, остерегался наносить мелкие обиды Гориону и в особенности упоминать о черной корове.

В это же утро высокий грубоватый крестьянин подошел к Тарену во внутреннем дворе замка. Это был Аэддан, который когда-то давно подружился с ним в одном из княжеств Смойта. Оба они тепло пожали руки друг другу. Однако крестьянин не улыбался, лицо его оставалось мрачным.

— Не время теперь вспоминать о былых приятных временах,— сказал Аэддан.— Я предлагаю тебе преданность и дружбу... и это,— добавил он, вынимая из ножен заржавленный меч.— Он когда-то славно послужил нам и может послужить еще раз. Скажи, куда ты идешь, и я пойду с тобой.

— Я ценю меч. Но больше ценю человека, который носит его,— сказал Тарен.— И все же твое место рядом с твоим королем. Следуй за ним, и надеюсь, мы встретимся в более счастливый день.

Как и приказал Гвидион, Тарен и оставшиеся с ним его спутники ждали в замке Смойта. Они рассчитывали, что Карр прилетит сюда и поведает им собранные ею новости. Но, так и не дождавшись вороны-вестницы, на следующий день они приготовились к отъезду. Вышивка Эйлонви не пострадала в ужасающей битве, в дыму и огне. Она осторожно развернула полотнище.

— Теперь ты военачальник,— гордо сказала она Тарену,— но я никогда не слышала о военачальнике без военного стяга.

Узкими кожаными ремешками она привязала все еще не оконченную вышивку к концу копья.

— Вот,— сказала Эйлонви.— Правда, не очень-то устрашающая эмблема — свинья. И все же для Помощника Сторожа Свиньи она подходит больше всего.

Они выехали из ворот замка. Гурджи, трусивший на своем пони рядом с Тареном, высоко поднял копье, и ветер подхватил и распрямил стяг — знамя Белой Свиньи. Над задымленной крепостью и могильным холмом, чья свежая земля уже была схвачена инеем, собирались тяжелые тучи. Вскоре должен был пойти снег.

Глава восьмая

ВЕСТНИКИ

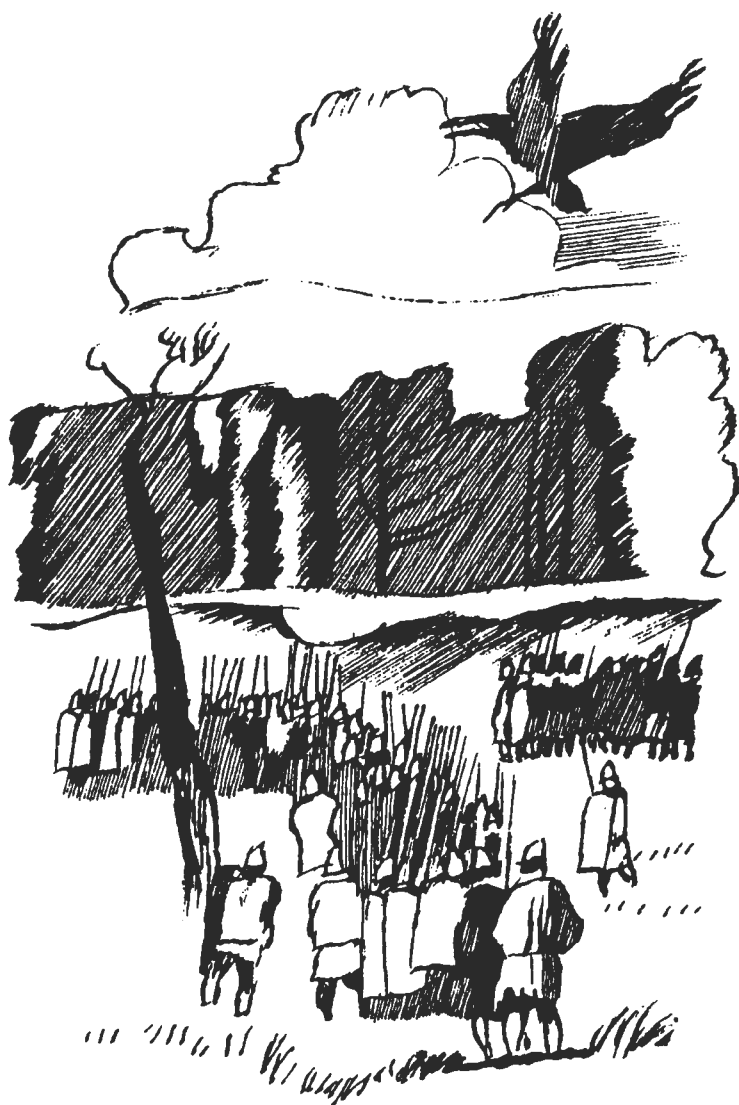
С того самого момента, как Карр покинула Каер Даллбен, она летела напрямик в Аннувин. И хотя для птицы нет ничего приятнее, чем свободно парить в поднебесье, камнем устремляться вниз и вдруг взвизгивать выше овечьего стада облаков, носиться кругами и зигзагами, чувствуя под крылом тугую струю ветра, наша ворона забыла обо всех птичьих соблазнах и упорно держалась прямого курса. Далеко внизу извилистой серебряной полосой блестела Аврен. Вспаханные поля казались пестрым плащом, сшитым из разноцветных лоскутков и распростертым на всю долину. Верхушки деревьев черными безлистыми руками тянулись к небу, словно пытаясь ухватить и задержать ворону в ее стремительном полете. Возникали темно-зеленые пятна сосновых лесов, они изредка выплывали зеленой волной на пологие склоны холмов. Карр стремилась на северо-запад, изредка и недолго отдыхая в дневные часы. Только на закате, когда уже острые глаза вороны не могли проникнуть сквозь сгущающиеся тени, только

тогда она буквально падала на землю и устраивалась где-нибудь в развилке ветвей большого дерева.

Несколько дней летела она высоко над облаками, используя малейшее дуновение ветерка, попадая в сильную струю воздуха, которая несла ее, словно слабый листок в быстром течении реки. Но, достигнув леса Идрис и по мере приближения к суровым голым вершинам Аннувина, Карр резко прервала свой покорный плавный полет по воле ветра и повернула на восток. Она внимательно приглядывалась к любому движению в затененных морщинах горных ущелий. Она мельком заметила колонну хорошо вооруженных воинов, шагавших на север. Снизившись, она разглядела, что это были Охотники Аннувина. Некоторое время она следовала за ними, и, когда они остановились среди зарослей кустарника, расположившись под раскидистым деревом, Карр немедленно уселась на нижнюю ветку и тоже обосновалась здесь. Сидя на корточках у костров, Охотники варили себе пищу. Карр, вся превратившись в слух, напряженно ловила каждое слово, хотя мало что могла разобрать в их неясном бормотании. Однако она тут же насторожилась, когда до нее долетели слова «Каер Датил».

Карр перелетела еще ближе и замерла. Один из Охотников — грубый воин, одетый в медвежью шкуру, — заметил птицу. Жестоко усмехаясь в предвкушении развлечения, он потянулся к своему луку. Быстро прицелившись, он выпустил стрелу. Но, несмотря на то, что движения Охотника были привычно быстрыми и точными, острый глаз вороны ухватывал каждое его движение на какую-то долю мгновения раньше. Карр захлопала крыльями и легко увернулась от просвистевшей стрелы, которая глубоко вонзилась в толстый сук совсем рядом с ее головой. Охотник с проклятиями по поводу мерзкой вороны и впустую пропавшей стрелы собрался уже выстрелить вновь. Но довольная собой Карр с хриплыми, насмешливыми криками сорвалась с ветки и понеслась над деревьями. Она собиралась сделать круг и вновь усестись над головами Охотников, отыскав более удобное местечко для подслушивания.

И тогда появились гвитанты.

В первое мгновение, занятая Охотниками, Карр не заметила приближения трех огромных птиц. Они выскользнули из-за гряды облаков и ринулись вниз, угрожающе хлопая черными крыльями. Радостное чувство собственной неуязвимости тут же покинуло ворону. Она вильнула в сторону, чтобы избежать удара их страшных

клювов, и отчаянно пыталась взлететь выше, не позволив смертельно опасным врагам кидаться на нее сверху вниз.

Но гвитанты тоже изменили направление полета. Один из них оторвался от своей стаи и кинулся преследовать улетающую ворону. Другие мощными ударами крыльев поднялись к самым облакам, чтобы возобновить атаку.

Карр устремлялась все выше, а тяжелый гвитант начал отставать. Ворона пронзила марево тумана и вырвалась в залитую солнцем ширь, которая почти ослепила ее.

Два других гвитанта выжидали. С яростными, пронзительными криками они кинулись к ней. Третий гвитант, преследовавший ворону сзади, словно бы гнал ее прямо в разверстые клювы своих сотоварищей. Карр уже видела кроваво-красные глазки и костяные клещи клювов. Победные крики гвитантов пронзили небо. Ворона неожиданно остановила свой полет и замерла в воздухе, будто бы сбита с толку и готовая сдаться неумолимой судьбе. Но лишь только гвитанты оказались совсем рядом, она собрала все силы в один стремительный рывок и, сделав крутой поворот, избежала уже нависших над ней кинжальных клинков когтей.

И все же вороне не удалось уйти совсем невредимой. Один из гвитантов зацепил ее крылом, содрал с головы кусочек кожи вместе с перьями. Голова у Карр закружилась, крылья ее потеряли опору в воздухе, и она сделала кульбит, чуть не рухнув на землю. Однако в самое последнее мгновение выровняла полет. Она теперь прекрасно поняла, что небо для нее перестало быть безопасным убежищем, и почти приникла к земле, проносясь над пожухшей травой и колючими клубками кустов.

Но гвитантов ей перехитрить не удалось. Запах крови раздражил их, и они уже ни за что не хотели упустить свою жертву. Они стремительно неслись за вороной, желая настигнуть ее прежде, чем она достигнет спасительного леса.

Высокие деревья летели навстречу Карр. Она нырнула в их тень и продолжала скользить над зарослями кустарника. Густое переплетение ветвей замедлило полет ее громоздких преследователей. Проворная и легкая ворона, не теряя скорости, скользила над землей и все больше углублялась в чащу. Она резко поворачивала,

летела зигзагами, взмывала вверх и падала вниз. Огромные крылья гвитантов, которые так хорошо служили им в открытом небе, теперь мешали им настичь свою жертву в густой чаще леса. Они с яростным клекотом носились над деревьями, не решаясь ринуться вниз. Ворона, как лиса, лавировала между низкими кустами у самой земли.

День начал угасать. Карр, избавившись от преследователей, измученная, стала устраиваться на ночь. На рассвете она осторожно вспорхнула на верхушку дерева. Гвитанты улетели. Оглядевшись, она поняла, что отлетела от Аннувина далеко на восток. С трудом она оторвалась от ветки дерева и тяжело поднялась вверх. Далеко на юге лежал Каер Кадарн, долететь до которого у нее теперь не хватило бы сил. Она должна была быстро решить, куда направиться, пока силы и вовсе не оставили ее. Карр сделала небольшой круг над лесом и направилась в ту сторону, где она надеялась найти спасение и убежище.

Ее полет был теперь настоящей мукой. Часто крылья отказывались служить ей, и она доверялась сильному потоку ветра, несшего ее по своей воле. Теперь она уже не могла долго лететь без передышки. Задолго до захода солнца, мучимая раной, ворона снижалась и пряталась в ветвях деревьев. Не могла она и подниматься высоко, где даже не такие жаркие сейчас лучи солнца обжигали открытую рану на голове. Карр поневоле держалась ближе к земле. Внизу, под ней, все дороги и пустые поля словно были засеяны бесконечными головами идущих и едущих воинов. Карр иногда присаживалась на голое дерево отдохнуть и одновременно разведать, куда направляются эти бесчисленные отряды Охотников. Она узнала, что все они устремляются в одно место — к крепости Сыновей Доны. Тревога ее возросла и стала острее боли, прибавив пусть небольшую толику так недостающих ей сил. Карр летела дальше.

Минуя оцепенелую от холода череду высоких горных вершин на северо-востоке от реки Истрад, она увидела наконец то, к чему стремилась. Зеленая ладошка долины, окруженная отвесными стенами утесов, сверху казалась уютным гнездышком среди покрытых снегом вершин. Показалась маленькая хижина. В потоке солнечных лучей

блестело голубое пятно озера. С подветренной стороны невысокого холма виднелся покосившийся скелет корабля, поросшие мхом шпангоуты и ушедшие в землю выпуклые бока древнего судна. Беспомощно хлопая крыльями и теряя последние силы, Карр камнем упала в долину.

Глаза ее были закрыты, сквозь туман усталости и боли она смутно почувствовала, как ее крепко схватили и подняли с измятой травы. Глубокий, словно идущий из-под земли голос спросил:

— Ну, Бринач, что ты нам принес на этот раз?

Больше ворона ничего не слышала, не видела, не чувствовала.

Когда Карр опять открыла глаза, то обнаружила, что лежит в мягком, сплетенном из осоки гнезде посреди залитой солнцем комнаты. Она была еще слаба, но боль ушла. Рана ее перевязана. Когда ворона попыталась хлопнуть крыльями, ее обхватила пара сильных и ловких рук.

— Тихо, тихо,— успокоил ее глубокий, густой голос.— Боюсь, что на некоторое время тебе придется забыть о небе.

Лицо белобородого человека было бугристым, морщинистым и очень походило на кору древнего дуба в снежном сугробе. Белые волосы ниспадали на широкие плечи, голубой драгоценный камень сиял на золотой ленте, охватывающей его лоб. Карр без обычной для нее клокочущей болтовни скромно и послушно склонила голову. Никогда раньше она не летала в эту долину, но сердце ее знало, что это спасительное убежище всегда открыто для нее. Это тайное чувство, глубоко запрятанное в лабиринтах ее памяти, было присуще всем живым существам Прайдена. И чувство это безошибочно вело ее все последние дни. Теперь ворона твердо знала, что она оказалась в жилище Медвина.

— Давай посмотрим, давай посмотрим,— приговаривал Медвин, сдвигая мохнатые брови и словно бы пытаясь что-то припомнить.— Ты... да... верно... ты Карр, дочь Кадвира. Да, конечно. Извини, что не узнал тебя сразу, но так много вороньих кланов, что я их иногда путаю. Я знал твоего отца, когда он был еще долговым птенцом.— Медвин улыбнулся своим давним вос-

поминаниям.— Плутишка частенько навещал меня. То починить сломанное крыло, то вправить вывихнутую ножку. У него одна неприятность набегала на другую.

Медвин притворно строго поглядел на Карр.

— Надеюсь, ты не так непоседлива, как он,— продолжал Медвин.— Я уже много наслышан о твоей смелости, сметливости и... и некоторой склонности к излишнему озорству. Это дошло до моих ушей так же, как и то, что ты служишь Помощнику Сторожа Свињи в Ка-

ер Даллбен. Мелинлас его имя, кажется... О нет, прости. Это его лошадь. Конечно же, Мелинлас, сын Мелинга-ра. А имя Помощника Сторожа Свины ускользнуло из моей памяти. Но не важно. Служи ему верно, дочь Кад-вира, потому что у него хорошее сердце. Он из немно-гих среди рода человеческого, кому я позволил войти в мою долину. Что же касается тебя, то только чудом гви-танты не поживились твоим скудным мясом. Впредь будь внимательнее. Небо в эти дни просто кишит вест-никами Аровна. Ты в безопасности сейчас, но скоро поправишься и полетишь дальше.

Огромный орел, усевшись на спинке тяжелого стула Медвина, внимательно изучал ворону. Рядом со стари-ком сидел волк Бринач. Тощий и серый, он вилял хвостом и тоже неотрывно смотрел на ворону своими узкими желтыми глазами. Спустя мгновение в комнату вбежала волчица, поменьше ростом и с белым пятном на груди. Она распласталась на полу рядом со своим супругом.

— А, Бриаваэль,— приветствовал ее Медвин.— Ты пришла поздороваться с нашей гостьей? Как и ее отец, она, вероятно, принесла нам на крыльях занятную исто-рию, которую мы все не прочь послушать.

И Карр заговорила на своем гортанном вороньем языке, который Медвин конечно же понимал. Лицо его по мере продолжения рассказа мрачнело все больше и больше. Когда ворона кончила, Медвин некоторое вре-мя молчал и хмурился. Бринач беспокойно завывл.

— Оно пришло,— медленно проговорил Медвин.— Я должен был догадаться сам, потому что чувствовал волны страха, накатывающие на животных. Они бегут и бегут сюда, смутно ощущая опасность. И все как один толкуют об Охотниках. Они говорили об Охотниках, выпшедших за границы земель Аннувина, о толпах вооруженных людей. Теперь я понимаю значение и смысл этих новостей. День, которого я всегда опасался, пришел. И все же моя долина не может вместить всех, кто ищет убежища.

Голос Медвина наполнялся силой и уже гудел, как нарастающая буря.

— Род человеческий сталкивается с рабской силой Аннувина. То же произойдет и с дикими существами Прайдена, со зверями и птицами. В мрачной, непро-

глядной тени Земли Смерти песня соловья захлебнется и умрет. Галереи барсуков и норы кротов превратятся в их темницы. Ни один зверь не сможет бродить свободно, ни одна птица не посмеет взлететь ввысь по зову своего сердца, не сумеет ощутить радости покорения небесных просторов. Тех, кого не убьют, постигнет судьба гвитантов, давно схваченных, изломанных и сломленных. Их когда-то нежные и свободные сердца поработил и исковеркал для своих подлых целей Аровн.

Медвин обернулся к орлу.

— Ты, Эдирнион, лети поскорее к горным теснинам, к родовым гнездам своих родичей. Попроси их подняться всей неисчислимой стаей, собрать все подвластные им силы. Ты, Бринач, и ты, Бриаваэль,— приказал он, когда волки наострили уши и поднялись,— разнесите тревожный призыв среди ваших братьев, среди медведей с их дробящими задними лапами, с их бьющими и крушащими передними лапами, среди осторогих оленей, среди всех лесных жителей, больших и малых.

Медвин поднялся во весь свой рост. Его руки сцепились, как корни деревьев вцепляются в скалистую землю. Ворона молча смотрела на него, пораженная благоговейным страхом. Глаза Медвина сверкали, как вспышки ночных зарниц. Голос его гудел, словно ветер в глубинах ущелий.

— Поговорите с ними от моего имени и скажите им: таковы слова, такова просьба и приказ того, кто построил корабль, когда темные воды нахлынули на Прайден и грозили затопить его, того, кто спас их древних предков. Теперь против этого наводнения зла должно восстать каждое гнездо, каждая нора. Любое дерево, всякая щель в скале, даже малый пригорок должны стать крепостью. Пусть каждое живое существо обратит свой клюв, когти, зубы, клыки, колючки против всех, кто служит Аровну, повелителю Земли Смерти.

Волки выпрыгнули в дверь. Орел стремглав вылетел в окно.

Глава девятая

ЗНАМЯ

Путники успели удалиться от замка Смойта всего лишь на полдня пути, как повалил снег. К тому времени, когда достигли долины Истрад, склоны холмов были выбелены и лед постепенно стал сковывать реку. Они перешли ее вброд, и мелкие осколки разбитого льда больно резали ноги лошадей. Отряд направился теперь через открытые ветру Княжеские холмы на восток в сторону Свободных Коммотов. Из всего отряда больше всего от холода страдал Гурджи. И, хотя его закутали в огромный плащ из овечьей шерсти, бедняга мелко дрожал. Губы его посинели, зубы дробно стучали, ледяные капельки свисали с его густых лохм. И все же он старался не отставать от Тарена, а его одеревеневшие руки по-прежнему сжимали копьё с бьющимся на ветру стягом.

Через несколько дней тяжкого пути они переправились через Малую Аврен и очутились в селении Кенартт, где Тарен решил начать сборы народа Свободных Коммотов. Но лишь только Тарен въехал в круг

крытых тростником невысоких хижин, он увидел большую толпу деревенских жителей. Мужчины собрались в самом центре Кенартт. Среди них был и Хевидд Кузнец, здоровяк с широкой бочкообразной грудью и щетинистой бородой, который тут же протолкался сквозь толпу и дружески хлопнул Тарена по плечу своей тяжелой, как молот, ручищей.

— Добро пожаловать, Странник,— загудел Кузнец.— Мы увидели тебя издали и вот собрались тут, чтобы приветствовать тебя.

— Со всей теплотой сердца приветствую добрых моих друзей,— ответил Тарен.— Не с пустыми руками я приехал, а с большой просьбой, которую и обращаю к вам в обмен на добрый прием. Внимательно выслушайте меня.— Он поднял руку, прося тишины.— Нелегко просить о том, с чем я осмеливаюсь обратиться к вам, да и нелегко ответить на такую просьбу: я прошу силы ваших рук и мужества ваших сердец, а коли потребуется, так и ваших жизней.

Над головами людей поднялся гул, шепот, удивленные возгласы. Народ Коммотов теснее столпился вокруг Тарена. И он подробно рассказал о том, что произошло с Гвидионом, и не скрыл, что Аровн собирает большое войско. Он говорил долго, и, когда закончил, такое же долгое молчание было ему ответом. Люди стояли с суровыми лицами, опустив головы, тяжело переступая с ноги на ногу. Первым подал голос Хевидд Кузнец.

— Народ Свободных Коммотов чтит короля Матха и Дом Доны,— сказал он.— Но мы последуем только за тем, кого знаем как друга, и отдадим в его руки наши жизни не по обязанности, а из дружбы. Поэтому позволь Хевидду присоединиться к тебе, Тарен Странник.

— Все последуют за ним! Все присоединятся! — раздался хор грубых мужских голосов.

Через мгновение еще недавно мирное селение Кенартт зашевелилось, загудело, заволновалось, какдвигающийся на море шторм. Каждый мужчина спешил вооружиться.

Но Хевидд вдруг горько усмехнулся.

— Наше желание велико, но мало у нас оружия,— заявил он.— Впрочем, это не самое главное, Странник. Ты хорошо потрудился когда-то в моей кузнице. Теперь моя кузница поработает на тебя. А я пошлю весточку каждому кузнецу в земле Коммотов, чтобы они так же верно потрудились для тебя, как я сам это сделаю.

Пока люди готовили своих лошадей к дальнему и трудному походу, а Хевидд раздувал огонь в кузнице, Тарен повел свой маленький отряд в соседнее селение. Весть о нем и о его деле быстро облетела всю Землю Коммотов, и каждый день стекались к нему толпы пастухов и пахарей, которых не нужно было упрашивать и уговаривать. Все они с радостной готовностью становились под знамя Белой Свињи. Для Тарена дни и ночи слились в одну бесконечную и бессонную вереницу часов. Верхом на неутомимом Мелинласе он объезжал возникающие тут и там военные лагеря, встречал мирных мужчин, превратившихся в суровых воинов, следил за тем, чтобы всем достало провизии и оружия, у тлеющих в ночи караульных костров держал совет с новыми своими воинами и предводителями боевых отрядов.

Хевидд, завершив свою работу в Кенартт, присоединился к странствующему по селениям Тарену и с готовностью исполнял службу оружейного мастера.

— Ты хорошо выполнил свою работу, но мы все равно еще слабо вооружены,— сказал ему Тарен.— Боюсь, всех кузниц в Прайдене не хватит, чтобы вооружить народ. Нужно найти какой-то выход...

— И ты найдешь его, как и свою удачу! — раздался чей-то громкий голос.

Тарен обернулся и увидел подъезжавшего к нему странного всадника. Он был облачен в разномастную и разноцветную одежду, так непохожую на обычный наряд людей Коммотов. Долговязый, с длинными и худыми, как у аиста, ногами, которые болтались по бокам его лошади и чуть ли не касались земли. Гладкие прямые волосы обрамляли его узкое лицо. На голове всадника красовался шлем, сделанный, кажется, из обычной кастрюли и нахлобученный почти до самых глаз. Куртка его, словно панцирь, была обшита кусками железа и лоскутами толстой кожи. В руке он держал длинный посох, увенчанный лезвием косы.

— Ллонио! — радостно вскричал Тарен, пожимая руку вновь прибывшего воина.— Ллонио, сын Ллонвена!

— И никто иной! — весело откликнулся Ллонио, сдвигая со лба свой странный шлем.— Неужели ты мог подумать, что я не присоединюсь к тебе?

— Но твоя жена и дети,— начал было Тарен,— я не смею просить тебя покинуть их. Я помню, что детей у тебя с полдюжины...

— И еще, к радости моей, ожидается! — ответил Ллонио, расплывшись в счастливой улыбке.— Если удача улыбнется мне, то не один, сразу двое. Близнецы! Но весь мой выводок не будет в безопасности, пока вокруг неспокойно. А безопасность моих детей — моя забота! И для того, чтобы и впредь в Прайдене было безопасно, я должен следовать за тобой, Странник. А ты должен заботиться не о младенцах на руках у женщин, а об оружии в руках мужчин. Послушай меня, дружище Странник,— продолжал Ллонио,— я видел вилы и грабли в каждом хозяйстве. Этого добра хватает у людей Свободных Коммотов. Надо зубцы граблей и острия вил насадить на крепкие деревянные древка. Ты получишь сразу гору оружия там, где, как ты полагаешь, люди совсем безоружны.

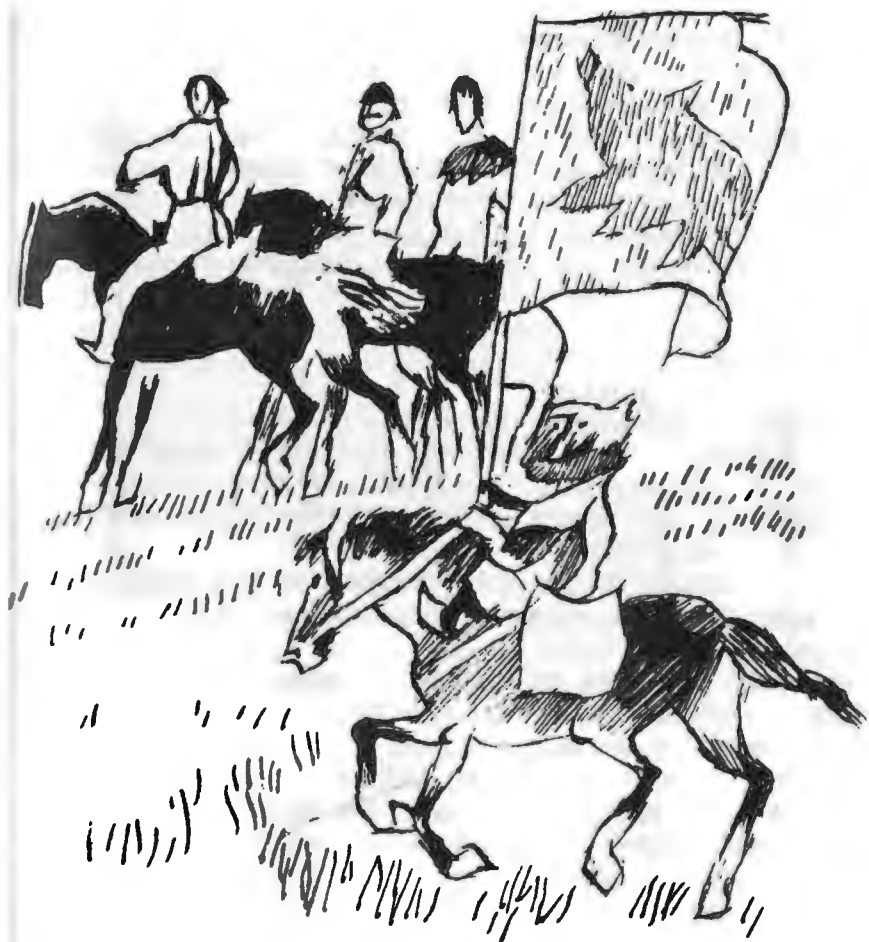
— Это мы сделаем! — воодушевился Хевидд.— И как это я сам не догадался?

— Да и я тоже,— признался Тарен.— Ллонио видит гораздо острее, чем любой из нас, но любит называть удачей то, что другой назвал бы умом и сметкой. Иди, друг Ллонио, собирай по дворам что сможешь. Я знаю, ты найдешь больше, чем любой из нас.

Ллонио с помощью Хевидда без усталости собирал в селениях Свободных Коммотов серпы, грабли, кузнечные молоты и клещи, косы, вилы и крюки, с удивительной ловкостью и выдумкой делая из этих обычных предметов опасное и грозное оружие. И запасы этого оружия росли с каждым днем.

Тарен тем временем собирал стекавшихся со всех концов Земли Коммотов крестьян, превратившихся в воинов. Колл, Эйлонви и Гурджи помогали нагружать телеги утварью и провизией для все увеличивающейся армии. Занятие это особенно раздражало Эйлонви, ко-

торая скорее стремилась скакать галопом от одного селения к другому и находиться в самой гуще народа и в центре военного лагеря, чем тащиться позади войска рядом с телегами. Она обрядилась в мужской костюм, обвила волосы вокруг головы и спрятала их под шапку; на поясе у нее с одного боку висел длинный меч, с другого — короткий кинжал, которые она лестью выманила у Хевидда Кузнеца. Наряд воина плохо был прилажен на ней, но она страшно гордилась им и потому сердито надулась, когда Тарен запретил ей отлучаться и выезжать одной в открытое поле.

— Ты поедешь вместе со мной,— строго сказал он,— но после того, как все телеги будут нагружены и окажутся в безопасности позади войска.

Принцесса неохотно согласилась, но на следующий день, когда Тарен галопом пронесился мимо скопления лошадей и телег позади лагеря, она яростно закричала ему:

— Ты обманул меня! Эта погрузка никогда не кончится! Не успеваю я закончить с одной вереницей лошадей, как тут же появляется другая. Хорошо же, я буду делать то, что приказано. Но будь ты хоть трижды военачальник, Тарен из Каер Даллбен, я с тобой больше не желаю разговаривать!

Тарен усмехнулся и продолжал свой путь.

Продвигаясь на север через долину Великой Аврен, отряд Тарена въехал в Коммот Гвенит. Едва успели они спешиться, как Тарен услышал потрескивающий, как сухая веточка, голосок:

— Странник! Я знаю, что тебе нужны воины, а не старухи. Но помедли немного и поздоровайся с той, которая не забыла тебя.

Двивач, ткачиха из Гвенита, стояла в дверях своей хижины. Несмотря на седые, белые как лунь волосы, на морщинистое личико, она, как всегда, выглядела бодрой и оживленной. Ее серые молодые глаза внимательно изучали Тарена, потом она повернулась к Эйлонви. Улыбаясь, древняя эта старуха кивком подозвала к себе принцессу.

— Тарена Странника я знаю хорошо. А кто ты, могу догадаться, хотя ты и расхаживаешь в обличье мужчины.— Она хитро глянула на принцессу.— Я была уверена, когда впервые встретилась со Странником, что мысли его заняты хорошенькой девушкой.

Двивач хихикнула.

— Если ты мне не веришь, то подождем немного. Время скажет, кто из нас прав. А пока, дитя мое,— добавила она, разворачивая плащ, который держала в своей сморщенной руке, и накидывая его на плечи Эйлонви,— прими этот подарок, дар древней старухи молоденькой девушке, и запомни, что большой разницы между нами двумя нет. Потому что даже еле ковыляющая старая дама имеет частицу девичьего сердца, а

у юной девушки всегда есть толика мудрости старой женщины.

Тарен спешил к двери хижины. Он тепло приветствовал ткачиху и восхитился плащом, который она подарила Эйлонви.

— Хевидд и все кузнецы Коммотов куют для нас оружие,— сказал он.— Но воинам не меньше, чем оружие, нужно тепло. Увы, у нас нет теплой одежды.

— Неужели ты думаешь, что ткачиха менее выносила, чем кузнец? — обиженно проскрипела Двивач.— Так же, как и ты терпеливо работал на моем станке, теперь и он с терпением потрудится для тебя. И в каждом селении Коммотов челноки будут без устали сновать для тебя и твоих воинов, Тарен Странник.

Ободренный словами Двивач Тарен покинул Гвенит. Отъехав от селения на небольшое расстояние, он увидел небольшой отряд всадников, направляющихся к нему. Их вел высокий юноша, который на ходу выкрикивал имя Тарена и махал рукой.

С радостным криком Тарен помчал Мелинласа на встречу всаднику.

— Ллассар! — обрадовался Тарен, поравнявшись с молодым человеком.— Не думал, что мы встретимся так далеко от твоей овчарни в Коммот Исав.

— Вести о тебе летят впереди тебя, Странник,— отвечал Ллассар.— Но я опасался, что ты посчитаешь наше селение слишком маленьким и пройдешь мимо. Это я,— добавил он со смущением, которое не могло скрыть его мальчишеской гордости,— это я собрал отряд и повел его, чтобы отыскать тебя.

— Мужество жителей Исав намного превосходит его размеры,— сказал Тарен,— и я нуждаюсь в вас и приветствую каждого. Но где твой отец? — спросил он, оглядывая всадников подоспевшего отряда.— Где Друдвас? Он не позволил бы себе отправить сына одного так далеко.

На лице Ллассара отобразилась мука.

— Зима забрала его у нас. Я безмерно скорблю о нем, что его память и в память о нем делаю то, что он бы сам не преминул сделать. Я здесь, Тарен Странник.

— А что твоя мать? — осторожно спросил Тарен, когда они уже ехали бок о бок. — Было ли ее согласие на то, чтобы ты оставил дом свой и стадо?

— Другие позаботятся о моем стаде, — ответил юный пастух. — Моя мать знает, что должен делать ребенок и что пристало мужчине. Я — мужчина, — гордо добавил он, — и стал им с той ночи, как ты и я стояли против Дората и его разбойников в овчарне.

— Да, да, — закричал молчаливый до того момента Гурджи, — и бесстрашный Гурджи стоял против них!

— Ну да, — кисло заметила Эйлонви, — вы себе сражались в свое удовольствие в то время, когда мне приходилось делать реверансы и накручивать волосы на Моне. Я не знаю, кто такой Дорат, но если я когда-нибудь встречу его, то обещаю наверстать упущенное.

Тарен искоса глянул на нее.

— Считаю, что тебе посчастливилось не знать его. Я знаю его слишком хорошо, к моему сожалению.

— Он не беспокоил нас с той ночи, — сказал Ллассар. — Похоже, что и впредь не побеспокоит. Я слышал, Дорат покинул Земли Коммотов и отправился на запад. Поговаривают, что он отдал свой меч на службу повелителю Земли Смерти. Может быть, это и так. Но если даже Дорат и состоит на службе у кого-то, он все равно служит только себе.

— Ваше служение, отданное нам по велению сердца, для нас значит несравненно больше, чем любая служба, которую может купить король Аннувина, — сказал Тарен. — Принц Гвидион будет благодарен вам.

— Скорее тебе, — ответил Ллассар. — Наша гордость не в битве, а в поле, в работе наших рук, а не клинков. Мы никогда не искали войны. Мы пришли теперь под знамя Белой Свины потому, что это знамя нашего друга, Тарен Странник.

Погода ухудшилась. Дни становились слишком короткими, и надо было спешить. А все растущее войско заставляло ехать медленнее. Тарен упорно стремился вперед, несмотря ни на что. Рядом с ним галопом скакал Колл, всегда бодрый и жизнерадостный. Его широкое лицо, огрубевшее от холода и обветрившееся, было почти скрыто высоким, овечьего меха воротником теплой

куртки. Пояс, выкованный из тяжелых крупных звеньев, опоясывал его крепкий стан. На поясе висел прямой длинный меч, а на спине ремнями был прикреплен щит из толстой шкуры быка. Колл нахлобучил старый искореженный шлем, однако все время ворчал, что тот сидит на голове не так ловко, как его старая кожаная шапка.

Тарен был благодарен Коллу за его мудрые и точные советы и всегда с радостью выслушивал любое его замечание. Это Колл подал мысль о том, чтобы по мере разрастания войска отсылать небольшие отряды прямо в Каер Датил, а не волочиться из одного селения в другое с силой, становящейся все более и более громоздкой. Ллассар, Хевидд и Ллюнио не покидали головной отряд Тарена и держались поближе к нему самому. И все же именно Колл оставался на страже, когда усталый Тарен заворачивался в плащ и растягивался на мерзлой земле для короткого сна.

— Ты — крепкий дубовый посох, на который я опираюсь, — со смехом сказал как-то Тарен. — Более того, ты большое надежное дерево! Ты, Колл, настоящий воин, каких, наверное, мало осталось в Прайдене.

Колл, вместо того, чтобы просиять или хотя бы улыбнуться, недовольно покосился на Тарена.

— Ты хочешь порадовать меня? — спросил он. — Тогда лучше скажи, что я настоящий сборщик яблок и выращиватель репы. Совсем я не воин, а лишь становлюсь им на короткое время, когда это необходимо. Мой сад скучает по мне так же, как и я по нему, — добавил он серьезно. — Я не помог ему подготовиться к зиме, и мне еще предстоит расплачиваться за это во время весенней страды.

Тарен ободряюще улыбнулся.

— Мы будем копать и выдергивать сорняки вместе, настоящий огородник и настоящий мой друг.

Караульные костры мерцали в ночи. Лошади переступали с ноги на ногу и громко хрупали сеном у привязи. Около них множеством теней лежали, двигались и спали воины. Тьма людей во тьме ночи. Порыв холодного ветра резанул Тарена по лицу. Он внезапно почувствовал, что смертельно устал. Медленно он повернул голову к сидящему рядом Коллу.

— Покой войдет в мое сердце,— тихо сказал он,— когда я вновь стану Помощником Сторожа Свиньи.

До Тарена дошла весть, что Смойт поднял большое войско, сколотив его из многих отрядов своих княжеств, и теперь во главе этой армии направляется на север. Узнал он также и о том, что некоторые вассалы Аровна выслали военные отряды к реке Истрад, чтобы напасть на колонны воинов, тянущиеся в Каер Датил. Тарену теперь надо было поторапливаться.

Войско его направлялось в Коммот Мерин. Для Тарена это селение было самым прекрасным из всех, какие попадались на его пути во времена странствий. Даже теперь, среди грохота оружия, ржания лошадей, криков всадников, белые, крытые тростником аккуратные домики деревеньки, казалось, дышали миром и покоем, далекие от горячего воздуха войны, долетевшего до них вместе с нагрянувшим сюда войском. Тарен проскакал галопом мимо знакомых полей, окаймленных лиственницами и высокими елями. Сердце его трепетало от волнующих воспоминаний. Он остановился у знакомой хижины, чья дымящаяся труба ясно говорила о потрескивающем внутри приветливом пламени очага. Дверь открылась, и на пороге показался коренастый крепкий старик в грубом коричневом одеянии. Волосы его цвета покрытого окалиной железа и густая борода были коротко подстрижены. Глаза его оставались ярко-голубыми и ясными, не затуманенными долгими годами жизни.

— Рад встрече,— прокричал он Тарену и поднял в знак приветствия огромную руку, по локоть измазанную подсыхающей глиной.— Ты оставил нас как странник, а вернулся как военачальник. А о твоём мастерстве в военном деле я уже много наслышан. И все же я спрашиваю: не забыл ли ты о том мастерстве, что получил у гончарного круга? Или я зря терял и время, и свое умение, обучая тебя?

— Рад встрече, Англо Велико-Лепный,— отвечал Тарен, соскакивая на землю с Мелинласа и с жаром пожимая руку старого гончара.— Боюсь, что ты и впрямь зря терял на меня время,— засмеялся он,— слишком уж бестолковый ученик достался мастеру. Мастерства мое-

го сохранилось меньше, чем благодарной памяти о тебе. Но то немногое, чему научился, я не забыл.

— Тогда покажи мне,— потребовал гончар, зачерпывая из деревянной кадки пригоршню влажной глины.

Тарен печально улыбнулся и покачал головой.

— Я остановился только для того, чтобы поприветствовать тебя,— ответил он.— Теперь я занят мечами, а не глиняными чашами.

И все же Тарен вошел в хижину следом за старым гончаром. Огонь очага бросал масляные блики на ряды глиняной посуды, изящные кувшины для вина, горшки и блюда. Тарен быстро выхватил из бочки холодную глину, бросил ее на круг, который Аннло принялся раскручивать. Тарен понимал, что времени у него совсем немного, но когда глина под его руками стала обретать форму, он на мгновение забыл обо всем, спал тяжкий груз опасений и забот. Вернулись назад те дни, когда перед ним были лишь бешено вертящийся гончарный круг и сосуд, рождающийся прямо на глазах из бесформенного куска глины.

— Отлично сработано,— сказал Аннло тихим голосом и добавил: — Я слышал, что кузнецы и ткачи во всех селениях Коммотов трудятся, чтобы дать тебе оружие и одежду. Но мой круг не способен выковать клинок или соткать плащ для воина, глина моя годна только для мирных жителей. Увы, я не могу предложить тебе ничего, что послужило бы на пользу теперь.

— Ты дал мне больше, чем все остальные,— ответил Тарен,— и я ценю это больше всего. Мой путь — не путь воина. Если бы мне не пришлось сейчас взять в руки меч, то я не желал бы для моих рук лучшей работы, чем та, что делаешь ты, создавая радость и красоту. Но коли не удастся мне сделать свою нынешнюю работу как следует, то я буду считать, что потерял всё, полученное от тебя.

Его рука замерла, тут же скособочив выраставший на круге кувшин, потому что снаружи раздался тревожный голос Колла, призывавшего его. Тарен быстро поднялся и стремглав выскочил из хижины, выкрикивая на ходу слова прощания. Аннло печально поглядел ему вслед.

Колл уже выхватил свой меч. В следующий момент появился и Ллассар. Они галопом поскакали в лагерь,

разбитый в предместье Коммот Мерин. Колл оповестил Тарена о том, что караульный пост увидел неприятельский отряд.

— Они скоро нападут на нас,— предупредил Колл.— Мы должны встретить их до того, как они приблизятся. Как старый воин и умелый выращиватель репы я советую тебе поднять отряд лучников и лучших всадников. Ллассар и я попробуем отвлечь их с маленьким подвижным отрядом.

Они быстро обсудили план Колла. Тарен поехал вперед, призывая всадников и пеших солдат, которые спешно хватали свое оружие и следовали за ним. Эйлонви и Гурджи он приказал оставаться под прикрытием телег позади лагеря, где было безопаснее. Даже не выслушав их возражений, Тарен галопом поскакал к еловому лесу, покрывавшему дальние холмы.

Нападавшие были вооружены серьезнее, чем ожидал Тарен. Они быстро спустились с покрытого снегом хребта и устремились к селению. По знаку Тарена лучники затаились в неглубоком овраге, а конные воины Коммотов приготовились к атаке. Всадники сшиблись в грохоте щитов, стуке копыт и звоне клинков. Тарен поднес к губам свой боевой рог. Эхом разнесся по долине и оврагам призывный сигнал, и лучники выскочили из укрытия.

Тарен понимал, что это лишь небольшая стычка между маленькими отрядами, но все же бой был отчаянный и жаркий. Только после того, как Колл и Ллассар со своим отрядом отвлекли большую часть нападавших, враги дрогнули и побежали. И все же это был хоть и малый, но первый бой, которым Тарен руководил как военачальник принца Доны. Люди Коммотов выиграли бой, никто из них не был убит, и лишь несколько человек легко ранены. Тарен не чувствовал усталости, сердце его наполнила радость победы, когда во главе отряда торжествующих воинов он выехал из леса к Коммот Мерин.

Но, въехав на гребень холма, он увидел черные клубы дыма.

Поначалу он подумал, что пожар случился в лагере. Он пришпорил Мелинласа и понесся вниз по крутому склону. Когда же он подъехал ближе, то увидел темно-красные языки пламени, сливающиеся с закатным, ~~слон~~

но залитым кровью, низким небом. Дым стелился по всей долине, и Тарен наконец понял, что горит селение.

Обогнав отряд, он галопом въехал в Мерин. Проскакав мимо лагеря, он мельком увидел, как Эйлонви и Гурджи тщетно борются с огнем. Колл доехал до деревни раньше него. Тарен соскочил с Мелинласа и подбежал к нему.

— Слишком поздно! — вскричал Колл. — Они напали на Коммот с тылу. Мерин подожгли факелами, а народ порубили мечами.

С вырвавшимся из груди криком печали и ярости Тарен бросился к горящим домам. Тростник на крышах пылал с треском, многие стены рухнули, на месте хижины Англо дымились угасшие руины. Перевернутый и обгорелый гончарный круг, словно мертвый пустой глаз, уставился в небо. Среди расколотых и превращенных в черепки глиняных чаш и кувшинов распростерлось тело гончара.

Тарен упал на колени. Тяжелая рука Колла легла на его плечо, но он вырвался и с тоской поглядел на старого воина.

— Неужели я только что торжествовал победу? — хрипло прошептал он. — Какой ценой заплатил за всё народ, который когда-то подружился со мной и приютил несчастного странника! Кровь Коммот Мерин на моих руках.

Колл медленно отошел от безутешного Тарена. Рядом с ним оказался Ллассар.

— Странник не шевельнулся. Он не отходит от хижины гончара, — вздохнул юный пастух. — Я знаю, как тяжело человеку терпеть боль собственной раны. Но как, должно быть, тяжело нести в себе раны тех, кто следует за тобой.

Колл кивнул.

— Ничего. Пусть побудет один. Утром все будет в порядке. Но, — добавил он со вздохом, — похоже, никогда уже не затянется эта его рана.

К середине зимы был собран последний отряд, и воины Коммотов направились в Каер Датил. Ллассар, Хевидд и Ллонио все еще оставались рядом с Тареном, который вел войско на северо-запад через горы Ллавга-

дарн. Войско было достаточно сильным, вперед высылались охранные отряды, и ничто не замедляло их быстрого движения.

Дважды летучие отряды противника нападали на них, оба раза люди Тарена отбивали атаки. Враги откатывались с серьезными потерями и, усвоив горький урок, больше не решались нападать на колонны, идущие под знаменем Белой Свиньи. Войско Тарена быстро и беспрепятственно прошло вдоль подножия Орлиных Гор. Гурджи гордо нес знамя, которое громко трещало и развевалось на резком ветру, приносящемся от дальних вершин. Под плащом Тарен увозил с собой скорбный талисман — осколок разбитой, почерневшей от огня чаши из Коммот Мерин.

При приближении к Каер Датил верховые принесли весть еще об одном войске. Тарен галопом понесся вперед. В авангарде копьеносцев навстречу ему ехал Ффлевддур Пламенный.

— Клянусь Великим Белином, — вскричал бард, прищипывая Ллиан, — вот уж обрадуется Гвидион! Видишь, северные лорды вооружились до зубов. Когда Ффлевддур Пламенный призывает... впрочем, ладно... я их собрал именем Гвидиона, в противном случае они не пошли бы так охотно. Но это уже не важно, главное — мы в пути. Я слышал, король Прайдери тоже поднял свои армии. Вот когда ты увидишь настоящее боевое войско! Учти, половина западных княжеств находится под его рукой.

Тарен заметил Глю, угнездившегося в седле серой, с тяжелыми короткими ногами лошадки.

— Эге, и великанчик с вами, — улыбнулся он.

Бывший великан, деловито обгладывавший кость, сделал вид, что едва узнает Тарена.

— Я не знал, что с ним делать, — тихо сказал Ффлевддур. — У меня не хватило духу велеть ему собирать свои вещички и топать подальше. Тем более когда все собираются в единую армию. Вот он и здесь. Но не перестает ныть и жаловаться. Сегодня у него болит нога, завтра — раскалывается голова, потом и все части тела по очереди. Когда не ест, то без конца толкует о тех временах, когда он был великаном.

Ффлевддур оглянулся на наострившего уши Глю и заговорил еще тише.

— Самое худшее,— шептал он,— что его историями забиты доверху оба моих уха. Но я почти жалею его. Конечно же, это маленький человечек с таким же маленьким сердцем. Но если ты подумаешь, как много издевались над ним и топтали... Вот когда он был великаном... Тьфу! — Бард перебил себя и хлопнул по лбу. — Довольно! Еще немного подобного кудахтанья, и я ста-

ну лопотать его словами. Давай присоединяйся к нам! — вдруг громко закричал он, выпутывая арфу из сплетения луков, колчанов с торчащими из них стрелами, небольших круглых щитов и кожаных ремней, которыми были нагружены его плечи, спина и шея. — Все друзья встретились вновь. И я сыграю вам отличную мелодию, чтобы отпраздновать нашу встречу и согреть вас немного!

Повеселевшие от музыки барда спутники поехали вместе. Вскоре невысокая крепость Каер Дати́л зазолотилась в скупом свете зимнего солнца. Ее мощные бастиионы нависли над долиной, как орлы, нетерпеливо порывающиеся взлететь в небо. За стенами, окружавшими крепость, распростерлись большие военные лагерь и стояли украшенные флагами, стягами и знаменами палатки лордов, которые пришли доказать свою верность Королевскому Дому Доны. И все же не эти разноцветные знамена, развевающиеся на ветру, и даже не эмблема — Золотое, Восходящее из Туч Солнце — заставила биться сильнее сердце Тарена. Все его существо было наполнено радостью от того, что он и его войско, воины Свободных Коммотов, добрались наконец до цели своего пути и могут хоть недолго передохнуть в безопасности. В безопасности... Тарен вдруг опечалился, мысли его вернулись к недавним дням. Он вспомнил о Руне, короле Моны, который спал вечным сном около ворот Каер Кадарн, об Аннло Велико-Лепном. И его пальцы сжали осколок глиняной чаши.

Глава десятая

ПРИХОД ПРАЙДЕРИ

Каер Датил превратился в военный лагерь. Горящими снежинками кружились в воздухе искры от кузниц, где ковали оружие. Звон железных подков боевых коней наполнял внутренние дворы крепости. Резкими кликами сигнальных рогов прорезался чистый морозный воздух. Хотя все они находились сейчас в безопасности под защитой крепостных стен, Эйлонви все же отказалась поменять свою грубую одежду воина на более подходящий наряд. Самое большее, на что она согласилась, и то неохотно, так это не скрывать своих длинных волос и не мять их под тяжелой кожаной шапкой. Почти всех придворных дам отправили под защиту дальних восточных крепостей, но Эйлонви наотрез отказалась присоединиться к оставшимся женщинам в их прядильных и ткацких мастерских.

— Может быть, Каер Датил и самый великолепный замок в Прайдене,— заявила она,— но придворные дамы везде придворные дамы, и я сыта по горло куриной стайкой королевы Телерии. Слушать их кудахтанье, хи-

хиканье и болтовню... ну, это хуже, чем тыкать глубоко в ухо сухой травинкой. Ради того, чтобы научиться быть принцессой, я чуть не потонула в мыльной воде и потоках пустых слов. Мои волосы, кажется, до сих пор похожи на измочаленные речные водоросли. Что же касается всяких там юбок, оборок и бантов, то я гораздо уютнее чувствую себя в нынешнем виде. Впрочем, я давно растеряла все свои наряды... и вовсе не собираюсь беспокоиться о том, чтобы шить новые. Та одежда, какую я ношу, очень мне подходит.

— А меня,— вдруг раздраженно заметил Глю,— меня никто и не подумал спросить, подходит ли мне та одежда, что на мне? — Он недовольно похлопал себя по куртке, хотя она, как заметил Тарен, выглядела намного лучше и новее, чем у всех остальных.— Но я привык к этому гнусному обращению,— ворчал Глю.— В моей пещере, когда я был великаном, все было по-иному. Ха, благородство! Увы, это ушло навсегда. Теперь я вспоминаю, когда мы с летучими мышами...

У Тарена не было сил ни возражать Эйлонви, ни, тем более, выслушивать тягучее ворчание Глю. Гвидион, узнав о прибытии войска Свободных Коммотов, позвал Тарена в Тронный зал. Тарен последовал на зов, а Колл, Ффлевддур и Гурджи остались разбирать и охранять снаряжение и провизию. Увидев, что Гвидион совещается с королем Матхом, сыном Матонви, Тарен не осмелился подойти ближе. Но Матх кивком подозвал его, и Тарен преклонил колена перед седобородым правителем.

Верховный король коснулся плеча Тарена иссохшей, но твердой рукой и приказал ему встать. Со времени битвы между Сыновьями Доны и армиями Рогатого Короля не видел Тарен Матха, сына Матонви, и теперь заметил, каким тяжким грузом легли годы на главу Королевского Дома. Лицо Матха было истерзано заботами и изборождено морщинами даже больше, чем у Даллбена. Золотая корона Доны, казалось, давила на его лоб тяжелым грузом. И хотя глаза старого короля были пронизательны и горели гордым огнем, Тарен уловил в них глубоко затаенную печаль. Та же печаль была и у него в сердце, и он опустил голову.

— Посмотри мне в лицо, Помощник Сторожа Свины,— приказал Матх тихим голосом.— Не бойся увидеть то,

что я и сам знаю. Рука смерти протянулась ко мне, и я не тщусь отклонить ее. Уже давно я слышу рог Гвина Охотника, который может призвать в могильное убежище даже короля.

Ни один мускул не дрогнул на суровом, неподвижном лице Верховного короля при этих горьких словах.

— С легким сердцем откликнусь я на этот призыв, — промолвил Матх, помолчав, — потому что корона долгой, непосильной тяжестью лежит на моей голове. Носить ее труднее, чем держать посох пастуха. Корона давит, пригибает, посох поддерживает, распрямляет. Но не смерть меня печалит, а то, что к закату дней моих вижу я кровь, проливаемую на той земле, где я искал только мира.

И снова глаза Матха устремились на Тарена, подавшегося вперед и слушавшего с затаенным дыханием.

— Ты знаешь историю нашего Королевского Дома. Слышал, как много лет назад Сыновья Доны приплыли на своих золотых ладьях в Прайден и как люди искали у нас защиты против Аровна, повелителя Земли Смерти, укравшего у Прайдена его сокровища и превратившего богатые, прекрасные земли в бесплодные поля. С тех пор Сыновья Доны стояли как щит против разрушительной силы Аннувина. Но если сейчас щит этот разрубить, то всё погибнет вместе с ним.

— Мы победим, — твердо сказал Гвидион. — Король Аннувина на этот раз рискнул всем, надеясь и добыть все. Но его сила одновременно и слабость его, потому что, если мы выстоим, власть его рухнет навсегда.

Король Матх устало прикрыл глаза и молча слушал Гвидиона.

— До нас дошли и хорошие новости. но и плохие тоже, — продолжал принц Дома Доны. — Вот новость тревожная. Король Смойт и его армии построены в боевом порядке в долине Истрад. Однако он не может, несмотря на свою храбрость, пойти дальше на север до конца зимы. Что ж, он послужит нам там, где стоит. Его воины уже вступили в бой с лордами-предателями из южных владений и не дали им соединиться с остальным боевым войском Аровна. Короли из более дальних северных королевств тоже идут к нам, но медленно, по-

тому что зима для них более стойкий враг, чем Аровн, ее не отгонишь, как войско неприятеля.

Гвидион улыбнулся приунывшему Тарену и продолжал:

— Но есть и ободряющие новости. Армии западных княжеств всего лишь в нескольких днях пути от нашей крепости. Разведчики уже заметили их. Это войско более могущественно, чем любое когда-либо поднятое в Прайдене, и сам лорд Прайдери командует им. Он сделал всё, о чем я просил его, и даже больше. Меня только беспокоят вассалы Аровна. Они могут дать бой и заставить его повернуть в сторону от Каер Датил. Но, если это произойдет, мы выйдем навстречу и поможем ему.

Теперь Гвидион уже открыто улыбался, и улыбка осветила его изможденное лицо.

— Не последнее в наших хороших новостях,— обратился он прямо к Тарену,— это приход Тарена из Каер Даллбен и воинов, которых он привел от Свободных Коммотов. Я серьезно рассчитываю на тебя, друг мой, и впредь.

Гвидион деловито заговорил об устройстве и приведении в боевой порядок конных и пеших воинов Тарена. Верховный король внимательно слушал и кивал в знак согласия.

— Теперь иди и выполняй порученное,— сказал Матх Тарену.— Пришел день, когда Помощник Сторожа Свиньи, как и все остальные, должен взвалить на себя часть тяжелой ноши короля.

Все последующие дни Тарен и его спутники беспрекословно исполняли все, что приказывал им Гвидион. Даже Глю посильно помогал им, впрочем, лишь тогда, когда настаивал на этом Ффлевддур, но никак не по собственному почину. Под наблюдательным и строгим оком Хевидда Кузнеца бывший великан раздувал мехи горна, бесконечно при этом хныча и жалуясь на волдыри и мозоли на его коротеньких и толстеньких руках.

Каер Датил был не только надежной крепостью, но иместилищем красоты, рожденной природой и руками человеческими. За его бастионами, в одном из множества просторных внутренних дворов, на площади, окру-

женной стройными лиственницами, поднимались могильники древних королей и героев. Каждый зал его просторных построек был по-особому украшен. Одни залы с резными дубовыми стенами становилисьместилищем доспехов и знаков благородных родов, знамен, чьи эмблемы прославили в своих гимнах великие барды. В других были собраны чудесные изделия мастеров, присланные из всех княжеств и Коммотов Прайде-на. Здесь Тарен увидел, испытал снова саднящую боль

утраты, прекрасно исполненный кувшин для вина, вышедший из-под руки Аннло Велико-Лепного.

Друзья, когда они были свободны от дел, без конца бродили по крепости и каждый раз открывали для себя немало прекрасного и удивительного. Колл никогда прежде не бывал в Каер Датил и не переставал любоваться и восхищаться сводчатыми арками и башнями, которые, казалось, парили над снежными вершинами гор за стенами крепости.

— Да, очень красиво,— повторял он.— И мастерски исполнено. Но башни возвращают мои мысли к яблонам, которые надо бы лучше подрезать и придать им ту же стройность. А отлично сложенные и сложенные каменные стены этого двора напоминают мне о моем оставленном саде, который, боюсь, без меня будет плодоносить не больше, чем эти камни.

Однажды в дверях самого маленького и скромного домика показался человек, кивком поманивший их к себе. Он был высок, лицо в глубоких морщинах, седые прямые волосы падали на плечи. Грубый плащ воина свободно висел на его худых плечах, но ни меча, ни кинжала на скромном кожаном поясе видно не было. Вдруг Ффлевддур опередил всех, бросился к незнакомцу и, невзирая на снег, упал перед ним на одно колено.

— Это я, пожалуй, должен склониться перед тобой, Ффлевддур Пламенный, сын Годо,— мягко улыбнулся старец,— и попросить у тебя прощения.— Он повернулся к остальным и каждому подал руку.— Я знаю вас лучше, чем вы знаете меня,— сказал он и добродушно засмеялся в ответ на их непритворное удивление.— Меня зовут Талисин.

— Главный Бард Прайдена! — воскликнул Ффлевддур, гордо и радостно улыбаясь.— Это он подарил мне арфу. Я у него в долгу.

— В этом я не уверен,— ответил Талисин, широким жестом приглашая всех в дом.

Они последовали за ним в просторную комнату, в которой было мало мебели, разве что несколько крепких стульев и скамеек да длинный стол необычного дерева, которое переливалось и мерцало в свете живого огня очага. Старинные книги, горы свертков пергамен-

тов заполняли стены и поднимались высоко в тень стропил потолка.

— Да, друг мой,— обратился Главный Бард к Ффлевддуру,— часто я думал об этом подарке. На самом деле это на моей совести.— Он посмотрел на Ффлевддура проницательным взглядом, в котором, однако, сквозила добрая улыбка.

Если сначала Тарену он показался древним старцем, то теперь он уже не мог понять, сколько же лет Талисину. Лицо Главного Барда хоть и было иссечено морщинами, но источало столько живости и юношеского задора, что казалось, будто старый бард ровесник ему, Тарену. Одежда барда была проста, и ничто не говорило в его внешности о том высоком положении, какое он занимал в Прайдене. И Тарен понял, что не было и надобности в каких-либо украшениях или знаках отличия. Как и у Адаона, сына Талисина и давнего друга Тарена, у старца были серые, глубоко посаженные глаза, которые, казалось, видели больше, чем мог разглядеть обычный человек. В лице и голосе Главного Барда было гораздо больше твердости, чем у любого военачальника, и не меньше значительности, чем у короля.

— Я знал свойства арфы, когда давал ее тебе,— продолжал Главный Бард.— И, зная твой характер, полагал, что у тебя будут большие неприятности со струнами.

— Неприятности? — вскричал Ффлевддур.— Ну что ты! Нисколько!..— И тут же две струны лопнули с таким звуком, что Гурджи вздрогнул и отскочил подальше от арфы. Лицо Ффлевддура залилось краской до кончика носа.— Дело в том, что эта штука,— он с опаской еще раз глянул на арфу,— заставляет меня говорить правду... э-э-э... скажем, немного больше правды, чем я обычно выкладывал. Но мне никогда и в голову не приходило, что правда вредна. Так что все в порядке.

Талисин улыбался.

— Значит, этот маленький урок пошел тебе на пользу. Тем не менее мой подарок был шуткой, хотя и в ней была доля, как ты говоришь, правды. Но ты сохранил эту арфу, носил ее с собой, несмотря на ее насмешливый характер. Теперь я предлагаю тебе любую, какую ты выберешь, взамен этой.

Талисин указал на полку, где выстроилось множество арф: одни очень старые, другие сверкающие лаком и новыми серебряными струнами. С радостным воплем Ффлевддур бросился к полке. Он любовно дотрагивался до струн, восхищался работой, хватая в руки то одну арфу, то другую и снова возвращаясь к предыдущей.

Некоторое время он колебался, скорбно глядя на потускневшие и не раз уже подвязанные и перевязанные струны своего инструмента, на царапины и сколы, на выщербленную раму.

— А... да ладно. Ты порадовал меня этими совершенными изделиями великих мастеров, этими новехонькими и древними арфами,— он смущенно погладил свою потрепанную арфу,— но эта старушка вполне мне подходит. Иногда, клянусь Великим Белином, мне кажется, что она играет сама. У нее прекрасный звук... когда струны целы. Она отлично пригнана к моему плечу. Не то чтобы я принижал достоинства других арф, но когда я говорю все это, я имею в виду, что мы привыкли друг к другу с моей старушкой. Да, очень благодарен тебе за щедрое предложение. И все же не стану ее менять на новую.

— Пусть будет так,— ответил Талисин.— А вы, все остальные,— добавил Главный Бард, обращаясь к своим гостям,— вы обзрели многие красоты Каер Датил. Но не видели еще его настоящей гордости и бесценного сокровища. Это здесь,— сказал он, обводя комнату широким жестом.— Они хранятся здесь, в Зале Знаний. Здесь сокрыты творения ума и сердца лучших людей Прайдена. Хотя Аровн, король Смерти, украл у людей секреты их ремесла, он не смог присвоить песни и легенды, баллады и гимны наших бардов. Здесь они собраны и хранятся. И твоих песен, мой добрый друг,— обратился он к Ффлевддуру,— здесь немало.

Ффлевддур смущенно потупился, успев, однако, при этом бросить гордый взгляд на своих спутников.

— Память живет дольше тех, кто несет ее,— сказал Талисин.— Люди наполняются памятью и мудростью всех живших прежде. Под этой комнатой хранятся еще большие богатства.— Он улыбнулся.— Как и сама поэзия, большая часть сокровищ сокрыта в самой глубине. Там Зал Бардов. Увы, Ффлевддур Пламенный,— с сожа-

лением вымолвил он,— никто, кроме подлинных, настоящих певцов, не может проникнуть туда. Хотя когда-нибудь, возможно, и ты присоединишься к их сонму.

— О мудреная мудрость! — восторженно вскричал Гурджи.— В бедной, слабой голове скромного Гурджи от всего этого страшное верченье и крученье! У Гурджи нет мудрости! И никакая чавка и хрумтявка не прибавит ее!

Талисин положил руку на косматое плечо Гурджи.

— Неужели ты думаешь, что у тебя совсем нет мудрости? — ласково проговорил он.— Это не так. Мудрость бывает разная, как различные ткани, сотканые на одном и том же ткацком станке. У тебя есть мудрость доброго и преданного сердца. Она редко встречается и стоит порой больше самой большой мудрости. И совсем по-другому мудр Колл, сын Коллфревра,— продолжал Главный Бард.— Его мудрость сродни мудрости природы. Это дар пробуждения бесплодной земли и превращения ее в цветущий сад.

— Это мудрость моего сада, дарящего нам свои плоды,— запротестовал Колл, но лысая его голова сделалась розовой от удовольствия и смущения.— Я оставил его, и, опасаясь, долго теперь нам придется ждать его плодов.

— Я должна была набраться мудрости на острове Мона,— вставила Эйлонви.— Наверное, именно для этого Даллбен отослал меня туда. Но все, чему я научилась,— это рукоделие, стряпня и реверансы.

— Учение — это еще не мудрость,— перебил ее Талисин с добрым смехом.— В твоих жилах, принцесса, течет кровь волшебниц из рода Ллира. Твоя мудрость, может быть, самая таинственная из всех, потому что ты знаешь без знаний, познаешь такие глубины, которые нельзя измерить умом, проникаешь в суть, порой и не пытаясь осознать это. Так сердце бьется, поддерживая жизнь, но часто не постигая ее тайн.

— Увы, не могу я похвастать своей мудростью,— сказал Тарен.— Я был рядом с твоим сыном, когда он встретил свою смерть. Он дал мне брошь огромной силы, и, пока я носил ее, мне было открыто многое, я понимал больше, чем видел. То, что прежде было скрыто от меня, стало ясным. Брошь больше не принадлежит мне, если вообще она когда-нибудь принадлежала мне по-настоящему. Все, что я узнал и понял тогда, сегодня

возникает передо мной как сон, как неуловимая мечта, за которой я гонюсь.

Тень печали набежала на лицо Талисина.

— Есть такие люди,— мягко сказал он,— которые должны сначала узнать потери, отчаяние и скорбь. Из всех дорог к мудрости эта самая жестокая и длинная. Твоя ли это дорога? Тот ли ты, кто должен идти по ней и сможет осилить ее? Этого даже я не знаю. Те, кто доходит до конца, не только обретают мудрость, но и могут наделять ею других. Как грубая шерсть становится полотном, как сырая глина вновь рождается сосудом, так и подобные люди изменяют и придают форму мудрости, отдавая ее. И чем больше они отдают, тем сильнее бьет источник их мудрости.

Тарен подался вперед, впитывая слова Талисина и уже собираясь что-то сказать, как от Средней Башни донесся звук сигнального рога и послышались возгласы стражников в Орудийной Башне. Караульные кричали о том, что видят боевое войско короля Прайдери. Талисин повел спутников наверх по широкому пролету лестницы к высоким окнам Зала Знаний, откуда они могли наблюдать за тем, что происходит за стенами крепости. Уходящее солнце светило прямо в глаза, и Тарен сначала увидел лишь колышущийся в лучах солнца густой лес копий, медленно плывущих по долине. Приглядевшись, он увидел несколько темных фигур, которые отделились от плотной массы всадников и понеслись галопом через покрытое снегом пространство к стенам крепости. Едущий впереди всадник сверкал богатой одеждой темно-красного, черного и золотого цветов, и солнечный свет мерцал на его золотом шлеме. Тарен больше не мог оставаться праздным наблюдателем, потому что стража выкрикала его имя и имена остальных спутников, призывая всех собраться в Тронном зале.

Подхватив знамя Белой Свины, Гурджи поспешил за Тареном. Они все вместе быстро добрались до Тронного зала. Здесь стоял уже длинный стол, во главе которого сидели Матх и Гвидион. Талисин сел по левую руку от Гвидиона. Справа от Матха высился пустой трон, задрапированный полотнищами цветов Королевского Дома короля Прайдери. По обеим сторонам стола сидели лорды Дома Доны, князья, князьки и военачальники.

По стенам зала замерли ряды знаменосцев. Гурджи заробел и стоял в дверях, оглядываясь по сторонам. Гвидион жестом поставил его в шеренгу знаменосцев. Но среди строгих, стройных воинов бедняга чувствовал себя жалким и некрасивым. Тарен кинул на него ободряющий взгляд. Колл так широко и доверительно ухмыльнулся и подмигнул ему, что Гурджи поднял свою лохматую голову, распрямился, и его самодельное знамя гордо возвысилось над остальными стягами и знаменами в Тронном зале.

Тарен, уже уверенный в себе настолько, чтобы не чувствовать неловкости и смущения, спокойно занял указанное ему Гвидионом место среди военачальников. Эйлонви, все еще одетая в костюм воина, не преминула хмыкнуть.

— Видишь,— шепнула она Тарену,— Хен Вен на знамени выглядит прекрасно. А ты был недоволен, что у нее голубые глаза, а не карие. Голубые глаза у свиньи, скажу тебе, вовсе не так странны, как цвета, которыми вышиты некоторые из этих знамен...

Эйлонви не договорила, потому что двери резко распахнулись и король Прайдери стремительно вошел в зал. Все взгляды обратились к нему. Король широко шагал к столу Совета. Он был так же высок, как и Гвидион. Богатая одежда мерцала в свете факелов. Шлема на нем сейчас не было, и Тарен залюбовался пышными длинными волосами, золотом окаймляющими высокий лоб. Обнаженный меч блистал на боку гордого короля.

— По древней традиции рода Прайдери,— шепнул Ффлевддур,— не полагается вкладывать меч в ножны, пока битва не выиграна.

Позади короля шли сокольничие, держа на кожаных рукавицах соколов с головами, укрытыми кожаными капюшончиками. На их плащах, как и на плащах военачальников Прайдери, был вышит темно-красный сокол — эмблема Дома Пвилла. Знаменосец шел следом, окруженный воинами-копьеносцами.

Гвидион, облаченный, как и Главный Бард, в простой плащ воина, встал, чтобы поприветствовать Прайдери, но тот остановился, не дойдя до стола Совета, сложил руки на груди и оглядел по очереди всех ожидающих его королей и владетельных князей.

— Рад встрече, лорды,— громко сказал Прайдери.— Мне приятно видеть вас, собранных здесь. Угроза из Аннувина заставила вас забыть взаимные обиды и ссоры. Теперь вы, как птенцы, увидевшие кружащего над гнездом сокола, жметесь к сильному, ищите защиту в Доме Доны.

В голосе Прайдери неожиданно для всех зазвучали ноты неприкрытого высокомерия. Тарен с удивлением глядел на короля, слушал его резкий, жесткий голос. Сам Верховный король Матх откинул назад голову и, сидя глубоко в кресле, все же словно бы чуть сверху смотрел на высокорослого знатного воина. Наконец Матх заговорил, и короткая речь его была величественна.

— Что я слышу, лорд Прайдери? Разве достойно называть жалкими птенцами храбрых воинов? Это я собрал всех. По моему зову они слетелись, как сильные орлы. Это те, кто будет стоять с нами ради того, чтобы сохранить Прайден, отвести от него опасность.

Прайдери недоверчиво усмехнулся. Красивые черты лица его внезапно исказились, холодным гневом загорелись глаза. Кровь прилила к высоким скулам Прайдери. Он откинул назад свои золотые волосы и, не уклоняясь, встретил строгий взор Верховного короля.

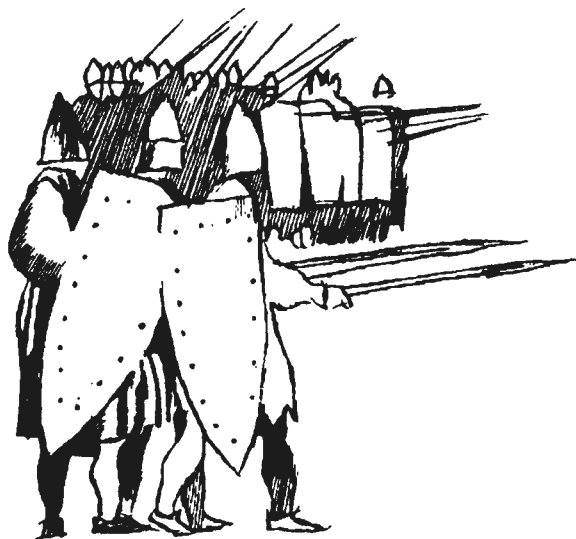
— Ради спасения Прайдена? — усмехнулся он. — Ради собственной безопасности! Неужели кто-нибудь замешкается, если увидит, что ему угрожает опасность? Подчинились твоему зову? Люди подчиняются только железному кулаку или приставленному к их горлу мечу. Те, кто пришел сюда, как ты полагаешь, из верности, на самом деле верны только своим целям. Эти правители, княжеств никогда не живут в мире один с другим, но каждый страстно желает получить выгоду от слабости соседа. Разве в глубине своего сердца любой из них менее зол и жесток, чем Аровн, король Аннувина?

Гневный ропот поднялся среди потрясенных королей и владетельных князей. Матх заставил их замолчать мановением руки.

Встал Гвидион.

— Никакая человеческая мудрость не в силах проникнуть в тайные помыслы другого человека, — сказал он, — потому что в человеке добро и зло смешаны. Но над этим вопросом хорошо поразмышлять у вечернего огня, как это часто и делали мы после знатного дружеского пира, когда кругом тишина и факелы горят уже не так ярко. Теперь наше дело охранять Прайден. Входи, Прайдери, сын Пвилла. Твое место ждет тебя, и нам предстоит еще многое обсудить.

— Ты позвал меня, принц Дома Доны, — жестко ответил Прайдери. — И я здесь. Чтобы присоединиться к тебе? Нет! Я пришел потребовать, чтобы ты сложил оружие.

Глава одиннадцатая

КРЕПОСТЬ

Мгновение никто не мог вымолвить и слова. Мертвая тишина обрушилась на зал. Лишь слабо позванивали серебряные колокольчики на лапах соколов Прайде-ри. Тарен, движимый враз нахлынувшей яростью, вскочил и выхватил меч. Лорды княжеств кричали наперебой и тоже выхватывали свое оружие. Надо всем этим гамом возвысился голос Гвидиона, приказывавший всем замолчать.

Прайде-ри невозмутимо оглядывал зал и не двигался. Его вассалы обнажили мечи и образовали вокруг него ошестинившийся круг. Верховный король медленно поднялся во весь рост.

— Ты играешь с нами, сын Пвилла,— сурово сказал Матх,— но вероломство — плохая шутка.

Прайде-ри продолжал стоять неподвижно, сложив руки на груди. Лишь золотистое от загара лицо его заиграло вдруг серо-голубыми красками, словно лист каленого железа.

— Не называй это шуткой,— ответил он.— И не клейми меня вероломным предателем. Все, что здесь было сказано, я обдумал давно, внимательно и с жестокой болью сердца. И понял, что только таким образом я могу послужить Прайдену.

Лицо Гвидиона было бледным, а глаза помрачнели.

— Наваждение нашло на тебя, король Прайдери,— заговорил он.— Неужели обманные обещания Аровна ослепили тебя? Ужель ты станешь утверждать, что вассал повелителя Земли Смерти служит на пользу какому-либо королевству, кроме Аннувина?

— Мне Аровн не может пообещать ничего такого, чего у меня уже не было бы,— ответил Прайдери.— Но Аровн совершит то, что не смогли сделать Сыновья Доны. Он положит предел бесконечным войнам между княжествами и принесет мир туда, где его не было раньше.

— Мир смерти и молчание немого рабства! — воскликнул Гвидион.

Прайдери высоко поднял голову. Жестокая улыбка играла на его губах.

— Неужели эти люди,— он окинул надменным взглядом зал,— заслуживают лучшего, лорд Гвидион? Разве все их жизни стоят нашей? Грубияны и задиры, невежды и глупцы, эти лорды княжеств непригодны даже для управления своими домашними.

Он не обращал ни малейшего внимания на гневный ропот за столом.

— Я выбрал то, что будет лучшим для Прайдена,— твердо сказал он.— Нет, я не Аровну служу. Неужто топор — хозяин дровосека? В конце концов Аровн будет служить мне!

Тарен с ужасом слушал слова Прайдери, дерзко обращенные к Верховному королю.

— Сложите ваше оружие. Оставьте бессильных трусов, прячущихся за ваши спины. Сдайтесь мне сейчас. И Каер Датил будет пощажен, и вы тоже. А те, кого я посчитаю достойными, станут править вместе со мной.

Матх выпрямился и поднял голову.

— Разве есть на свете что-нибудь страшнее зла? — сказал он тихим голосом, не отрывая взгляда от сузившихся глаз Прайдери. — Зла, которое скрывается под маской добра?

Один из лордов княжества выскочил из-за стола и с поднятым мечом двинулся на Прайдери.

— Не трогай его! — вскричал Матх. — Мы пригласили его как друга. Он покидает нас как враг, но он должен уйти невредимым. Если упадет хоть перо из крыла его сокола, мы лишимся чести.

— Уйди отсюда, Прайдери, сын Пвилла, — сказал Гвидион. Холодный и ровный тон его голоса лишь подчеркивал и делал гнев его еще более ужасным. — Боль моего сердца равна моему презрению. Наша дружба сломана, как клинок. Ее не склеить. Отныне пропасть боя разделяет нас, а соединит лишь острие клинка.

Прайдери ничего не ответил, а повернулся на пятках и вместе со своими вассалами покинул Тронный зал. Новость быстро облетела всех воинов, и они, выстроившись рядами вдоль двора, молча наблюдали, как Прайдери вскочил на лошадь и поскакал к воротам.

За стенами крепости расположившаяся лагерь армия Прайдери зажгла костры и факелы. Долина запылала тысячами огней, тянувшихся настолько, насколько мог видеть глаз. Прайдери выехал за ворота. Темно-красное его одеяние поблескивало, мерцая в скачущих бликах факелов. Он галопом понесся к ожидавшему его войску. Тарен и люди Коммотов с тоской и отчаянием наблюдали за удаляющимся всадником. Они, как и все в Каер Датил, знали, что этот сверкающий король, как сокол смерти, навис над их жизнями.

Гвидион ожидал, что армия короля Прайдери будет атаковать на рассвете, и люди в крепости трудились всю ночь, готовясь противостоять осаде. Когда же наступил рассвет и бледное солнце поднялось над обрезом холмов, стало видно, что боевое войско Прайдери продвинулось совсем немного. Тарен, Ффледдур и Колл стояли на стене рядом с Гвидионом, рассматривая долину, дальние холмы, которые постепенно понижались и стелились уплывавшей в туман равниной. Снег не выпадал несколько дней. В лощинах и

каменных расселинах светлели белые клочки и полосы, похожие на лоскуты шерсти, но широкий луг все еще темнел по-осеннему. Густо-коричневые пятна омертвевшей травы лишь кое-где были укрыты пушистой мантей инея.

Разведчики донесли, что воины Прайдерии широко растеклись по долине и между их отрядами остались только узкие проходы. Однако основные боевые колонны стягивались к центру крепости. Из этого можно было понять, что атаку следует ожидать с фронта и вся армия будет сжата подобно железному кулаку, бьющему по главным воротам Каер Датил.

Гвидион сосредоточенно кивал и размышлял:

— Прайдерии собирается ударить всей своей мощью, хотя это будет дорого ему стоить. Но войско его огромно, и он может себе позволить терять воинов бессчетно, зная, что мы не сумеем заплатить ту же цену.

Он нахмурился и потер подбородок ладонью, затянутой в тугую кожаную перчатку. Зеленые глаза его сузились, и острый взгляд устремился в долину. Худое морщинистое лицо Гвидиона вытянулось, он вжал голову в плечи и всем своим обликом напоминал сейчас волка, учуявшего запах своих врагов.

— Лорд Прайдерии очень самонадеян, — бросил он, потом резко обернулся к стоящим рядом военачальникам. — Я не стану ждать осады. Сделать это — значит наверняка проиграть. У Прайдерии довольно людей, чтобы накатиться, захлестнуть нас, словно морской волной, и утопить. Мы дадим бой за стенами крепости и сами ударим по этой волне прежде, чем она нависнет над нами шипящим гребнем. Матх, сын Матонви, будет командовать обороной здесь, внутри крепости. Только в самом крайнем случае, если уже не останется сил, мы отступим в крепость и будем продолжать биться под защитой ее стен.

Гвидион долго глядел на крыши и башни замка, которых уже коснулись ранние лучи солнца.

— Сыновья Доны строили Каер Датил своими собственными руками. Он должен был служить не только щитом от Аровна, но и кладезем мудрости и красоты Прайдена. Я все сделаю, что в моих силах, чтобы раз

бить Прайдеру, но и постараюсь уберечь Каер Датил от разрушения. Может быть, мы и достигнем всего желаемого, но может случиться и так, что мы проиграем. Но биться следует не с медлительностью быков, а с быстротой и ловкостью волка и коварством лисицы.

Принц Дома Доны принялся быстро и четко разъяснять каждому военачальнику его место и задачу. Тарен был охвачен беспокойством. Как мальчик, он всегда страстно мечтал занять место среди мужчин и, как

мальчик, серьезно полагал, что способен и готов на это. Теперь же, среди седеющих, умудренных опытом битв воинов, сила его казалась ему слишком малой, опыт — ничтожным, а знания и умение — жалкими. Колл, словно поняв, о чем думает Тарен, ободряюще подмигнул ему. Крепкий старый воин внимательно слушал слова и наставления Гвидиона. Он, казалось, весь был поглощен мыслями о предстоящей битве. Но Тарен догадывался, что в самом дальнем уголке сердца старый крестьянин таит светлую мысль о своих грядках с капустой и репой.

Большую часть утра войско Прайдери оставалось на прежних позициях. Защитники крепости тем временем быстро и скрытно разворачивались и готовились к атаке. Тайно выведенный за стены Каер Датил хорошо вооруженный отряд затаился и готов был нанести главный удар. Сам Гвидион намеревался командовать этим отрядом. Ффлевддур на Ллиан и Талисин с небольшим отрядом воинов-бардов держали под наблюдением выход из долины. Всадники Коммотов должны были напасть на движущуюся волну воинов Прайдери с тыла и с боков, рвать и терзать врага, истощая его силы и отвлекая внимание на себя.

Тарен и Колл во главе одного крыла войска Коммотов и Ллассар, которому было доверено командовать другим крылом отряда, галопом помчались на свои позиции. Гурджи, непривычно молчаливый и дрожащий даже в своей громадной теплой куртке, вколотил древко знамени Белой Свины в мерзлую землю, отмечая этим место сбора всего отряда Коммотов. Тарен понимал, что неусыпный глаз врага замечает каждое их движение, и странное нетерпение, смешанное с затаенным страхом, охватило его, натянуло все его существо, как тетиву лука.

Гвидион верхом на Мелингаре подъехал к нему, чтобы отдать последние приказания воинам Коммотов.

— Почему Прайдери ждет? Он насмехается над нами? — выкрикнул Тарен, возбужденный ожиданием. — Мы для него, наверное, не более чем муравьи, которых он намеревается раздавить копытом своего боевого коня?

— Терпение, — ответил Гвидион, и в тоне его слышалось одновременно и дружеское утешение, и приказ военачальника. — Вы — мечи, вложенные в мои руки. Не

давайте разбить вас. Двигайтесь быстро, не увязайте в одной драке, но затевайте сразу много и в разных местах.— Он пожал руки Тарену, Коллу и Гурджи.— Прощайте,— сказал Гвидион почти грубо, повернул Мелингара и быстро отъехал.

Тарен следил за ним, пока он не скрылся, затем обратил взор на дальние башни Каер Датил. Эйлонви вместе с Глю было приказано оставаться в крепости под командой и защитой Верховного короля. Тарен напрягал зрение в тщетной надежде мельком заметить ее на стенах. Что она чувствовала, как относилась к нему? Здесь, в Каер Датил, это оставалось для него так же неясно, как и в Каер Даллбен. Но, несмотря на свое давнее решение не навязываться принцессе, он уже был готов открыть ей свое сердце. Однако в эти последние часы он внезапно, как пловец, подхваченный стремительным потоком, был увлечен круговоротом военных приготовлений, и у него не оставалось даже мгновения, чтобы сказать ей слова прощания. Тоска пронзила его сердце, а сожаление о несказанных словах словно бы железной рукой сдавило горло.

Он подхватил поводья Мелинласа, который уже фыркал, ронял с губ белые клочья пены, рыл копытом землю, и тронул с места. И тут он увидел, что войско Прайдери поднялось и волной заливаает долину. Перед ним там, в низине, разворачивалась битва.

Она надвигалась быстро, не лениво набегающей волной, как ожидал Тарен, а штормовым накатом. Сначала, словно шум прибоя, долетали сливающиеся в единый гул крики людей. Сыновья Доны, хоть и не ожидали такой быстрой атаки Прайдери, но не были захвачены врасплох и понеслись вперед, чтобы схватиться с наступающим врагом. Тарен увидел Гвидиона на вздыбившемся грозной белой статуей Мелингаре. Дальше Тарен уже не мог ни в чем разобраться, потому что два потока слились в звоне мечей и закружили, завертелись, волнами перемещаясь по долине. Был виден лишь водоворот копий и мечей, струи летящих стрел и острошки выпуклых, словно лбы валунов, щитов.

Тарен поднял свой боевой рог и подал призывный сигнал. Тотчас же до него донесся ответный крик Лласара. Тарен ударил пятками по бокам Мелинласа. Колл и всадники Коммотов пришпорили своих коней вслед

за ним. С быстрого легкого бега мощные ноги Мелин-ласа перешли на бурный галоп. И Тарен, чувствуя, как мускулы коня вздымаются под ним, с поднятым мечом нырнул в человеческое море. Закружилась голова, и перехватило дыхание, как у тонущего. Это волны страха, понял Тарен, накатываются на него.

Рядом, впереди, позади кружились лица друзей и врагов. Он краем глаза видел, как Ллонио молотит направо и налево. Нелепый шлем его съехал на глаза, длинные ноги в стремях распрямились, подняв долговязое тело над седлом. Чудак был похож на ожившее пугало, но там, где проносился Ллонио, враги падали, как колосья, подкошенные острым серпом. Громоздкая фигура Хевидда горой возвышалась в самом центре битвы. Лласара не было видно, но Тарену казалось, что он слышал звонкий боевой клич юного пастуха. Затем уши его резанул яростный рев, и он узнал Ллиан. Она с Ффлевддуром на спине ворвалась в гущу битвы. В следующий момент ничего больше не ощущающий, кроме клинка в руке, Тарен закружился в слепом и бешеном водовороте нападавших на него воинов, отражая и с яростью возвращая удары.

Вновь и вновь Тарен и всадники Коммотов глубоко врезались в ряды нападавших, потом вырывались из железных тисков битвы и свободно мчались галопом для того только, чтобы вновь нырнуть в ее круговерт. Ослепляющей вспышкой сверкнули в глазах Тарена темно-красные и золотые одежды. Это был король Прайдери на черном боевом коне. Тарен попытался пробиться к нему и вступить с ним в бой. На мгновение глаза их встретились, но сын Пвилла не сделал никакой попытки ответить на вызов противника, облаченного в одежды простого воина. Вместо этого король отвернулся и продолжал продираться вперед. Затем он исчез за лесом копий и вздетых над головами мечей. Но мимолетный презрительный взгляд Прайдери ужалил Тарена больше, чем клинок, вдруг взмывший над его головой и косо полоснувший по лицу.

Вооруженный поток нахлынул на Тарена и оттеснил его к краю битвы. Он попытался отыскать Гурджи со знаменем и собрать вокруг него своих воинов, разметанных сражением. В ближних рядах сражающихся об-

разовалась узкая брешь, и в нее протиснулась ладная небольшая лошадка. Ллуагор! Вооруженный пикой щуплый воин почти соскользнул с седла, но крепко вцепился в натянутые поводья.

— Убирайся! — закричал Тарен. — Ты что, совсем разума лишилась?

Эйлонви, а это была она, приостановилась. Она подобрала свои рассыпавшиеся по плечам волосы под кожаный шлем. Принцесса из рода Ллира радостно улыбалась ему.

— Не понимаю, что тебе не нравится? — прокричала она. — Но даже если так, то это не повод для грубости.

Она пустила лошадь в галоп и исчезла в круговерти битвы.

Оторопевший Тарен так и не понял: действительно ли только что видел ее?

А спустя еще мгновение он уже дрался с целым отрядом пеших воинов, которые наносили удары Мелинласу, кидались на коня и пытались стащить всадника с седла. Тарен смутно сознавал, что чья-то рука ухватилась за узду его лошади и тянет в сторону. Неожиданно воины Прайдери стали падать один за другим. Натиск ослаб. Он повернулся в седле и, затуманенный кровавой битвой, поднял меч против врага, вцепившегося в узду.

Это был Колл. Крепкий старый воин потерял свой шлем. Его лысый череп был так исцарапан, будто он бросался головой в шиповник.

— Побереги свой меч для врагов, а не для друзей! — весело выкрикнул Колл.

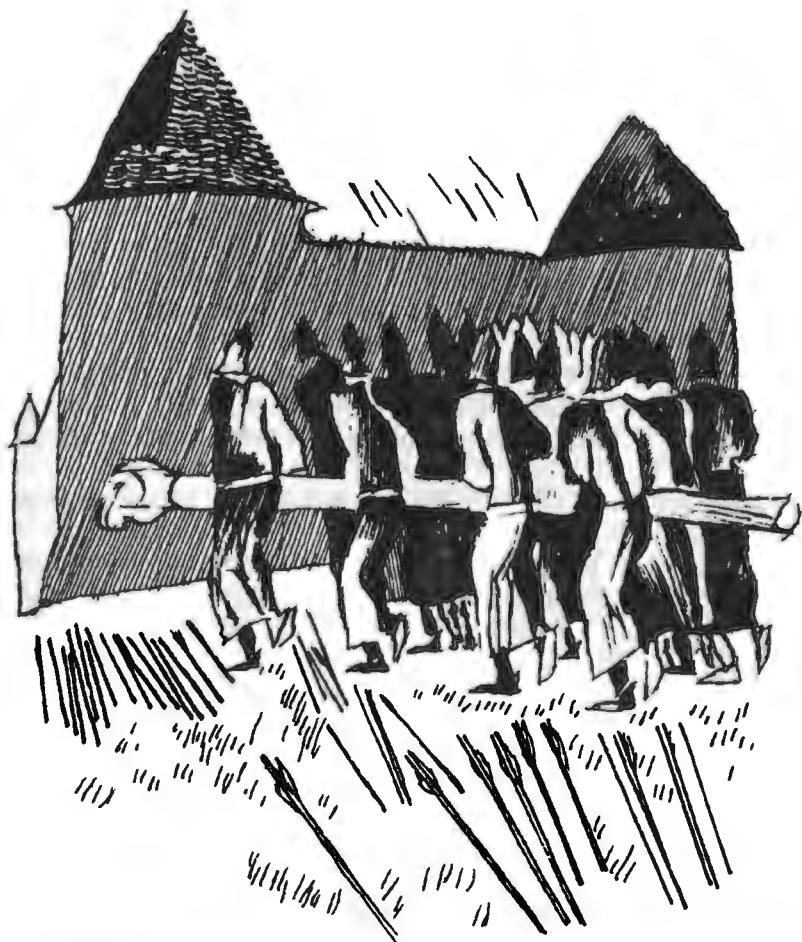
Пораженный Тарен на мгновение замер, а потом, запынаясь, хрипло проговорил:

— Ты спас мне жизнь, сын Коллфревра.

— Да? Может, и так, — ответил Колл, будто эта мысль только что пришла ему в голову.

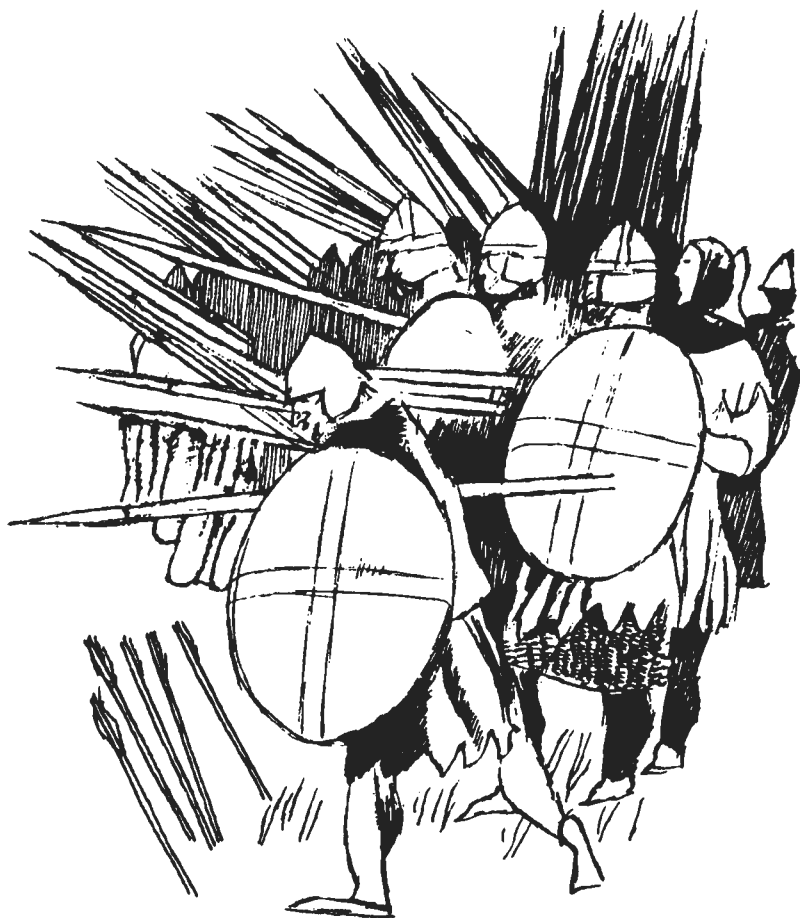
Они посмотрели друг на друга и вдруг стали хохотать как сумасшедшие.

Только после того, как солнце почти упало за холмы, и само небо, казалось, истекало кровью, Тарен ощутил перелом в битве. Воины Гвидиона, густой волной несущиеся на яростно сопротивляющиеся отряды Прайдери, потеснили их. Армия Прайдери дрогнула, будто от-

шатнулась от надвигавшейся на нее волны смерти. Волна достигла своего гребня и застыла, перед тем как с грохотом упасть на головы сражающихся. Свежий ветер пронесся над долиной. Сердце Тарена взыграло восторгом и радостным возбуждением, когда он увидел, как с дружным криком покатались волны воинов Гвидиона. Они неслись вперед, сметая всё перед собой. Тарен затрубил в рог и во главе неудержимых всадников Коммотов понесся галопом, спеша соединиться со стремительным потоком наступающих.

Ряды врагов редели и дробились, в них зияли бреши, как в разрушенной стене. Тарен натянул поводья. Но

Мелинлас вдруг встал на дыбы и тревожно заржал. Дрожь ужаса пробежала по долине. Тарен окинул взглядом расстилающийся перед ним простор и вдруг, даже еще не разглядев, понял, что случилось.

— Дети Котла! Бессмертные воины!

Люди ПрайдерИ расступились, отхлынули назад, чтобы освободить проходы ужасным воинам. В мертвой тишине шли они неспешным размеренным шагом. Грохот их тяжелых башмаков затопил долину. В темно-красной дымке умирающего солнца их мертвенно-бледные лица приобретали голубой оттенок смерти. Глаза их казались холодными и тусклыми, как камни.

Мерной поступью колонна бессмертных воинов шла в сторону Каер Датил. На толстых веревках они несли тяжелое таранное бревно с железным наконечником.

Враги, шедшие следом за колонной Детей Котла, сплотились снова для нападения на отряд Сыновей Доны. Теперь Тарен понял, почему медлил Прайдери, и постиг причину его высокомерного презрения к армии Гвидиона. Только теперь план короля-предателя стал ясен. За дикой колонной Детей Котла всё струились и струились с дальних холмов мелкие отряды Прайдери, собиравшиеся воедино. Для Прайдери этот длинный день битвы был не более чем разминка. Резня начиналась только сейчас.

На стенах крепости теснились лучники и копьеносцы. Туча стрел понеслась на молчаливых воинов. Но этот шторм копий и стрел ни на мгновение не заставил дрогнуть Детей Котла. И хоть каждая выпущенная стрела попадала в цель, враг упорно продвигался вперед, останавливаясь лишь для того, чтобы вытащить стрелу из своего бескровного тела. На их лицах не было написано ни боли, ни гнева, и ни единого вздоха, выкрика или победного вопля не вырывалось из их немых глоток. Они пришли из Аннувина, как из могилы, их предназначением было нести смерть, они были безжалостны, неуязвимы и бесстрастны, как их безжизненные лица.

Под ударами стенобитного орудия ворота Каер Датил застонали и задрожали. Массивные петли ослабли, а эхо ударов дрожью отдалось по всем стенам крепости. Ворота Каер Датил пошатнулись и грохнулись внутрь. Зажатые между двумя рядами воинов Прайдери Сыновья Доны тщетно пытались прорваться и добратья до павшей крепости. Рыдая от ярости и отчаяния, не имея никакой возможности помочь осажденным, Тарен видел, как Дети Котла беспрепятственно прошагали в широкий проем взломанных ворот.

Перед ними вырос Матх — Верховный король. Он был облачен в одежды Королевского Дома, опоясан звеньями золотой цепи, на голове его сияла Золотая Корона Доны. Белый, тонкой шерсти плащ скорбно окутывал его высокую фигуру, словно могильный саван.

Его иссохшая рука с обнаженным мечом протянулась навстречу воинам смерти.

Молчаливые воины Аннувина остановились, как будто застигнутые врасплох слабым туманом неясных воспоминаний. Но лишь мгновение длилось их замешательство, и они двинулись вперед. Поле битвы теперь было безмолвно. Благоговейная тишина воцарилась в рядах воинов Прайдеи. Верховный король не шевельнулся и тогда, когда Дети Котла придвинулись к нему вплотную. Его горящие глаза смотрели прямо в запавшие каменные глазницы безжизненных лиц. Он медленно вознес свой меч. Не уклоняясь, не трепеща, он стоял с гордо и величаво поднятой головой. Первый из мертвенно-бледных воинов оказался совсем рядом. Держа обеими, старчески слабыми, руками сверкающий меч, Верховный король стремительно опустил его на голову бесстрастного врага. Клинок воина отвел удар, и

один из стоящих рядом Детей Котла нанес тяжелый прямой удар. Король Матх зашатался и упал на одно колено. Сбитая в одну железную массу группа безмолвных воинов двинулась дальше. Их беспощадное оружие рубило, губительно вонзалось в человеческие тела, крушило все живое. Тарен закрыл лицо руками и в слезах отвернулся, когда Матх, сын Матонви, упал, а подкованные железом башмаки Детей Котла продолжали свой неумолимый марш по его безжизненному телу. За дальними холмами послышался протяжный звук охотничьего рога, он эхом раздробился в утесах и ущельях, и громадная тень, казалось, закрыла небо над крепостью.

Следом за Детями Котла через взломанные ворота потекли воины Прайдери. Другая часть его армии теснила остатки отрядов Гвидиона в горы, рассеивая их среди заснеженных лощин и оврагов. Из Каер Датил послышалась дробь новых громовых ударов стенобитного орудия, рушащего остатки крепостных стен. Языки пламени поднялись над Тронным залом, над Залом Знаний, а над Средней Башней уже реял и бился на ветру темно-красный сокол Прайдери.

Рядом с ним, с этим знаменем, закрывая тонущее в кровавом закате солнце, расправлялось и ширилось черное знамя Аровна, короля Аннувина.

Каер Датил пал.

Глава двенадцатая

БАГРОВЫЕ ЗЕМЛИ

Всю ночь продолжались бесчинства завоевателей, и к утру Каер Датил лежал в руинах. Языки пламени плясали там, где совсем недавно высились величественные здания. Тяжелые мечи и топоры Детей Котла свалили лиственную рощу около Могил Чести. В алых сполохах рассвета разрушенные стены, казалось, истекали кровью.

Армия Прайдерии отказала убитым в праве на могилы, а живых защитников крепости загнала на холмы, лежащие к востоку от Каер Датил. И только здесь, в суматохе временного лагеря, друзья вновь встретились. Верный Гурджи все еще прижимал к груди знамя Белой Свины, хотя древко было сломано, а вышитая эмблема исполосована острыми мечами и разорвана в клочья стрелами и копьями. Ллиан, а рядом с ней Ффлевддур бессильно растянулись в жалком убежище из груды камней. Хвост гигантской кошки все еще нервно подергивался, а желтые глаза мерцали яростью угасшей битвы. Хевидд Кузнец молча разводил костер, а Тарен,

Эйлонви и Колл пытались согреться у невысокого огня. Ллассар, хотя и тяжело раненный, все же выжил в круговерти битвы. Однако немало воинов Коммотов остались лежать недвижными на кровавом поле боя. И среди этих безмолвных тел был Ллонио, сын Ллонвена.

Спасся и коротышка Глю. Один из защитников крепости наткнулся на него, потерянного и ошеломленного, почти погребенного под обломками стены, и привел в лагерь на холмах. Бывший великан был до слез обрадован встречей со своими спутниками, но был так напуган и сотряслся от крупной дрожи, что мог лишь пробормотать несколько неясных слов. Кутаясь в разорванный плащ, Глю съежился рядом с костром и обхватил голову руками.

Гвидион одиноко стоял на гребне холма. Взгляд его был прикован к столбу черного дыма, растекающегося в небе над развалинами Каер Датил. Наконец он отвернулся от этого ужасного зрелища и приказал всемцелевшим воинам собраться. Талисин подошел и стал рядом с ним. В руках у него была арфа Ффлевддура. Главный Бард запел похоронную песнь. Среди черных сосен возносился протяжный печальный голос его. Но в этой печали не было безысходности и отчаяния. Струны арфы рыдали, но в этих стенаниях уже рождалась и крепла мелодия жизни, борьбы и надежды.

Когда последняя нота растаяла в воздухе, Талисин поднял голову и тихо заговорил:

— Каждый рухнувший камень Каер Датил станет надгробным памятником, а вся долина будет вечной могилой и неистребимой памятью о Матхе, сыне Матонви, и обо всех павших наших воинах. Но для нас Верховный король все еще жив. Он с нами. Я чту его и буду с благодарностью и уважением взирать на каждого, кто встанет в ряды его войска.— Он повернулся к Гвидиону и низко поклонился.

Воины подняли мечи и единым хором выкликнули имя нового короля Прайдена, достойного преемника Матха.

Гвидион с достоинством принял эти знаки чести и преданности и отозвал в сторону своих давних и постоянных спутников.

— Мы встретились лишь для того, чтобы разойтись,— сказал он.— Победа Прайдери оставила нам надежду, но лишила выбора. Хотя гонцы отправятся сейчас же к королю Смойту и ко всем северным лордам с вестью о нашем поражении, мы не можем медлить и ждать их помощи. То, что нам следует сделать, нужно делать сейчас. Даже войско, вдесятеро превосходящее силы Прайдери, не сможет противостоять Детям Котла. Против них можно бросать армию за армией, но лишь для того, чтобы увеличивать число убитых.

Гвидион хмуро, но ободряюще улыбнулся.

— И все же пусть малая, но надежда есть,— сказал он.— Никогда еще Аровн не посылал так много своих бессмертных воинов за границы Аннувина. Он пошел на большой риск, желая добиться большой победы. И он победил. Но его триумф может стать и его концом. Аннувин без охраняющих его Детей Котла открыт для нападения. Аровн сам ослабил себя. И мы должны воспользоваться этим и атаковать зверя в его собственном логове.

— Значит, ты веришь, что Аннувин не охраняется? — быстро спросил Тарен.— Разве у Аровна нет никаких других защитников?

— Там наверняка есть обычные, смертные воины,— ответил Гвидион,— и, возможно, отряд Охотников. Но у нас достаточно сил, чтобы одолеть их. Если, конечно, Дети Котла не успеют прийти им на помощь.

Лицо Гвидиона, иссеченное шрамами, в засохших пятнах крови, сейчас было каменно неподвижным.

— Но они не должны дойти до Аннувина. Их сила уменьшается тем скорее, чем дольше и дальше они находятся от границ Аннувина, королевства Аровна. И мы любой ценой должны помешать им возвратиться, задерживать их, поворачивать назад на всех дорогах, которыми они пойдут.

Колл молча кивал.

— Это и в самом деле наша единственная надежда,— вставил он.— И сделать это надо быстро, потому что они постараются побыстрее вернуться к своему хозяину. Но сможем ли мы опередить их, если они уже идут

туда? Хватит ли у нас сил не только стать на их пути, но и атаковать одновременно Аннувин?

— Нет, если мы будем продвигаться единой армией,— сказал Гвидион.— Вместо этого мы должны разделиться на два отряда. Первому и меньшему дадим столько лошадей, сколько потребуется. Именно этому отряду будет поручено преследовать Детей Котла. Второй двинется в долину Кинваэль и пойдет по берегу реки на север. Долина ровная, и, если идти скорым шагом, до моря можно добраться не более чем за два дня.

В суровом молчании слушали они слова короля Гвидиона.

— Море станет нашим помощником,— продолжал он.— Прайдери сможет воспрепятствовать нашему продвижению по суше.— Гвидион повернулся к Тарену.— Матх, сын Матонви, говорил тебе о кораблях, которые привезли Сыновей Доны из Солнечной Страны. Эти боевые корабли не были ни покинуты, ни разрушены. Они все еще крепки, обладают хорошими мореходными качествами и готовы в любой момент выйти в море. Верные стражи охраняют их в тайной гавани в самом устье реки Кинваэль. На этих кораблях мы легко достигнем западного берега Прайдена и подплывем к самым бастиянам Аннувина.

Гвидион, увлеченный своими планами, оживился.

— Только два человека знали до сих пор о гавани,— добавил он.— Одним был Матх, сын Матонви. Другой человек — я сам. Сейчас настало время воспользоваться кораблями. Иного пути в Аннувин у нас нет. Я поведу этот отряд. Что же касается другого отряда,— он обратился к Тарену,— то не согласишься ли ты вести его?

Тарен ответил мгновенно, не раздумывая:

— Я готов служить, как ты прикажешь.

— Это не приказ,— мягко сказал Гвидион.— Я не могу посылать людей на такое дело против их воли. Все, кто пойдет за тобой, должны сами сделать свой выбор. В этот отряд каждый идет только по желанию.

— Тогда считай, что свое желание я тебе высказал: я готов! — твердо ответил Тарен.

Все остальные тут же выразили желание следовать за Тареном.

— Корабли Сыновей Доны быстрые,— сказал Гвидион,— так что я прошу вас хотя бы ненадолго задержать Детей Котла. Но, учтите, все зависит от этого «ненадолго».

— А если мне все же не удастся сделать и этого,— спросил Тарен,— как я могу известить тебя о нашей неудаче? Ведь в том случае, если Дети Котла опередят вас, твой план рухнет и надо будет скорее поворачивать корабли обратно.

Гвидион отрицательно покачал головой.

— Обратного пути нет и быть не может, потому что нет у нас другой надежды победить Аровна. Если кто-нибудь из нас потерпит неудачу, погибнем все.

Ллассар, кое-как оправившийся от ран, Хевидд и все люди Коммотов вызвались следовать за Тареном. К ним присоединились остатки войска Ффлевддура Пламенного. Это и стало основной силой отряда Тарена. К всеобщему удивлению, выразил желание ехать с ними и коротышка Глю.

Бывший великан оправился от страха настолько, что даже обрел свою привычную раздражительность. На лице его вновь появилась кислая мина, и то и дело слышалось недовольное ворчание. Вернулся к нему и невероятный его аппетит. Теперь он требовал даже больше еды, без конца заглядывая в сумку Гурджи.

— Надоело мне, что меня повсюду таскают на спине, как паршивого котенка, не спрашивая моего желания,— гнусавил Глю, облизывая жирные пальцы,— а теперь мне снова предлагают выбор: либо болтаться в море на старой посудине, либо трястись на лошади. Хорошо же, я выбираю последнее. В конце концов, будет не так мокро и качка не такая сильная. Но, уверяю вас, будь я по-прежнему великаном, не согласился бы ни на то, ни на другое.

Ффлевддур сердито глянул на бывшего великана и отвел Тарена в сторону.

— Кажется, мы обречены вечно таскать за собой этого хнычущего коротышку,— зашептал он.— И все же не могу отделаться от мысли, что у этого замухрышки есть тайная надежда урвать себе чего-нибудь или в крайнем случае набить карманы.— Бард вздохнул и покачал го-

ловой.— Но с другой стороны, даже незаметного малышку Глю везде сейчас подстерегает опасность. Некуда ему деваться, бедняге.

Гурджи нашел новую палку для знамени Белой Свиньи, прикрутил к ней потрепанное полотнище и долго скорбно глядел на располосованную эмблему.

— Несчастная поросюшка! — причитал он. — Стала она похожа на лохматки и заплатки!

— Обещаю вышить новую, — откликнулась Эйлонви. — Как только... — Она резко оборвала себя и уже больше ничего не говорила, пока снаряжала и седлала свою Ллуагор.

Тарен внимательно поглядел на нее, заметил тщательно скрываемое беспокойство в глазах принцессы и подумал, что не скоро еще этой высокородной принцессе удастся сменить меч на иглу и моток шелковых ниток. И невысказанный, затаенный в самой глубине души страх поднялся в нем при мысли о том, что, может быть, никто из них никогда уже не увидит Каер Даллбен. Все они спешат сейчас навстречу верной гибели.

Вооруженные мечами и копьями воины уже оседлали коней и были готовы к походу. Бросив на прощание несколько дружеских слов, Тарен распрощался с Гвидионом, и отряд его двинулся на запад от гряды холмов, приютивших их.

Колл, самый опытный в отряде, предположил, что Дети Котла пойдут в Аннувин, выбрав наиболее прямой и короткий путь. Это и определило направление движения отряда Тарена.

Во главе колонны, которая медленно змеилась по склонам покрытых снегом высоких холмов, рядом с Тареном ехал пастух Ллассар. Умение юного пастуха ориентироваться и находить тропинки в горах очень облегчило путь, и отряд быстро спускался к низине, скрытой высокими хребтами от армии Прайдери. Воины противника тоже потянулись прочь от Каер Датил и растекались по бескрайней долине.

Несколько дней уже шел отряд вперед и вперед, и Тарен даже стал опасаться, что спешащие в Аннувин

Дети Котла обогнали их. Однако ничего другого, как без устали двигаться вперед, он не мог предложить своим воинам. Они лишь уклонились к югу, огибая протяженные пространства густых лесов.

Первым заметил бессмертных воинов Гурджи. Он посерел от испуга и буквально онемел, лишь молча указывая рукой на простершуюся перед ними долину, усыпанную россыпями громадных камней. Глю мелко заморгал и чуть не подавился едой, которую на ходу запикивал в рот. Эйлонви, сузив глаза, всматривалась в даль. А бард лишь протяжно негромко присвистнул.

Сердце Тарена упало при виде длинной колонны, змеившейся по равнине. Он вопросительно глянул на Колла.

— Сумеем ли мы их задержать?

— Малюсенький камешек может повернуть в сторону снежную лавину,— спокойно сказал Колл.— Слабая веточка иногда ложится в основание запруды и останавливает реку.

— Это верно,— заметил Ффлевддур.— Но что случается с этим камешком и той веточкой? Предпочитаю об этом не думать.

Тарен собирался уже просигналить воинам, чтобы они приготовились к нападению, но Колл остановил его, взяв за руку.

— Еще рано, мой мальчик,— тихо сказал он.— Сначала я бы выяснил, какой дорогой эти чудовища собираются пройти в Аннувин. Камешек сделает свою работу, если положить его в верном месте.

Остаток дня и утром следующего отряд Тарена шел в стороне от Детей Котла, иногда чуть впереди, иногда сбоку или следом, но ни на миг не теряя их из виду. Тарену показалось, что бессмертные воины замедлили шаг. Темное змеиное тело колонны продолжало двигаться вперед, но как-то тяжело и неуклюже, будто навьюченное непомерным грузом. Тарен обратил на это внимание Колла, и тот с удовлетворением кивнул.

— Их сила постепенно уходит,— сказал Колл.— Время работает на нас, но думаю, что вскоре и нам самим придется немало поработать.

Они достигли неровной и неясной границы пустыни, где живой травяной покров земли постепенно, а кое-где и резко переходил в бесплодные и голые, уходящие за горизонт поля. Везде, сколько мог видеть глаз, иссохшая земля была перерезана, словно глубокими шрамами, оврагами, канавами, бороздами. Ни одного деревца, ни кустика не росло на этой унылой красноватой земле. Даже подобия живого растения не увидел Тарен. Он глядел на эту багровеющую под скользящими лучами солнца землю со все нарастающим беспокойством. Его охватывал озноб, и не столько от налетевшего резкого ветра, сколько от немой тишины, которая, словно тяжкая пелена тумана, лежала над безжизненным простором.

— Что это за место? — спросил он почти шепотом.

Колл скривился.

— Теперь это называется Багровыми Землями, — сказал он и грустно добавил: — Боюсь, что так выглядит теперь и мой заброшенный огород.

— Я что-то слышал об этих мертвых землях, — задумчиво проговорил Тарен, — но думал, что это не больше чем выдуманные истории, рассказанные путешественниками для забавы слушателей.

— Теперь ты видишь, что это не досужие выдумки, не сказочки говорунов. Люди давно избегают этих мест, которые когда-то слыли одним из прекраснейших уголков Прайдена. Земля была такая, что все вырастало как бы само собой. Зерно, овощи, фрукты — всё-всё. Яблоки из здешних садов по величине и тонкому вкусу были так необыкновенны, что яблочки из моего сада показались бы перед ними жалкими сморщенными дичками. Это благословенное королевство было соблазном для многих лордов, и они в кровавых битвах старались завладеть им. Год за годом битва за битвой истощали поля и сады, копыта лошадей вытаптывали траву и посевы, кровь воинов пропитывала землю. И со временем земля просто умерла, как и те, что пытались завоевать ее. Постепенно гибельное место разрослось и уже намного превосходило поле битвы. — Колл тяжело вздохнул. — Я знаю этот край, мой мальчик, и мне неприятно видеть его вновь. В давней моей молодости я тоже топтал эти зем-

ли в боевых рядах и немало собственной крови пролил здесь, на ставших бесплодными Багровых Землях.

— И на них уже никогда ничего не будет расти? — спросил Тарен, с унынием озирая бесконечное пустынное пространство.— Земля Прайдена богата и может щедро родить. Она может дарить изобилие. Тяжко и стыдно смотреть на землю, которую мы сумели вспоить лишь

кровью. Но будет еще большим позором для нас, если мы не сумеем возродить ее к жизни. Разве это поле не станет давать урожай вновь, если его хорошо обработать?

— Кто это может сказать? — ответил Колл. — Возможно. Но за долгие годы ни один человек не пытался поднять эту землю. Ни разу никто не взрыхлил ее даже пятерней. Впрочем, сейчас не это важно для нас. — Он указал рукой в сторону гор, отвесной стеной поднимавшихся над мертвым полем у самого горизонта. — Багровые Земли тянутся вдоль холмов Бран-Галедд на юго-запад, почти до самых границ Аннувина. Это самый длинный, но и самый простой путь в королевство Аровна. Если я правильно понял, Дети Котла пойдут прямо по этой дороге в земли своего хозяина.

— Мы не должны дать им пройти, — посуровел Тарен. — Здесь надо дать наш первый бой и остановить Детей Котла во что бы то ни стало. — Он посмотрел в сторону гор. — Необходимо заставить их отступить и загнать в горы. Попробуем завлечь в засаду, расставив маленькие группы среди камней и в оврагах. Это все, что мы можем сделать.

— Разумно, — поддержал его Колл. — Но прежде чем ты приступишь к делу, знай, что в Аннувин есть еще и другая дорога — через холмы Бран-Галедд, более трудная, но и более короткая. Склоны холмов становятся постепенно круче и вскоре вообще превращаются в отвесные скалы. Здесь стоит Драконья гора, самый высокий пик гряды, охраняющей подход к Железным Воротам Земли Смерти. Это суровая дорога, опасная для нас, но преодолимая для Детей Котла. Мы можем найти смерть на этом пути. Они — бессмертны.

Тарен нахмурился. Потом коротко и горько рассмеялся.

— Вижу, у нас нет надежды на удачу, дружище, — сказал он. — Дорога через Багровые Земли проще, но длиннее. Горный путь короче, но тяжелее. — Он покачал головой. — У меня не хватает ни мудрости, ни опыта, чтобы выбрать один из этих путей. Нет ли у тебя в запасе совета?

— Выбор должен быть твоим, военачальник, — ответил Колл. — И все же как старый огородник и выхаживатель репы и капусты должен тебе сказать, что ничего

не растет само. Горы могут быть другом, но и врагом тоже. Все зависит от твоей силы и умения.

Тарен печально улыбнулся.

— У одного меня силы маловато. А умения у Помощника Сторожа Свины и того меньше,— сказал он после долгого молчания.— Но я надеюсь на силу и мудрость моих друзей и спутников. Пусть будет так. Мы попытаемся заманить Детей Котла в холмы.

— Запомни еще одно,— сказал Колл,— если уж ты сделал выбор. Бой надо дать именно в этом месте и постараться добиться своего любой ценой. Дальше на юг Багровые Земли растекаются бескрайней равниной, а равнина эта становится настолько плоской и ровной, что Дети Котла просто-напросто обойдут нас стороной, если мы выпустим их из этих пересеченных оврагами и заваленных валунами полей.

Тарен усмехнулся.

— Это может уразуметь даже Помощник Сторожа Свины.

Он повернул коня и направился к своему отряду, чтобы объяснить воинам план, которому они должны следовать. Тарен строго наказал Гурджи и Эйлонви держаться как можно дальше от страшного врага, однако он прекрасно понимал, что своенравная принцесса из Дома Ллира и не подумает подчиняться его запрету.

Решение, принятое Тареном, тяжелым грузом легло на его плечи. Сомнения и страхи только увеличились, когда воины Коммотов подошли к самому краю леса и перед ними во всю ширь открылось грозное пространство Багровых Земель. Ветер, гулявший по изборожденным оврагами полям, холодной волной ударил в лицо, просочился под одежду. Тарен зябко кутался в плащ. И уже было непонятно, отчего его пробивает крупная дрожь: то ли от волнения перед страшным боем, то ли от ледяных потоков воздуха, сквозящих между редкими деревьями. Он повернулся и увидел Колла, который ободряюще подмигнул ему и кивнул большой лысой головой. Тарен поднес боевой рог к губам и подал сигнал двигаться вперед.

По совету Колла каждый всадник срубил себе большую разлапистую ветку. С высоких холмов колонна

всадников с ветками в руках, наверное, показалась бы цепочкой муравьев, отягощенных соломинками и спешащих по узкой, извилистой тропинке к муравейнику. На самом же деле воины шли трудной, изрытой канавами и оврагами тропой. Справа от них поднимались развалины гигантской стены, остатки древней границы, пересекающей окаменевшие просторы Багровых Земель вплоть до крутых склонов холмов Бран-Галедд.

Именно туда, не останавливаясь, вел Тарен свой отряд. Шли они, не сбавляя скорости, но при этом стараясь передвигаться скрытно, незаметно для тех, кого они преследовали. Однако Тарену все же показалось, что Дети Котла уже заметили их, потому что внизу под ними темная колонна вдруг ускорила шаг и стала быстро удаляться. Вот-вот они достигнут разрушенной стены и просочатся сквозь нее. По знаку Тарена его всадники спешили и, облепив стену в том месте, где, по их предположению, Дети Котла намеревались преодолеть ее, быстро кидали, проталкивали, просовывали в расщелины между камнями разлапистые ветки, вновь с огромной скоростью восстанавливая рухнувшую когда-то преграду. Теперь Дети Котла были заперты на коротком отрезке тропы между стеной и простиравшейся за их спинами вражеской равниной Багровых Земель. Вражеская колонна медленно приближалась. Рядом с пешими Детями Котла ехали Охотники Анну-вина, одетые в тяжелые куртки из волчьих шкур. Во главе каждой группы воинов шли предводители — капитаны, чьи грубые команды уже долетали до ушей Тарена и хлестали в уши, словно резкие удары хлыста. Приказы их звучали на неизвестном ему языке, но высокомерный тон и дикий смех, вырывавшийся из глоток воинов, говорили о наглой уверенности в собственной неодолимой силе.

Как и в битве за Каер Датил, Дети Котла шли ровными рядами, не колеблясь и не замедляя шага при виде неожиданной преграды. На ходу они обнажили мечи, выхватив их из-за широких бронзовых поясов. Кожаные нагрудники их были усеяны широкими шляпками бронзовых заклепок, которые тускло блестели в слабых лу-

чах неяркого солнца. Мертвенно-бледные лица бессмертных воинов казались застывшими и пустыми, как и их неподвижные глаза.

Внезапно боевые рога капитанов издали визгливые звуки, похожие на пронзительные крики ястребов. Воины Аннувина выпрямились, устремили вперед острия мечей и стремительно ринулись на стену, приминая тяжелыми ногами сухую красную землю.

Люди Коммотов один за другим вспрыгнули на возведенную ими преграду из обрушенных камней и крепких веток. Дети Котла стали молча карабкаться на стену. Ффлевддур, оставив Глю под охраной Ллиан позади, между скопившимися у подножия стены лошадьми, ринулся на грозных воинов, держа в одной руке меч, а в другой — тяжелый сук, который не успел воткнуть в каменную расселину. Рядом с ним оказался Гурджи, колотивший огромной палкой по головам поднимающихся на стену воинов. Эйлонви, не обращая внимания на предупреждающие крики Тарена, усердно работала копьем в первых рядах. И вдруг под ее бешеным напором первый же воин Котла опрокинулся на спину и покатился вниз, увлекая за собой тех, кто карабкался следом за ним. Отряд Тарена удвоил усилия. Люди Коммотов без устали рубили, кололи, толкали и спихивали вниз наплывающих на них врагов.

Бессмертные воины слепо ползли и ползли, но под ударами палок и древков копий теряли равновесие и катились вниз. В их рядах почувствовалась растерянность. Четкость и стройность колонны сменилась беспорядочной толкотней.

— Они боятся нас! — вскричал в безумной радости бард. — Посмотри! Они поворачивают назад! Если мы не можем убить их, то, клянусь Великим Белином, мы можем толкать, сбрасывать и отбрасывать этих немых кукол!

В шуме и криках боя Тарен различил резкие звуки боевых рогов Охотников. Ряды Детей Котла изменили направление атаки, уклоняясь от забора выставленных копий. Сердце его радостно забило. Неужели на самом деле они испугались и отступают от непреодолимого препятствия? Неужто сила немого войска и вправ-

ду убывает? Атакующая цепь распалась, и могло показаться, что враг отступает. Но не заблуждение ли это, продиктованное страстным желанием победить, остановить их? Тарен потерял счет времени. Ему казалось, что стоят они тут вечно, что силы его на исходе. Он взглянул на небо. Оно все еще было светлым, а значит, день в самом разгаре.

И все же Ффлевддур был прав! Молчаливая масса бессмертных воинов откатывалась назад. Капитаны Охотников, кажется, приняли решение. Как стая хищных зверей, которые обнаружили, что их жертвы слишком хорошо укрыты и недоступны, они оставили их в покое и двинулись в сторону. Боевые рога их командиров пропели длинную протяжную мелодию. Ряды Детей Котла, колеблясь, двинулись в сторону холмов Бран-Галедд.

Победный крик вырвался у воинов Коммотов. Тарен оглядывался в поисках Колла. Он вдруг увидел, что старый воин бежит вдоль стены и машет ему рукой. Тарен все понял. Отряд Детей Котла оторвался от главных сил и теперь пытался перелезть через незащищенный и неукрепленный участок разрушенной стены, проникнуть сквозь широкие бреши в ней. Подоспевший Колл выхватил меч и принялся рубить им направо и налево, не обращая внимания на сыплющиеся на него рубящие и колющие удары. Вдруг клинок его со звоном раскололся. Но старый воин и крепкий крестьянин отбросил в сторону бесполезную теперь рукоять и с криком ярости пустил в ход свои тяжелые кулаки. Бессмертные воины вцепились в него и пытались затащить в самую середину своих рядов — он расшвырял насевших на него врагов, выхватил у одного из них меч и кинулся вперед, с такой силой и яростью рассекая воздух клинком, будто собирался одним ударом свалить могучий дуб.

В следующее мгновение Тарен уже стоял рядом с Коллом. Рога Охотников протрубили сигнал отступления. Теперь Тарен понял, что атака их по-настоящему угасла, захлебнулась и отбита. Этот напор был последней конвульсией растерянных воинов Аннувина. Дети Котла стали отступать. Они направились к отрогам гор, чего и добивался отряд Тарена. Теперь их дорога удли-

нилась. Багровые Земли стали для них непроходимыми.

Рана на голове Колла сильно кровоточила. Его обшитая овечьим мехом куртка была разрублена, располосована клинками Детей Котла и вся пропиталась дымящейся кровью. Тарен и Ффлевддур осторожно поднесли его к стене и прислонили спиной к пологому камню. Всхлипывающий Гурджи поспешил им на помощь. Эйлонви сорвала с плеч свой плащ и, свернув его, подложила Коллу под голову.

— Иди за ними, мой мальчик,— с трудом выговорил Колл,— не давай им опомниться. Видишь, веточки повернули течение реки, но оно все же может прорвать плотину, если ты не сумеешь окончательно перекрыть все пути в Аннувин.

— Не веточка, а мощный дуб повернул их,— возразил Тарен.— Еще раз ты дал мне урок, мудрый Колл. Не оставляй меня и впредь.

Он взял натруженную руку Колла. Она тяжело и бесильно обвисла. Широкое лицо старого воина мучительно напряглось, но тут же осветилось ясной и доброй улыбкой.

— Я простой крестьянин,— пробормотал он.— И все же настолько воин, чтобы понимать, что рана моя смертельна. Иди, мой мальчик. Будь мужествен. Не бери на свои плечи бесполезной ноши.

— Что же,— прошептал Тарен,— разве ты не исполнишь своего обещания? Неужели не вскапывать нам вместе огород, не выдергивать сорняки и не поливать слабые ростки, проклюнувшиеся сквозь жирную землю?

Он говорил, и слова эти кинжалом вонзались ему в сердце.

Эйлонви с беспокойством смотрела на Тарена.

— Я надеялся когда-нибудь уснуть на своем собственном огороде,— с трудом проговорил Колл.— Медовое гудение пчел порадовало бы меня больше, чем рог Гвина Охотника. Но я вижу, что выбор не за мной.

— Нет, рог Гвина трубит не для тебя,— в отчаянии воскликнул Тарен.— Ты же слышишь, это просто сигнал отступления Детей Котла.

Он говорил, а над холмами уже витали слабые звуки гулкового рога, эхом разлетаясь по всему пространству Багровых Земель. Эйлонви закрыла лицо руками.

— Смотри за нашими овощами, мой мальчик,— сказал Колл.

— Мы будем делать это вместе с тобой,— ответил Тарен.— Сорняки не выстоят перед тобой, как не смогли и воины Аровна.

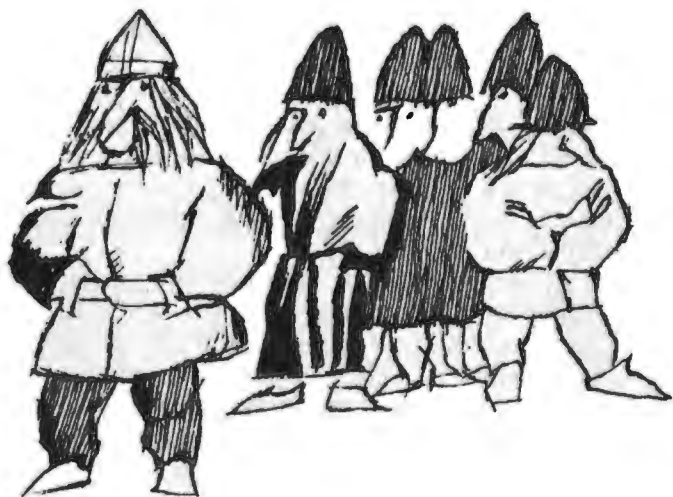
Крепкий старый воин не ответил. Долго-долго Тарен не мог поверить, что Колл умер.

Пока опечаленные спутники собирали камни разрушенной стены, Тарен собственными руками, не позволяя никому помогать себе, вырыл могилу в суровой земле. Даже после того, как простой могильник был возведен над Коллом, сыном Коллфревра, он не отошел от него, а велел Ффлевддуру и всем остальным двигаться к холмам Бран-Галедд, где он присоединится к ним до наступления ночи.

Долго стоял он молча. И лишь когда небо потемнело, он наконец отвернулся, быстро вскочил на Мелинласа. И еще мгновение задержался он, придерживая коны, у могильника из красной земли и грубых камней.

— Спи спокойно, выхаживатель репы и собиратель яблок,— прошептал Тарен.— Ты далеко от того места, где страстно хотел быть. Так же, как и я.

Он медленно двинулся через темнеющие поля Багровых Земель к ожидающим его холмам.

Глава тринадцатая

ТЬМА

Все последующие дни отряд Тарена пытался догнать Детей Котла и вновь пересечь им дорогу. Но слишком медленным было продвижение по крутым каменистым склонам. Теперь Тарен понял, что имел в виду Колл, когда называл холмы Бран-Галедд одновременно и друзьями и врагами. Глубокие пропасти и узкие теснины, внезапные обрывы, где земля резко раскалывалась и раскрывала обледенелые ущелья,— все это преграждало путь и делало преследование бессмертного войска трудным и опасным. С запада, срываясь с высоких утесов, словно ледяными молотами били прямо в лицо сильные порывы ветра со снегом. Извивающиеся над пропастью тропинки были предательски скользкими. По забитым рыхлым снегом ущельям лошади продвигались с трудом, утопая по самое брюхо. А были и такие глубокие сугробы, в которых всадник вместе с лошастью мог утонуть с головой, и никто не сумел бы спасти их.

Самым надежным проводником в холмах оказался Ллассар. Давно привыкший к горным тропам юный пастух шел уверенно, ведя уже не стадо, не отару овец, а

далеко растянувшийся отряд воинов. Не единожды острый глаз и точное чувство опасности, присущее этому юноше, оберегало людей от ледяных ловушек, притаившихся под снегом трещин и провалов. Он находил скрытые от глаз других дорожки, протискивался между нависшими над пропастью камнями, умея ступить так, что ни единая крупинка не осыпалась под его легкой ногой. И все же утомленный трудной дорогой отряд продвигался слишком медленно. Люди и животные страдали от пронизывающего ветра, от холода, от впивающихся в лицо несомых ветром ледяных иголок. Лишь огромная кошка Ллиан не выказывала никакой усталости и не обращала внимания на резкие порывы ветра, который впускал ее золотисто-коричневый мех и словно бы застревал в густом подшерстке.

— Кажется, ей даже нравится все это, — вздыхал Ффлевддур, плотнее закутываясь в плащ. Ему пришлось ненадолго спешиться, потому что Ллиан вдруг пришло в голову поточить когти о ствол нависшего над обрывом дерева. — Я бы тоже радовался, — проворчал он, — если бы у меня была ее шуба.

Гурджи, чья негустая шерсть вздыбилась от холода, а каждый волосок покрылся инеем, мрачно поглядывал на Ллиан. С тех пор, как они очутились в горах, заиндевелый бедняга стал похож на движущийся сугроб. Холод заставил даже Глю, этого вечно всем недовольного ворчуна, прекратить свое бесконечное нытье. Бывший великан натянул на лицо капюшон так, что ничего, кроме замерзшего кончика его отвислого носа, не было видно, и лишь громко сопел. Эйлонви была тоже непривычно молчалива. Тарен понимал, что на сердце у нее, так же как и у него самого, было тяжело.

И все же Тарен постарался подавить в себе печаль, упрятать горькие мысли и собраться. Сейчас главным было снова пересечь дорогу Детям Котла, заставить их остановиться. Упорное преследование вывело наконец отряд Коммотов в узкое ущелье впереди спускающегося по другому склону противника. Как и на Багровых Землях, все принялись лихорадочно сооружать барьер из ветвей деревьев. Они трудились с таким жаром и до тех пор, пока пот не пропитал насквозь одежду и не замерз на ледяном ветру, превратив меховые куртки в негну-

щиеся одеревенелые доспехи. Но все оказалось бесполезным. На этот раз мертвенно-бледные воины, почти не задерживаясь, разрубая ветки мечами, прошли сквозь возведенную преграду. В порыве отчаяния люди Коммотов кинулись на Детей Котла врукопашную, но бессмертные воины прорубались сквозь скопление людей, как сквозь неживой барьер, безжалостно работая мечами. Тарен и его люди попытались преградить путь неудержимым Детям Котла тяжелыми валунами. Но даже могучему Хевидду труд этот был не под силу.

Дни превратились в белый кошмар из снега и бешеного ветра. Ночи застыли ледяным безмолвием и безнадёжностью. Изнуренные люди и животные с трудом находили укрытие среди каменистых выступов, превращая их в убогие убежища, где можно было получить хоть малую передышку. Опасаясь врага, они находили самые укромные уголки в ущельях, старались не разводить костров и даже громко не разговаривать, потому что чуткое эхо тут же подхватывало любой звук и, умножая его среди скал, разносило повсюду. И все же ни тайные убежища, ни сторожкая тишина лагеря не скрывали их. Враги по малейшим признакам быстро определяли близкое присутствие людей Коммотов и, не желая задерживаться, обходили любые преграды. Однако, если поначалу Дети Котла как бы не обращали внимания на истрепанный в пути небольшой отряд, то теперь их размеренно марширующее войско ускорило шаг и подошло так близко к воинам Тарена, будто страстно желало вступить в смертный бой.

Это несколько озадачило Ффлевддура, который ехал рядом с Тареном во главе колонны.

В ответ на сомнения барда Тарен мрачно покачал головой.

— Я, кажется, понимаю, — сказал он. — Их сила по мере приближения к Аннувину возрастает, возвращается к ним. И чем ближе, тем они сильнее. А мы, наоборот, с каждым шагом теряем свои силы, становимся слабее. Прежде чем мы еще раз сумеем задержать их хотя бы на день или час, силы окончательно оставят нас. Вскоре, — добавил он с горечью, — мы обессилеем настолько, что Детям Котла и не потребуется нападать на нас.

Он умолчал о другом, что беспокоило его не меньше и уже всем им было ясно. С каждым днем Дети Котла поворачивали все больше на юг, устремляясь от непроходимых ущелий в холмах Бран-Галедд к просторам Багровых Земель. Если им удастся вновь выйти на открытое пространство, то все усилия, все жертвы будут напрасны. И все же это убеждало Тарена, что враг боится их, готов сделать крюк, отойти на любое расстояние, лишь бы только отделаться от преследователей.

В эту ночь снег валил крупными хлопьями, и люди Коммотов, измотанные дорогой, ослепленные кружа-

щимся липким снегом, остановились на ночлег, уже не заботясь об укрытии и забыв осторожность. Перед рассветом Дети Котла напали на их лагерь.

Поначалу Тарен решил, что на их сторожевую заставу случайно наткнулся лишь небольшой передовой отряд немых воинов. Но когда в крике и звоне мечей, среди мечущихся испуганных лошадей схлестнулись и перемешались волны нападающих и защищающихся, Тарен с ужаснувшей его ясностью понял, что накатилась на них вся вражеская колонна. Он пришпорил Мелинласа и врезался в самую гущу боя. Ффлевддур с Глю, накрепко вцепившимся в его пояс, верхом на Ллиан уже скакал на помощь. Гигантская кошка в несколько прыжков вынесла его к плотным рядам отчаянно сражавшихся воинов Коммотов. Среди суеты боя и в мельтешении своих и чужих Тарен потерял из виду Эйлонви и Гурджи. Натиск Детей Котла увеличивался, они, словно безжалостный громадный меч, рассекали ряды всадников Коммотов и кровавыми ручейками просачивались в зияющие коридоры.

Весь день бушевала неравная битва. Тщетно люди Коммотов пытались собрать воедино оставшиеся силы. К закату дорога Детей Котла была усеяна ранеными и убитыми. Одним смертельным ударом войско Детей Котла отбросило своих преследователей, освободилось от них и теперь беспрепятственно могло продвигаться вперед.

Эйлонви и Гурджи пропали.

Испуганные, отчаявшиеся Тарен и Ффлевддур кружили среди остатков своего разбитого и рассеянного войска, пытаясь отыскать их. Во тьме мерцали зажженные факелы, обозначающие место сбора разметанных по полю бойцов. Шатаясь, поддерживая раненых, вглядываясь в лица поверженных товарищей, медленно сходились люди Коммотов. Тарен не прекращал поиски, яростно дул в боевой рог и выкрикивал имена потерянных спутников. Вдвоем с Ффлевддуром он несколько раз объехал поле боя, надеясь отыскать хоть какие-нибудь их следы. Все напрасно. К тому же сильный снегопад, который начался к утру, совершенно скрыл все следы кровавой битвы.

К началу дня все выжившие и уцелевшие собрались вместе. Кровавый ночной бой с Детями Котла дорого обошелся отряду Тарена. Каждый третий воин пал под мечами

бессмертных врагов. Пропала почти половина лошадей, одни из которых были убиты, другие разбежались. Примчалась Ллуагор. Вид пустого седла разрывал сердце Тарена. Эйлонви не было ни среди живых, ни среди павших.

Безысходное отчаяние охватило Тарена. Он готов был искать и искать. Среди холмов, в горах, в ущельях, на всем просторе Багровых Земель. Но Ффлевддур с мрачным и озабоченным лицом подъехал к Тарену и крепко взял его за руку.

— Один ты все равно не сможешь отыскать их,— предупредил бард.— А терять время или отряжать поисковый отряд, ослабляя и так обескровленное войско, ты не имеешь права. Если мы хотим все же остановить этих немых убийц до того, как они выйдут в простор Багровых Земель, нам надо спешить и двигаться как можно быстрее. Наши друзья из Коммотов готовы снова подняться и идти.

— Ты и Ллассар поведете их,— ответил Тарен.— Когда я найду Эйлонви и Гурджи, то присоединюсь к вам. Иди быстрее. Мы скоро встретимся.

Бард не двигался.

— Если это твой приказ, что ж, пусть будет так. Но, как я слышал, Тарен Странник созвал людей Коммотов под свое знамя. И они откликнулись на призыв ради Тарена Странника. Они пойдут туда, куда поведешь их ты. Ни для кого другого они столько не сделают.

— Что же,— вскричал Тарен,— ты хочешь, чтобы я оставил в беде Эйлонви и Гурджи?

— Понимаю, это трудный выбор,— сказал Ффлевддур.— Но никто не может облегчить тебе его.

Тарен не возражал. Слова Ффлевддура причинили ему боль, потому что были верными. Хевидд и Ллассар ничего не просили, лишь беспрекословно вручили ему свою жизнь. Ллонио остался лежать в Каер Датил. Не было ни одного воина Коммотов, который не потерял бы родича или друга. Если он покинет их, чтобы пуститься на поиски Эйлонви, сможет ли она сама одобрить его выбор? Всадники ожидали его приказа. Меллинлас нетерпеливо рыл копытом землю.

— Если Эйлонви и Гурджи убиты,— выдавил из себя Тарен,— я уже не помогу им. Если живы, я должен верить и надеяться, что они отыщут дорогу к нам.— Он

решительно вскочил в седло.— Если живы...— чуть слышно вымолвил он.

Не осмеливаясь оглянуться на пустые молчаливые холмы, Тарен двинулся к своему отряду.

К тому времени, когда воины Коммотов снова были на марше, Дети Котла сильно опередили их и не мешкая продвигались к подножию холмов Бран-Галедд, откуда открывалась прямая и свободная дорога по просторам Багровых Земель. Даже двигаясь очень быстро, останавливаясь только для краткой передышки, всадники Коммотов наверстали лишь малую толику потерянного драгоценного времени.

Каждое утро Тарен первым делом оглядывал просторы и склоны холмов, надеясь увидеть Эйлонви или Гурджи. Однако надежда, что они нагонят отряд, уменьшалась с каждым разом. Они исчезли, и наигранная веселость Ффлевддур, его показная уверенность в том, что все образуется и они появятся с минуты на минуту, уже не утешала, казалась пустой и даже раздражающей.

В середине третьего дня их пути прискакал галопом вестовой передового отряда с известием о странном движении в сосновом лесу сбоку колонны. Тарен остановил своих воинов, приказал спешно готовиться к сражению, а сам в сопровождении Ффлевддур отправился

посмотреть, что происходит. Хотя деревья стояли не густо и были невысоки, он смог различить лишь слабое шевеление, будто перебегали в сплетении колышимых ветром ветвей бесшумные и бесплотные тени. Но в следующее мгновение бард неожиданно вскрикнул, и Тарен немедленно протрубил сигнал тревоги.

Из леса показалась голова длинной процессии. Плотные фигурки, одетые в белые плащи, почти не видны были среди снежных сугробов. И лишь когда они двинулись через пустое пространство каменистой земли, выбеленной неровными пятнами снега, Тарен смог различить

яснее эти похожие на шагающие пни фигурки. Под длинными плащами едва виднелись прочные кожаные башмаки, обвязанные ремешками. Горбами поднимались за их спинами мешки с провизией, а у затянутых широкими ремнями талий этих приземистых путников висели, доставая до самой земли, широкие и длинные мечи.

— Клянусь Великим Белином! — вскричал Ффлевддур. — Это... неужто я вижу?..

Тарен уже спешил и бежал вниз по склону, махая рукой барду, чтобы он поторопился следом. Во главе отряда, который, казалось, насчитывал не менее сотни бойцов, с трудом вытягивая ноги из сугробов, двигалась знакомая приземистая фигура. Из-под надвинутого почти на брови капюшона выбивалась огненно-красная прядь волос. В одной руке идущий впереди колонны держал короткий, с тяжелым широким лезвием топор, а в другой — толстый посох. Увидев Тарена и Ффлевддура, он ускорил шаг.

В следующее мгновение бард и Тарен уже хлопали его по плечам, дружески тузили кулаками и обнимали, выкрикивая одновременно так много приветствий и вопросов, что вновь прибывший схватился за голову.

— Доли! — кричал Тарен. — Неужто это ты? Старый добрый Доли!

— Сколько можно повторять: Доли, Доли, Доли?.. — фыркнул карлик. — Если бы даже я сомневался, что вы узнали меня, то ваши дружеские кулаки давно бы меня в этом убедили.

Он упер руки в бока и поглядывал на них снизу вверх хмуро и насупленно, стараясь, как всегда, выглядеть более суровым и грубым, чем был на самом деле. Однако его яркие красные глазки светились радостью, а лицо невольно расплылось в широкой улыбке, которую он безуспешно пытался скрыть.

— Мы все время гонимся за вами, — проворчал Доли, подавая знак своим воинам следовать за Тареном вверх по склону. — Мы знали, что вы поднялись в горы, но до сегодняшнего дня никак не могли обнаружить ваших следов.

— Доли! — воскликнул Тарен, все еще изумленный неожиданным появлением давнего своего друга. — Каким добрым ветром занесло тебя сюда? Что за удача привела вас?

— Добрый ветер? Ты называешь добрым ветром этот колючий буран? — возмутился карлик. — Удача? Ты сме-

ешь называть удачей бесконечное топанье днем и ночью по пояс в снегу по бездорожью? Все мы, подданные короля Красивого Народа Эйддилега, здесь не по собственному почину, а по его приказу. Мне велено было отыскать тебя и поступить под твое начало. Мне кажется, что коли уж нужна кому-нибудь в Прайдене наша помощь, так это тебе и твоим воинам. Поэтому мы здесь.

— Гвистил отлично выполнил свою работу,— сказал Тарен.— Мы знали, что он отправился в свое подземное королевство, но, по чести говоря, боялись, как бы король Эйддилег не пропустил мимо ушей его тревожное донесение.

— Не могу сказать, что король был очень обрадован,— ответил Доли.— Больше того, он просто взорвался! Я был там, когда наш мрачный приятель принес ему эти новости и рассказал о том тяжелом положении, в котором вы оказались. Я уж думал, что уши мои лопнут от гневного рева Эйддилега. Безумные простофили! Длинноногие олухи! Долговязы безголовые! И это лишь немного, что он высказал о вас, людях. Но не расстраивайся, на самом-то деле он любит тебя. Он помнит, как ты спас Красивый Народ от превращения в лягушек, кротов и мышей. Это была самая большая услуга, какую когда-либо оказывал нам смертный. И Эйддилег желает оплатить свой долг.

Доли внимательно поглядел на Тарена и Ффлевддура, постарался принять еще более суровый вид и продолжал, напыжившись:

— И вот, как видите, Красивый Народ в походе. Но мы слишком поздно узнали обо всем и явились в Каер Датил, когда все было кончено. Но у короля Смойта все же есть повод поблагодарить нас. Войско Красивого Народа смогло поддержать его в последней битве. Северные народы собирают войско, и мы готовы присоединиться к ним. Можешь быть в этом уверен.

Несмотря на свой насупленный вид, Доли все-таки не мог скрыть удовольствия от того, что нашел Тарена и теперь может принять участие во всех его нелегких делах. Не без некоторой гордости он сообщил и об одной из давних хитростей Красивого Народа, когда они умело наполнили громадную долину разбегающимся громовым эхом так, что враг, решивший, что он окру-

жен, в ужасе бежал без оглядки. Припомнил он и другой случай, свидетельствующий об уме, хитрости и мужестве Красивого Народа... Но вдруг резко оборвал сам себя, заметив озабоченность на лице Тарена. Доли внимательно слушал, пока Тарен рассказывал ему о том, что произошло с Эйлонви и Гурджи. Теперь наступила очередь карлика опечалиться и задуматься. Он молчал некоторое время. Потом произнес:

— Я согласен с Ффлевддуром, что Эйлонви и Гурджи не пропадут. А насколько знаю принцессу, не удивлюсь, если увижу ее несущейся галопом во главе своей собственной армии.

Доли усмехнулся и снова посерьезнел.

— А Дети Котла всем нам доставляют беспокойство,— сказал он.— Даже мы, Красивый Народ, мало что можем сделать против этих бессмертных немых существ. Все трюки, с помощью которых мы обводим вокруг пальца простых смертных, тут бесполезны. Дети Котла не люди... я бы даже сказал, что они и не звери. У них нет памяти о том, кем они были, нет страха, нет надежды... ничего, что могло бы затронуть их.— Карлик покачал головой.— Я предвижу, что любая одержанная нами победа не будет полной, пока мы не найдем способ избавиться от этих отродий Аннувина. Гвидион совершенно прав. Они не остановятся ни перед чем. И остановить их мы должны сами, только сами. Это ясно.

Как только необычный отряд Доли приблизился к людям Коммотов, по их рядам пробежал-ропот удивления. Все, конечно, слышали о мастерстве и доблести боевых отрядов подземного короля Эйддилега, но никто никогда не видел их воочию. Хевидд Кузнец с изумлением разглядывал их топоры и мечи и поражался необыкновенному мастерству, провозгласив, что они острее и лучше закалены, чем любое оружие, какое он мог бы выковать. Люди Коммотов окружили подземное войско и с любопытством разглядывали крохотных крепких воинов. И хотя самый рослый из воинов Доли едва доставал до колена человека, солдаты из Красивого Народа нисколько этим не смущались и смотрели на своих человеческих сотоварищей с дружелюбной снисходительностью, словно на детей-переростков.

Доли потрепал Ллиан по голове, и огромное животное радостно замурлыкало, узнав его. Зато Глю, сидевший на корточках на плоском камне и с кислым видом разглядывавший вновь пришедших, поразил рыжеволосого карлика.

— Кто бы это... или что бы это... что это? — воскликнул он. — Слишком большой для гриба и слишком маленький для человека!

— Я рад, что ты спросил обо мне, — зачастил Глю. — Моя история, я уверен, покажется тебе самой интересной из всего, что ты слышал когда-либо. Когда-то я был великаном, а мое теперешнее унылое существование и мой потерянный рост — все это произошло по вине этих нисколько не заботящихся обо мне и... — он мрачно, но и с опаской взглянул на Тарена и барда, — ...и от которых я мог бы ожидать хоть каплю внимания. Мое королевство... да, я буду признателен тебе, если ты станешь относиться ко мне как к королю Глю... Итак, моим королевством, моими исконными владениями была прекраснейшая пещера с лучшими летучими мышами острова Мона. Пещера такая просторная...

Ффлевддур закрыл уши руками.

— Перестань, великан! Довольно! У нас нет времени на твою болтовню о пещерах и летучих мышах. Мы знаем, что все с тобой обращается дурно. Во всяком случае, ты нас ежечасно в этом стараешься убедить. Поверь мне, Ффлевддур Пламенный терпелив, но если я смогу найти какую-нибудь пещеру, то с удовольствием запихну тебя туда и оставлю навеки.

Лицо Доли вдруг стало задумчивым. Он прищелкнул пальцами.

— Пещеры! Слушайте меня внимательно, — быстро проговорил он. — Не более чем в одном дне пути отсюда... да, я уверен в этом... есть рудник Красивого Народа. Самые лучшие драгоценные камни в этом руднике давно кончились, и Эйдилег, на моей памяти, никого не посылал туда работать. А мы как раз туда и должны отправиться. Конечно! Если мы пойдем по шахте рудника, она выведет нас наружу почти на границе Багровых Земель. И вы легко достигнете Детей Котла. Все вместе мы остановим их во что бы то ни стало. Как мы это сделаем, я не знаю, но уверен, что другого ничего не ос-

тается. Впрочем, там видно будет. Мост можно перейти только подойдя к нему, не так ли?

Доли широко улыбнулся, довольный своим замысловатым сравнением.

— Друзья мои, — торжественно сказал он, — теперь вы вместе с Красивым Народом. Когда мы делаем что-то, то делаем наверняка. Первая половина ваших несчастий и неудач окончена. — Он помолчал и осторожно добавил: — Вторая еще, может быть, ждет всех нас.

Впервые, кажется, с тех пор, как он покинул Каер Даллбен, Глю пребывал в хорошем расположении духа. Известие о пещере и возможность потолковать с новыми слушателями о своих собственных подвигах в те времена, когда он был великаном, возбуждала Глю. Но целый день напролет и вся ночь тяжелого перехода снова привели его в уныние. Когда Доли остановился перед, казалось бы, неприступной отвесной скалой, бывший великан стал испуганно озираться кругом. Его отвислый нос подергивался, а мелкие глазки беспрестанно тревожно мигали. Вход в старый рудник, куда указывал карлик, был узок и скорее напоминал случайную расселину в скале. Правда, ширины его хватало, чтобы туда протиснулась лошадь, но острые, как клыки, сосульки угрожающе свисали сверху, грозя расцарапать и располосовать каждого, кто рискнет проникнуть сюда.

— Нет, нет, — запинаясь, забормотал Глю, — это вовсе не похоже на мою королевскую пещеру на Моне. Это даже сравнивать нельзя! Нет, вы не вправе требовать, чтобы я лез в эту дикую берлогу!

Он попятился, но бард ухватил его за ворот и потащил за собой.

— Довольно, коротышка великан! — закричал Ффлевддур. — Ты войдешь внутрь вместе со всеми! — Впрочем, в голосе его не было уверенности, он и сам не очень-то жаждал нырять в этот рудник да еще тащить за собой Ллиан. — Ффлевддур Пламенный храбр, — хорохорился он, — но, сказать по чести, я никогда не любил подземелья и все такое прочее. Помните мои слова, мы будем копать, как кроты, прежде чем снова выйдем наружу.

У входа в пещеру Тарен остановился. Спускаясь под землю, он терял последнюю надежду отыскать Эйлон-

ви. Еще раз он подавил в себе желание кинуться обратно, на поиски принцессы. Мысль эта приводила его в ужас, но он усилием воли попытался выкинуть ее из головы. И все же, когда Тарен заставил себя ступить вслед за бардом во тьму подземелья, ему показалось, что он оставил самого себя там, снаружи, у себя за спиной. Слепо, спотыкаясь, он углубился в темноту.

По приказу Доли воины смастерили факелы. Теперь они их зажгли, и в мерцающем свете Тарен увидел, что карлик привел их в шахту, которая равномерно спускается вниз. Серые стены штольни, аркой круглившися над головой, смыкались на высоте вытянутой руки. Спешившись, люди Коммотов вели своих испуганных лошадей на поводу мимо отвалов камней, грудami лежавших вдоль стен.

Это, как объяснил Доли, был еще не сам рудник, а всего лишь один из многих тоннелей, которые использовал Красивый Народ, когда выносил мешки с драгоценными камнями на поверхность. Проход, как и предсказывал карлик, постепенно становился шире, и каменный потолок уже возносился в три человеческих роста над головой. Узкие деревянные платформы тянулись вдоль стен в несколько этажей. Многие уже разрушились и упали, подгнившие столбики валялись грудой на полу. Трухлявые, ненадежные опоры поддерживали арки, ведущие из одной галереи в другую. Часто позади них с грохотом рушились каменные глыбы. Это заставляло идти осторожно, выбирая дорогу и стараясь не касаться ветхих опор или потрескавшихся стен тоннеля. После ледяного, но свежего ветра, дующего на поверхности земли, воздух здесь казался спертым, гниlostным и пропитанным пылью. Эхо множилось и порхало из одной галереи в другую, словно вспугнутая стая летучих мышей. Военный отряд двигался сквозь давно заброшенные залы и штольни извилистой шеренгой, повторявшей извивы коридоров и проходов. Высоко поднятые над головами факелы едва могли разогнать своим мерцанием густую тьму. Колеблющиеся тени скользили по стенам, ложились под ноги и, казалось, заглушали звуки осторожных шагов. Только жалобное лошадиное ржание нарушало тишину.

Глю, который не переставал канючить и жаловаться на свою судьбу, вдруг резко вскрикнул от удивления. Он остановился и жадно выхватил что-то из-под ног Ффлевддура. В свете факела Тарен увидел, что бывший великан держит в руке сверкающий драгоценный камень величиной с кулак.

Ффлевддур нахмурился.

— Положи на место,— приказал он.— Это подземная сокровищница Красивого Народа, а не твоя пещера с летучими мышами.

Глю прижал находку к груди.

— Мое! — визжал он.— Никто из вас это не заметил! Если бы вы нашли, то, знаю, взяли бы себе! А мне, выходит, нельзя?

Доли, мельком глянув на камень, высокомерно фыркнул.

— Хлам,— сказал карлик Тарену.— Ни один уважающий себя мастер из Красивого Народа не станет терять на это время. Даже для починки дорог мы используем камни получше. Если твой друг с лицом, похожим на гриб поганку, хочет нагрузить себя лишней тяжестью, я охотно позволяю ему взять камень себе.

Не ожидая повторения этих слов, Глю проворно засунул камень в кожаный мешок, болтавшийся у него на боку, и его отвислые щеки задвигались и надулись, будто он только что набил рот вкусной и жирной едой.

С этого момента, пока подземные путники упорно продвигались вперед, глазки-бусинки Глю неустанно металась по полу, стенам и даже потолку, и шагал он теперь с необычайной энергией и интересом, стараясь забежать вперед. И старый рудник не разочаровал бывшего великана. В свете факелов тут и там поблескивали драгоценные камни, наполовину втоптаннные в землю или выступающие своими острыми гранями из стен. Глю мгновенно кидался к ним, выковыривал, выцарапывал своими толстенькими короткими пальцами и кидал мерцающие сокровища в свой, казалось, бездонный мешок. С каждой новой находкой он становился все более и более возбужденным, хихикал, бормотал себе под нос, похлопывал по тяжелеющей сумке.

Бард с жалостью посмотрел на него.

— Да,— вздохнул он,— коротышка великан учуял наконец выгоду от своего путешествия. Только вряд ли эта груда камней пригодится ему, когда мы выберемся наружу. Разве что швырнуть их в Детей Котла и благодаря этому успеть улепетнуть. А, бывший великан, как ты думаешь?

Но Глю, поглощенный собиранием камней, не обратил на насмешку Ффлевддура никакого внимания. За короткое время мешок бывшего великана был набит до отказа драгоценными камнями ярко-красного и сверкающе-зеленого отлива, камнями чистыми и прозрачными, как родниковая вода, или мерцающими в глубине своей отсветами золота и матового серебра.

Мысли Тарена были заняты вовсе не камнями, разбросанными в большом изобилии тут и там. По мере того, как длинная колонна воинов продвигалась в глубь рудника по тоннелю, Тарен вычислял, какое время им понадобится, чтобы преодолеть подземную дорогу. Насколько он мог сообразить, сейчас было не позднее полудня, а они продвинулись уже на значительное расстояние. По мере расширения тоннеля шаг их становился свободнее и скорость движения увеличивалась.

— Все просто, как чириканье воробья,— сказал Доли, словно подслушав мысли Тарена.— Еще день, не больше, и мы выйдем на поверхность земли как раз около Багровых Земель.

— Это наша единственная надежда,— откликнулся Тарен.— И благодаря тебе она, надеюсь, осуществится. Но меня беспокоят Багровые Земли. Они пустынные и не дадут нам никакой защиты. Но самое главное — там нет никакой преграды для Детей Котла.

— Хм,— значительно хмыкнул Доли,— как я уже говорил, ты имеешь теперь дело с Красивым Народом, мой мальчик. Если мы беремся за дело, считай, что оно уже сделано. Вот увидишь, что-нибудь да подвернется под руку. Какая-нибудь мелочь. И все будет в порядке.

— Кстати, о мелочи. Где Глю? — перебил его Ффлевддур.— Если его нет у меня под руками, то уже не все в порядке.

Тарен остановился и быстро огляделся вокруг. Сначала он не увидел бывшего великана. Тарен поднял факел и окликнул Глю. И тут заметил его и ринулся вперед.

Глю в поисках сокровищ вскарабкался вверх на одну из шатких деревянных платформ. Прямо над аркой, ведущей в следующий коридор, в толще потрескавшейся породы сверкал драгоценный камень величиной с голову. Глю, рискованно раскачиваясь на узком выступе, изо всех сил старался выковырять его.

Тарен закричал, чтобы он немедленно спускался вниз. Но Глю тащил, дергал, раскачивал камень все сильнее и упорнее. Кинув поводья Мелинласа, Тарен уже собирался полезть за ополоумевшим от счастья коротышкой. Но Доли схватил его за руку.

— Не делай этого,— предупредил он.— Балки не выдержат тебя.— Он легонько свистнул, подзывая к себе двоих воинов из Красивого Народа. Жестом он велел им вскарабкаться на платформу, которая под яростно подпрыгивающим в борьбе за камень Глю стала угрожающе скрипеть и раскачиваться.— Быстро! — приказал Доли.— Притащите этого болвана вниз!

Именно в этот момент мешок Глю, переполненный тяжелыми и острыми камнями, лопнул. Драгоценные камни заструились вниз разноцветным дождем, и Глю с воплем ужаса стал подпрыгивать, подставляя ладони под эту тяжелую струю. Нога его соскользнула с доски, он в панике стал хвататься руками за поддерживающие столбики, но стоило ему крепко вцепиться в качающийся столбик, как вся арка с треском обрушилась. Теперь, вопя уже не о потерянных камнях, а о собственном спасении, Глю повис и раскачивался на покосившейся балке потолка. Еще через мгновение он с грохотом вместе с балкой рухнул вниз. Потолок раскололся, арка вконец рассыпалась. Глю вскочил и ринулся в сторону, спасаясь от града падающих камней.

— Назад! — кричал Доли.— Все назад!

Лошади ржали и вставали на дыбы. Воины тщетно пытались справиться с ними. С треском и грохотом, закладываящим уши, стали рушиться верхние этажи платформ. Лавина валунов и сломанных балок хлынула на галерею. Ослепляющая, удушающая пыль заполнила тоннель. Рудник, казалось, утонул в грохочущем эхе. И вдруг все замерло. Навалилась мертвая тишина.

Тарен, пошатываясь, пробрался к высокой куче камней и мусора. Никто из воинов и животных не постра-

дал. Позади них проход в тоннель оставался свободным и безопасным. Но путь вперед был завален и безнадежно закрыт.

Доли вскарабкался на груду камней и деревянных обломков и, пытаясь, попытался вытянуть из завала длинную балку. Но через некоторое время, обессиленный, он повернулся к Тарену.

— Бесполезно, — с трудом переводя дыхание, прохрипел он. — Если ты намерен продвигаться вперед, нам придется прокопать в этом завале новый проход.

— И сколько времени на это уйдет? — быстро спросил Тарен.

Доли покачал головой.

— Трудно сказать. Даже с помощью Красивого Народа быстро с этим не управиться. Очень похоже, что несколько дней. Кто знает, как далеко простирается завал? — Он гневно фыркнул. — Можешь поблагодарить за все этого недомерка, эту двуногую поганку, бывшую, чему я мало верю, великаном!

Тарен растерянно глянул на карлика.

— Что же нам делать? — спросил он. — Неужто придется возвращаться назад?

По мрачному выражению лица Доли он уже понял, каков будет ответ.

— Да, мы застряли и теряем много времени. Если ты хочешь услышать мой совет, я скажу: поворачивайся и иди назад. Придется добираться до Багровых Земель по поверхности земли. Это лучшее из того, что мы сейчас можем предпринять. Весь рудник покосился, опоры ослабли, будут, насколько я понимаю, и другие обвалы. И в следующий раз нам может не повезти так же, как только что.

— И он говорит о везении! — воскликнул бард, буквально рухнув на груды камней. Он обхватил голову руками и удрученно раскачивался. — Дни потеряны! Дети Котла будут в Аннувине до того, как мы сможем вновь нагнать их! Не-ет, я буду считать, что мне повезло, если я разыщу под этой грудой камней поганого коротышку и собственными руками...

Из-под обвалившейся платформы со стоном выкарабкался Глю. Одежда его была порвана в клочья, толстенькое личико перемазано в грязи.

— Потеряны дни? — завыл он. — Дети Котла? Завален тоннель? А кто-нибудь из вас вспомнил, что я только что потерял свою удачу? Мои драгоценные камни исчезли. Все до единого! А вы и не думаете об этом! Эгоисты, вот вы кто! И другого слова для вас я не нахожу!

Глава четырнадцатая

СВЕТ

Водоворот битвы закружил принцессу Эйлонви, унес от Ффлевддура и Тарена в сторону, и она наверняка была бы убита, если бы Гурджи не выволок ее из гущи сражающихся воинов. Удаляясь от криков, стонов и скрежета сражения, Эйлонви почти слепо карабкалась по скалам, пробиралась по темнеющим ущельям, уже не понимая, куда идет. Гурджи покорно плелся следом. С наступлением ночи, когда во тьме бесполезно было искать Тарена и его отряд, они остановились. Гурджи отыскал неглубокую пещеру, где они, усталые, несчастные, измученные, распластались на земле и продрожали до рассвета. Днем, когда они снова отправились на поиски своих, на них неожиданно набросились какие-то воины.

Брыкаясь, царапаясь и кусаясь, Эйлонви тщетно пыталась освободиться из железных объятий громадного детины. Другой нападавший прижал Гурджи коленом к земле и приставил к его горлу кинжал. В единый миг оба путешника были связаны по рукам и ногам. Их, как мешки, взвалили на спину и понесли. Эйлонви представления не име-

ла, куда и кто их тащит. Но через некоторое время она увидела мерцающий в сгустившихся сумерках костер и сгрудившуюся вокруг него шайку — человек двенадцать.

Сидевший на корточках ближе всех к огню человек разбойного вида повернул в их сторону голову. В багровых отблесках костра его тяжелое грубое лицо с торчащей щетиной бороды и желтоватыми спутанными волосами выглядело устрашающе. Он был закутан в грязную овечью шкуру и засаленный плащ, накинутый поверх нее.

— Я посылал вас за дичью, а не за пленниками,— хрипло выкрикнул он.— Что это вы тащите?

— Мелкая пожива,— ответил несший на себе Эйлонви. Он сбросил на землю свою бешено извивающуюся ношу на траву рядом с Гурджи.— Парочка тощих драчунов.

Человек с тяжелым лицом сплюнул в огонь и поднялся на ноги.

— Надо было сразу перерезать им глотки, а не волочить сюда,— сказал он, подходя поближе. Грязной, со сломанными ногтями пятерней он сдвинул Эйлонви горло, будто намереваясь задушить ее.— Кто ты, парень? — спросил он раздраженно.— Кому служишь? Какой выкуп можешь предложить? Отвечай быстро, когда вопросы задает Дорат!

При звуке этого имени у Эйлонви перехватило дыхание. Тарен рассказывал ей о Дорате. По испуганному вскрику Гурджи она догадалась, что и он узнал разбойника.

— Отвечай! — взревел Дорат, изрыгая проклятия.

Он приподнял связанную девушку и ударил ее по лицу. Голова ее от сильного и резкого удара дернулась, и Эйлонви упала. Золотой шар выкатился из куртки на землю. Эйлонви попыталась перекатиться и накрыть шар своим телом. Но обутая в тяжелый и грубый ботинок нога отшвырнула шар в сторону. Дорат наклонился и поднял непонятную штуковину, с любопытством вертя ее в свете костра.

— Что это? — спросил один из разбойников, подходя поближе, чтобы разглядеть шар.

— Ого, да он золотой! — удивился другой.— Давай, Дорат, разрубим его на части и поделим поровну.

— Руки прочь, свиньи! — гаркнул Дорат. Он засунул шар в свою драную овечью шкуру. Недовольный ропот

пробежал в толпе разбойников, но Дорат свирепым взглядом заставил их тут же замолчать. Он склонился над Эйлонви.— Где и у кого ты стянул эту вещицу, юный воришка? Хочешь сохранить на плечах свою голову? Тогда скажи, где спрятаны сокровища вроде этого?

Эйлонви, вся трясущаяся от ярости, однако же, молчала. Дорат усмехнулся.

— Ты заговоришь очень скоро,— сказал он,— и будешь еще сожалеть, что не открыл рот раньше. Но сначала посмотрим, может, у твоего приятеля язык развяжется побыстрее, чем у тебя, упрянца.

Зубы Гурджи громко застучали. Он вжал голову в свои лохматые плечи и замер.

— Ты что, решил поиграть в черепаху? — грубо захохотал Дорат. Он запустил пальцы в волосы Гурджи и рванул его голову вверх.— О, понятно, почему ты прячешь лицо! Не видывал ничего более отвратительного!

Внезапно Дорат умолк и, прищурившись, взгляделся внимательнее.

— Такое уродство не так легко забывается. Эй, да мы старые знакомцы, приятель! Снова пожаловал ко мне в гости? Когда мы последний раз виделись, ты был товарищем свинопаса.— Он искоса взглянул на Эйлонви.— Но на этот раз с тобой не скотник.

Дорат повернул Эйлонви к себе лицом и стал грубо вертеть ее голову перед костром.

— Безбородый мальчишка...— Вдруг он удивленно фыркнул.— Вот тебе на! Совсем ты и не мальчишка! Девушка!

Эйлонви не могла больше сдерживаться.

— Да, девушка! Я Эйлонви, дочь Ангарад, дочери Рега-ты, принцесса из Дома Ллира. Мне не нравится быть связанной, я не люблю, когда меня бьют, и терпеть не могу, когда меня хватают руками! Буду благодарна, если ты немедленно прекратишь все это! — Она изловчилась и, несмотря на тугие путы, сильно лягнула разбойника.

Дорат засмеялся и отошел на шаг назад.

— Теперь я вспоминаю, что лорд Свинопас как-то говорил о тебе.— Он насмешливо поклонился.— Добро пожаловать, принцесса Злюка! Ты гораздо лучший приз для меня, чем просто выкуп! Глубокая пропасть пролег-

ла между мной и твоим скотником. И ты мне доставишь удовольствие преодолеть ее!

— Я доставлю тебе удовольствие освободить меня и Гурджи,— крикнула Эйлонви.— И я немедленно получу назад свой шар!

Лицо Дората побагровело.

— Я освобожу тебя через некоторое время, моя хорошенькая принцесса,— процедил он сквозь зубы,— но ты уже не будешь такой хорошенькой. Вот тогда ты будешь уже подходящей компанией для скотников и свинопасов. Возможно, твой приятель и узнает тебя, вспомнит твое бывшее очарование, если от него что-нибудь останется! Здорово не терпится мне полюбоваться на вашу встречу.

— Не поздоровится тебе при встрече с Тареном!— вскричала Эйлонви.

Однако если до этого времени она еще сохраняла хладнокровие, то теперь, после угрожающих слов Дората, впервые была сильно и по-настоящему напугана. А тот холодными глазами разглядывал принцессу, и она словно бы читала в этих жестоких глазах отвратительные мысли разбойника.

— Лорд Свинопас и я сведем наши счета, когда придет время,— ответил Дорат. Усмехаясь, он склонился над ней.— Но твое время пришло.

Крепко связанный Гурджи дико рвался и дергался.

— Не вреди мудрой и доброй принцессе!— верещал он.— О, Гурджи заставит тебя заплатить за все твое вредное зло!— Он вдруг подкатился к Дорату и вонзил зубы ему в ногу.

Выкрикивая проклятия, Дорат выхватил меч и занес его над Гурджи. Эйлонви пронзительно закричала.

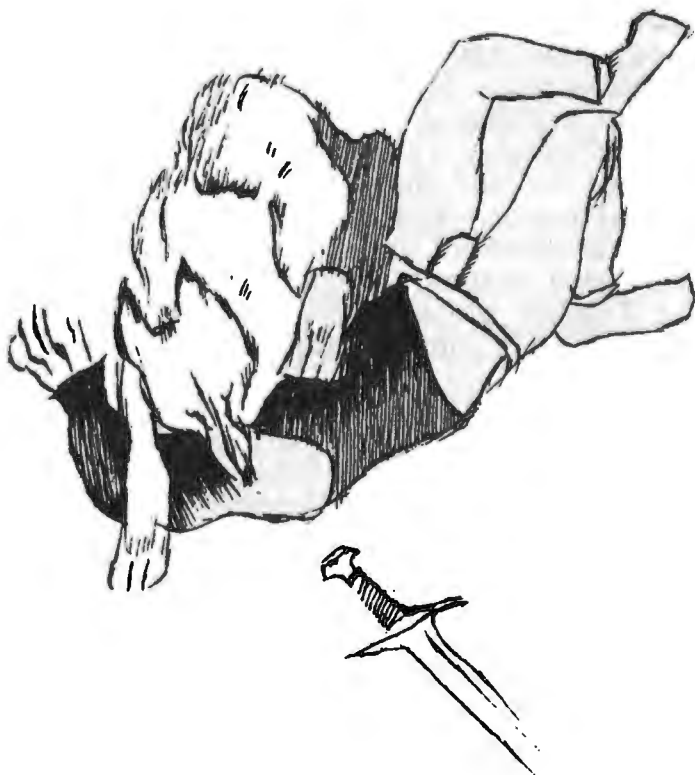
Но прежде чем разбойник успел нанести удар, из-за темной нависающей скалы вылетела длинная серая тень. Дорат придушенно вскрикнул, уронил меч и опрокинулся на спину. Громадная тень, навалившаяся на него, яростно ворчала и рвала его горло. Остальные разбойники отскочили от костра и вопили от ужаса. Серые тени мелькали повсюду, быстро окружая их. Тщетно пытались разбойники спастись, убежать от них. Поджарые, ловкие, сильные тени кидались на них, теснили со

всех сторон, валили на спину, и острые клыки безжалостно рвали их тела.

Гурджи вопил не переставая.

— Помогите, о, помогите! О, злые духи пришли убить нас всех!

Эйлонви попыталась встать на ноги. Она чувствовала, как кто-то сзади грызет и рвет связывающие ее веревки. Еще через мгновение руки ее были свободны. Она сделала шаг и чуть не упала — ноги были связаны. Но серая тень уже распласталась на земле и чуть ли не единым рывком перервала тугие путы. Перед Эйлонви лежало неподвижное тело Дората. Она быстро опустилась на колени и вытащила свой шар из прорехи в овечьей куртке разбойника. В ее сложенных чашечкой ладонях золотой шар замерцал и осветил огромного волка, лежащего у ее ног. Около костра она увидела и других волков, быстро и бесшумно ускользящих во тьму, туда, откуда они

так неожиданно явились. Они исчезали в темноте и тишине. Эйлонви оглядела недавнее поле ужасной битвы и содрогнулась. Волки хорошо сделали свою работу.

Гурджи освободила серая волчица с белым пятном на груди. Обрадованный таким чудесным вызволением из лап разбойников и оказавшийся вдруг в лапах зверя, Гурджи с недоверием и опаской косился на свою избавительницу. Волчица Бриваэль моргала своими желтыми глазами и словно бы улыбалась ему. Тем не менее Гурджи решил держаться от нее подальше.

Однако Эйлонви не чувствовала ни страха, ни беспокойства. Волк Бринач сидел рядом, внимательно за ней наблюдая. Эйлонви положила ладонь на шерстистую и мускулистую шею зверя.

— Я надеюсь, вы понимаете, как мы вам благодарны,— сказала она.— Впрочем, не уверена, что вы понимаете меня. Всего раз в жизни я встречалась с волками, и было это в долине Медвина.

При этих словах Бринач завыл и по-собачьи завилял хвостом.

— Ага, это тебе понятно,— обрадовалась Эйлонви.— Мед-вин...— еще раз отдельно повторила она.— Там было два волка,— она вдруг захлопала в ладоши,— ну да, именно два! Я не утверждаю, что могу отличить одного

волка от другого с первого взгляда. Но что-то в вас на-поминает мне... В любом случае, даже если это не вы, мы очень рады встрече с вами. Мы признательны вам, а теперь нам пора в дорогу. Хотя я не совсем уверена, что знаю, какая дорога наша. Вы понимаете меня?

Бринач, словно усмехаясь, оскалил зубы. Но не двинулся с места. Он вдруг задрал голову и резко залаял высоким голосом.

Эйлонви вздохнула и покачала головой.

— Мы потерялись и хотим найти своих спутников. Ой, я не знаю, как сказать «Помощник Сторожа Свињи» на волчьем языке!

Гурджи тем временем поднял свою сумку с едой и перекинул ее через плечо. Поняв наконец, что волки не собираются причинять ему зла, он подошел поближе к Бриначу и Бриаваэль и стал разглядывать их с большим интересом. Они, в свою очередь, разглядывали и обнюхивали его с не меньшим любопытством.

Эйлонви обернулась к Гурджи.

— Я уверена, что они хотят помочь нам. Ах, если бы только я могла понять их! Какой толк быть наполовину волшебницей, если ты даже не можешь понять, что пытаются сказать тебе волк? — Эйлонви вздохнула. — Но... но мне кажется, что я начинаю понимать. Я должна! Вот один из них только что сказал: «Расскажи нам!» Я слышу... нет, не слышу... я чувствую это!

Она обратила к Гурджи удивленный взгляд.

— Это совсем не слова. Это будто бы слушаешь не ушами, а слышишь сердцем. Я знаю, что это так, но не могу сообразить, как это у меня получается. И все же, — изумленно добавила она, — это то самое, что говорил мне Талисин.

— О великая мудрость! — вскричал Гурджи. — О умные услышки! Гурджи тоже слышит внутри себя гулкие бульки, когда его бедное брюхо пусто! О горе! Гурджи никогда не постигнет все тайные утайки! Он не умеет слышать так глубоко, как принцесса!

Эйлонви присела рядом с Бриначем. Торопясь, она выложила все, что произошло с ней, с Тареном, со всеми остальными их спутниками. Бринач наострил уши и резко пролаял. Затем огромный волк поднялся, стрях-

нул с лохматой шкуры снег и осторожно дернул Эйлонви за рукав.

— Он требует, чтобы мы следовали за ним,— сказала Эйлонви.— Пойдем, Гурджи, мы теперь в надежных руках, то есть, я хотела сказать, в лапах.

Волки бежали быстро и молча, скользя по таким скрытым и невидимым тропам, которые ни Эйлонви, ни даже Гурджи никогда бы не обнаружили. Они пытались попадать в ногу с Бриначем, не отставать, но все же часто им поневоле приходилось останавливаться и делать небольшую передышку. И волки терпеливо и, казалось, снисходительно поджидали, пока их неторопливые спутники снова поднимутся и пойдут следом. Бринач растягивался на земле рядом с Эйлонви, его серая голова лежала между лап, и, хотя глаза его закрывались, словно бы в полудреме, поднятые острые уши настороженно вслушивались в тишину и вздрагивали от каждого самого слабого звука. Бриаваэль тоже попеременно служила то часовым, то проводником. Она легко вспрыгивала на острые каменные выступы, пригнувшись, затем почти незаметным движением головы звала путников за собой.

Остальных волков стаи Эйлонви почти не видела на протяжении всего пути. И все же, очнувшись от мгновенной дремоты на очередном привале, она вдруг обнаружила, что лежит в кругу охраняющих ее волков. Но стоило им двинуться в путь, как поджарые серые звери исчезали, превращаясь в бесшумные тени, изредка мелькающие то впереди, то позади них. Рядом оставались только Бринач и его волчица. Однако вскоре девушка поняла, что волки не были единственными живыми существами в холмах Бран-Галедд. Как-то раз она увидела медведей, неуклюжедвигающихся цепочкой вдоль хребта. На мгновение они остановились, с любопытством поглядели в их сторону и продолжили свой путь. Часто она слышала, как в холодном чистом воздухе разносится отдаленный лай лисиц, раздаются и множатся эхом какие-то голоса, словно бы подающие непонятные ей сигналы.

— Они здесь повсюду,— шепнула Эйлонви на ухо Гурджи, указывая на голую вершину, где неожиданно появился и застыл высокий олень.— Интересно, а

сколько шаек разбойников бродит вокруг? Если бы медведи и волки могли рассказать. Уверена, что подобных разбойных шаек здесь немало.

Волк Бринач глянул на Эйлонви, будто расслышал и понял ее слова. Он свесил язык и заморгал желтыми глазами. Губы его поднялись, обнажился ряд сверкающих острых зубов. Волк будто бы приветливо и понимающе улыбался.

Они продолжали идти вперед. Вечером Эйлонви зажгла свой шар и подняла его над головой. В золотых лучах она увидела целую волчью стаю, присоединившуюся к ним опять идвигающуюся длинными цепочками по обеим сторонам. Серые тени тут же отпрянули в темноту, за пределы изливающегося от золотого шара яркого света. Она увидела и медведей, движущихся за ними следом. Другие лесные существа, почти невидимые, мелькали то тут, то там. И не видя, она чувствовала их присутствие.

В холмах Бран-Галедд было много смертельно опасных мест. Но об этом ни принцесса Эйлонви, ни Гурджи не ведали, потому что миновали их в сопровождении своих надежных и молчаливых стражей.

Утром следующего дня Бриаваэль, которая проводила большую часть времени где-то впереди, разведывая тропинки, вдруг вернулась настороженная и чем-то явно возбужденная. Волчица вскочила на высокий камень, повернулась мордой на запад и завиляла хвостом, словно бы поторапливая спутников и требуя ускорить шаг.

— Мне кажется, она нашла Тарена! — вскричала Эйлонви, обнимая Гурджи. — Я не совсем понимаю, что они говорят между собой, но звучит все так, будто они и впрямь видели его! Подожди-ка, дай послушать... Люди и лошади... горная кошка... Это, должно быть, Ллиан! Но что это они все делают в этих местах? Неужели опять возвращаются в Багровые Земли?

Ни Эйлонви, ни Гурджи не могли скрыть своего нетерпения вновь увидеть друзей и соединиться с ними. Они даже отказывались теперь от отдыха. А Гурджи готов был остаться без еды, лишь бы не задерживаться ни

на миг. Они торопились, забегали вперед, и Бриначу не раз приходилось хватать Эйлонви за плащ, чтобы девушка не свалилась в расщелину, не скатилась с крутого ската. Вскоре они добрались до края глубокой горной чаши. Вскрик радости сорвался с губ Эйлонви.

— Я вижу их! Я вижу их! — Она показывала рукой вниз, в самую середину просторной долины. Гурджи подбежал к ней и стал возбужденно прыгать.

— О, это добрый хозяин! — выкрикивал он. — О да, и смелый бард! Они не больше, чем муравьи, но острый глаз Гурджи видит их!

Крошечные фигурки мельтешили так далеко от них, что, только напрягая зрение, Эйлонви могла узнать Тарена и Ффлевддур рядом с Ллиан. Она понимала, что на длинный и трудный спуск в долину придется потратить весь остаток дня, а ей так хотелось добраться до своих друзей еще до наступления ночи. Она уже готова была съехать вниз со скользкой скалы, как по льду, как вдруг остановилась.

— Что это они делают? — в недоумении вскричала Эйлонви. — Ведь они сейчас уткнутся прямо в неприступную каменную стену! Ой, там, кажется, вход в пещеру! Смотри, вон исчез последний всадник. Теперь я никого не вижу. Если это и впрямь пещера, то она, должно быть, самая большая в Прайдене. Ничего не понимаю. Это просто щель? Или тоннель в скале? Ах, какая досада! Ты же знаешь, если уж Помощник Сторожа Свины вобьет себе что-нибудь в голову, его не удержишь. Исчезает как раз в тот самый момент, когда его нашли!

Эйлонви принялась поспешно спускаться по крутому склону. Но как она ни торопилась, расстояние до утопающей в мареве долины не уменьшалось, а спуск казался бесконечным. Даже с помощью ловких и сильных Бринача и Бриавазль они прошли не более половины пути, когда солнце начало быстро падать за изрезанный хребет на западе гор. Тени стали удлиняться и затопили почти всю долину внизу. Внезапно Бринач остановился, в горле его заклокотал угрожающий рык. Шерсть его поднялась дыбом, а зубы оскалились. Глаза волка были прикованы к долине, и челюсти злобно щелкнули. В следующее мгновение и Эйлонви увидела то, что заставило волка остановиться. Из-за скал, окружавших долину, появилась колонна воинов и стала быстро двигаться на запад.

Бриавазль глухо завывала. В голосе волчицы Эйлонви уловила страх и ненависть. И она поняла причину.

— Охотники! — ахнула девушка. — Их сотни, и они возвращаются в Аннувин. О, надеюсь, что они не обна-

ружили следов Тарена, хотя похоже, что он, скрывшись в пещере, уже в безопасности.

Но не успела она произнести это, как движение у дальней стороны стены заставило ее испуганно прикрыть рот ладонью. В длинной глубокой тени различила она появляющиеся одна за другой крошечные фигурки Тарена и воинов его отряда.

— Ох,— в ужасе выдохнула она,— они выходят опять!

Сверху девушка могла окинуть взглядом сразу всю долину, и, внезапно похолодев, она поняла, что воины Коммотов и еще невидимые им Охотники быстро приближаются друг к другу.

— Они попадут в ловушку! — вскричала Эйлонви.— Тарен! Тарен!

Эхо умерло, увязнув в заснеженном пространстве. Тарен не мог ни слышать, ни видеть ее. Тьма теперь затопила всю долину, и девушка не смогла бы даже увидеть неизбежную стычку двух враждебных отрядов. Она ничем не могла помочь друзьям. А их, ничего не ведающих, ожидала кровавая резня. Эйлонви чувствовала себя так, будто ей связали руки и лишили голоса.

Все еще безнадежно выкрикивая имя Тарена, Эйлонви выхватила из плаща золотой шар и подняла его высоко над головой. Шар разгорался все ярче и ярче. Волки испуганно отпрянули и отвернулись от слепящего света. Гурджи закрыл глаза ладонями. Золотые лучи росли, расходились веером и устремлялись к облакам, как будто само солнце вернулось и вырвалось из-за гор. Темные утесы и черные ветви деревьев были облиты светом, сияющим и чистым. В долине стало светло как днем.

Глава пятнадцатая

ЛЕДЯНАЯ РЕКА

Под внезапно вспыхнувшим и залившим долину золотым светом Охотники в тревоге остановились. Волна страха прокатилась по колонне. Они дрогнули и отступили под защиту глубокого ущелья. Это движение не ускользнуло от внимательного взгляда Тарена. Он мгновенно понял, в какую страшную ловушку чуть было не завел воинов Коммотов. И тут же издал крик радости.

— Эйлонви!

Он уже готов был пришпорить Мелинласа и, невзирая на опасность, понестись через долину к подножию гор. Но Ффлевддур удержал его за руку.

— Спокойней! Спокойней! — прикрикнул на него бард. — Она нашла нас и теперь не потеряется. Клянусь Великим Белином, это свет от золотого шара девушки. Она спасла нам жизнь. Гурджи конечно же с ней. Но если ты поскачешь туда сломя голову, то, уверяю тебя, никто из вас уже не вернется. Мы увидели Охотников, но и они вряд ли могли не заметить нас.

Доли вскарабкался на большой валун и стоял, пристально наблюдая за отступающими Охотниками. Сигнальный свет Эйлонви померк так же быстро, как и появился, и в следующий миг зимняя тьма снова сожрала долину.

— Отлично! — ворчал карлик. — Хуже не придумаешь! Спасись из пещеры, чтобы быть пойманными, как зайцы, на поверхности! Рудник теперь для нас закрыт, а другой дорогой неделя ходу, не меньше. И даже если бы и нашлась дорога покороче, нам ею не воспользоваться. Потому что армия Охотников перекрыла нам все пути.

Ффлевддур вытащил свой меч.

— Я бы предложил напасть на них первыми! Эти гадкие злодеи здорово трусили. Им теперь не до драки. Мы насядем на них неожиданно. Клянусь Великим Белином, вот этого-то они от нас и не ожидают!

Доли презрительно фыркнул.

— Каменный обвал там, в штольне, наверное, потряхнул из твоей головы все мозги! Броситься на Охотников? Убить одного и сделать остальных еще сильнее? Даже воины Красивого Народа крепко подумают, прежде чем нападать на этих разбойников. Нет, друзья мои, это не решение.

— Когда я был великаном, — вставил Глю, — мне было проще простого обратить их в бегство. Однако не по моей вине, замечу, времена переменялись, и не могу утверждать, что все переменялось к лучшему. На Моне, например, я как-то раз решил проучить этих дерзких бесстыдных летучих мышей. Вы только послушайте, это интересный рассказ...

— Умолкни, хилый коротышка, — приказал бард. — Ты уже достаточно наговорил и еще больше натворил.

— Вот-вот, переложи на меня всю вину, — засопел Глю. — Это конечно же по моей вине был украден меч Гвидиона, по моей вине скрылись Дети Котла, по моей вине произошли все остальные несчастья...

Бард предпочел не отвечать на бесконечный скулеж бывшего великана. Тарен отвел воинов Коммотов под защиту входа в тоннель, а сам вернулся к Ффлевддуру и Доли.

— Боюсь, что Доли прав,— сказал он.— Напав на Охотников, мы только потеряем людей. А нас и так мало... Мы слишком промедлили и уже, опасаясь, не сможем помочь Гвидиону. Нет, нужно найти какой-то способ обойти Охотников и попытаться настичь Детей Котла.

Доли с сомнением покачал головой.

— И опять это не решение. Они знают, что мы здесь, и тут же заметят, если мы попытаемся двинуться с места. Единственное, к чему они стремятся, так это выследить и остановить нас. Именно поэтому я не удивлюсь, если они сами нападут на нас до рассвета. Пощупайте свои шкуры, друзья мои. Возможно, вы в последний раз видите их целыми.

— Доли,— горячо воскликнул Тарен,— ты единственный, кто может помочь нам сейчас. Не отправишься ли ты в лагерь Охотников? Разузнай все, что сумеешь, об их планах. Я знаю, как ты себя чувствуешь, делаясь невидимым, но...

— Невидимым! — вскричал карлик, сжимая кулаки.— Я ждал, что рано или поздно до этого дойдет дело. Так всегда бывает! Добрый старый Доли! Сделайся невидимым! Но я не уверен, что сумею сделать это еще раз. Уж очень я старался забыть, как это делается. И у меня болят от этого уши. Лучше уж я набью свою голову шершнями и осами! Нет, нет, это даже не обсуждается. Проси все, что хочешь, только не это.

— Добрый старый Доли,— улыбнулся Тарен,— я так и знал, что ты согласишься.

Немного еще поломавшись и поизображав отчаянное нежелание превращаться в невидимку, которое не обмануло никого, кроме разве него самого, карлик тряхнул своими темно-красными волосами и согласился. Доли зажмурил глаза, глубоко вздохнул, как будто собирался нырнуть в ледяную воду, и, задрожав полупрозрачным маревом, исчез из виду. И если бы не приглушенное ворчание раздраженного карлика, Тарен посчитал бы, что Доли уже давно нет рядом. Только слабый шорох гальки, осыпающейся под невидимыми ногами, подсказал Тарену, что карлик вышел из тоннеля и двинулся в сторону притаившихся врагов.

Войско Красивого Народа заняло наблюдательные посты, расположившись широким полукругом на подступах к тоннелю, где их острые глаза и чуткие уши могли уловить любое неясное движение или тревожный звук. Тарен был просто изумлен, насколько эти маленькие воины могли быть незаметными, неслышными и словно бы невидимыми, как Доли. Их белое одеяние делало их похожими на покрытые ледяной коркой камни или присыпанные снегом кочки, освещенные только что выглянувшей из облаков луной. Всадники Коммотов дремали, прижавшись к своим лошадям, чтобы хоть немного согреться. Глю свернулся клубком неподалеку. Под навесом тоннеля, прислонившись спиной к каменной стене, сидел Ффлевддур. Одна рука его лежала на арфе, другая покоилась на шее растянувшейся рядом и мирно мурлыкающей Ллиан.

Закутавшись в плащ, Тарен все еще безотрывно и с надеждой глядел на крутой склон горы, где накануне вспыхнул сигнальный свет Эйлонви.

— Она жива, — шептал Тарен. — Жива, жива, — бормотал он вновь и вновь, и сердце его билось сильнее, когда он произносил эти два слова.

Гурджи наверняка должен быть с ней, в этом Тарен почему-то был уверен. Они выжили, они спаслись, твердил он себе. В холодном воздухе послышался ясный протяжный вой волка. Доносились и еще какие-то звуки, похожие на чьи-то голоса, но он не придавал им никакого значения, захваченный мыслями об Эйлонви и своем лохматом друге.

Прошло не менее половины ночи, когда вновь появился и проявился, стал видимым Доли. Слишком возбужденный и взволнованный, чтобы жаловаться на жужжание и боль в ушах, карлик кивком дал понять, чтобы Тарен и Ффлевддур следовали за ним. Приказав всадникам быть настороже, Тарен поспешил за приятелями. Воины Красивого Народа уже длинными рядами семенили за Доли, по-прежнему молчаливые и неслышные, как снежные тени.

Поначалу Тарен решил, что карлик хочет отвести их прямо в лагерь Охотников. Но вместо этого, немного не доходя до вражеского лагеря, Доли свернул в сторону

и стал карабкаться по склону на крутой холм, высоко поднявшийся над ущельем.

— Охотники все еще здесь,— приговаривал Доли, задышавшись от быстрого подъема.— Но они застряли не по своей воле. У нас есть друзья, о которых мы и понятия не имели,— волки и медведи. Все они собрались вдоль подножия гор, окруживших ущелье. Отряд Охотников попытался выбраться из кольца. Хорошо, что они не видели меня, иначе мне не пришлось бы сейчас рассказывать вам все это. Но зато их заметили и видят! Медведи добрались до них первыми. Быструю работу сделали они. И такую же кровавую.

— Они убили кого-то из Охотников? — нахмурился Тарен.— Но тогда каждый из оставшихся стал вдвое сильнее!

— Так оно и есть, вероятно,— ответил Доли.— Но медведи и волки справятся с ними лучше, чем мы. Не думаю, что Охотники решатся напасть на нас сегодня ночью. Они боятся зверей и останутся в ущелье до утра. А я только этого и жду. Мне кажется, я кое-что придумал.

К этому времени они уже добрались до вершины холма и подошли к краю скованного льдом озера. Берег его обрывался крутым отвесным утесом, с которого недвижно падал заледеневший и сверкающий под луной водопад. Бесчисленными пальцами огромного кулака нависали над склоном гигантские сосульки, будто бы сжимая чашу озера в ледяной руке. Река из тяжелого застывшего серебра стекала, изгибаясь, вниз к ущелью, где нашли прибежище Охотники. Тарен заметил их костры, мерцающие в темноте, словно мрачные глаза чудовищ. Ему показалось, что среди камней и низкорослых кустов чуть повыше того места, где он стоял, шевелятся призрачные тени и мелькают чьи-то быстрые тела. Вероятно, это и были волки и медведи, о которых говорил карлик.

— Вот,— сказал Доли.— Что вы об этом думаете?

— Что я думаю? — рассердился бард.— Я думаю, что это ты, а не я растерял свои мозги в руднике. Ты тащил нас за собой, мы карабкались на такую верхотуру! И для

чего? Не самый подходящий момент, чтобы любоваться красотами природы!

Карлик упер руки в бока и окинул Ффлевддур возмущенным и презрительным взглядом.

— Иногда я с удовольствием бы припомнил слова короля Эйддилега о вас, людях. Ты что, не видишь дальше собственного носа? Вообще ничего не видишь? Мы же почти над этими разбойниками! Всколыхни озеро! Освободи водопад! Пусть он льется вниз! Прямо на лагерь Охотников!

У Тарена перехватило дыхание. Сердце его забилося надеждой. Но в следующее мгновение он покачал головой.

— Затея слишком рискованная и почти невозможная. Скорее лед увлечет нас вниз, чем мы его разрушим.

— Тогда мы растопим его! — вскричал карлик. — Срезайте ветви, кусты, рубите деревья! Все, что может гореть. Там, где лед слишком толстый, его надо раскрошить. И не отчаиваться! Сколько раз можно напоминать вам: вы имеете дело с Красивым Народом!

— Неужели это и в самом деле возможно? — прошептал Тарен.

— Стал бы я предлагать, если бы не был уверен! — фыркнул карлик.

Ффлевддур восхищенно присвистнул.

— Твой ум больше тебя, старина! Клянусь Великим Белином, если бы нам удалось растопить водопад или расколоть лед, мы избавились бы от этих злодеев раз и навсегда!

Доли больше не слушал барда. Он быстро и отрывисто отдавал команды воинам Красивого Народа, которые тут же вытащили свои топоры и с невероятной скоростью принялись крушить и кромсать кусты и деревья, выкорчевывать подлесок и нестись с огромными охапками дров к озеру.

Отбросив сомнения в сторону, Тарен вытащил меч и тоже принялся рубить ветви. Ффлевддур в поте лица трудился рядом с ним. Их дыхание, вылетая из хрипящих глоток, застывало и белым паром висело в воздухе. Топоры Красивого Народа звенели о зеркальную гладь заледеневшего водопада. Доли носился среди

воинов, то подбрасывая в громадную, быстро выраставшую кучу ветки, то выворачивая камни и валуны, чтобы устроить прямой и гладкий желоб для будущего ледяного потока.

Ночь быстро исчезала. Тарен уже просто шатался от усталости. Его оокоченевшие руки саднили и кровоточили. Ффлевддур с трудом держался на ногах. Но воинам Красивого Народа, казалось, все было нипочем, усилия их не ослабевали. Перед самым рассветом гладь озера была завалена горами веток и древесных стволов, торчащих во все стороны, как будто на льду вырос густой лес. И только тогда Доли удовлетворенно хмыкнул и остановил работу.

— Теперь мы всё это подожжем,— крикнул он Тарену.— Факел Красивого Народа загорается мгновенно и горит ярче и жарче, чем любой из тех, что делаете вы, люди.

Карлик пронзительно свистнул. Вдоль всего озера тут же вспыхнули факелы Красивого Народа, и тут же они взлетели в воздух круговым фейерверком и мелькнули падающими звездами. Тарен увидел, как первые языки пламени взвились и стали лизать кучи хвороста и веток. Яростный треск ударил в уши Тарену, и сквозь него доносились крики Доли, который приказывал всем отойти подальше от пылающего озера. Волна жгучего жара, будто из отверстой печи, опалила Тарена, клубы дыма окутали его и ослепили. Он отшатнулся и нащупал ногами опору среди камней. Лед начал плавиться. Тарен слышал шипение утолявшего жажду пламени. Сочившаяся из-под льда вода сглатывала огненные языки, но огонь, слишком уже высокий и сильный, чтобы сдаться, бушевал еще жарче. У самого обрыва послышался треск, грохот и рев валунов, сдвигающихся с места под напором только что рожденного потока. И в следующий момент, словно ворота, содранные с петель, или рушащаяся стена, скалистые берега раздвинулись и по извилистому короткому руслу рванулся освобожденный от ледяных оков ревущий водопад. Бешеная река смывала и ломала всё на своем пути. Огромные глыбы льда громыхали вниз по склону, подпрыгивая и крутясь с такой скоростью, будто это были мелкие камешки и галька. Быстрый поток нес на себе горящие ветви, пылаю-

щие бревна. Над всем этим летящим вниз месивом вздымались и кружились облака искр и пара. Пылающий водопад кидал грозные отблески по всей долине.

Внизу, в ущелье, спокойно спавшие Охотники вскакивали, кричали, сшибались и в дикой панике носились среди груд камней, пытаясь выскочить из ловушки. Но было слишком поздно. Пылающая вода накрывала их с головой, несомые ею валуны сбивали с ног. Издавая пронзительные вопли, посылая в воздух бессильные проклятия, они падали под безжалостным и могучим каскадом, который сминал их или поднимал и кидал, как щепки, на острые скалы. Некоторым все же удалось вскарабкаться на изрезанные каменными морщинами скалы. Но Тарен видел, как тут же из щелей, из-за висящих над ущельем громадных камней выскальзывали темные быстрые тени и рвали, грызли, душили цепляющихся за выступы и вопящих Охотников. Да, настала очередь зверей отомстить тем, кто подстерегал их всегда и всюду и безжалостно убивал.

Тишина упала в ущелье как бы мгновенно. В рассветном полумраке мерцала темная вода, заполнившая ущелье. Некоторые из ветвей и стволов еще тлели, вы-

брасывая короткие языки пламени, раскаленные уголья дымились, погружаясь в воду. Серый дымный туман висел над долиной. Грохот ссыпающихся с откоса камней заставил Тарена быстро обернуться. Он непроизвольно выхватил меч.

— Привет! — сказала Эйлонви. — Вот мы и вернулись.

— Странная у тебя манера приветствовать людей, — хмыкнула Эйлонви, глядя на застывшего с разинутым ртом Тарена. Тот от переполнившей его радости не мог вымолвить ни слова и безмолвно пожирал ее глазами. — Ты мог бы наконец сказать что-нибудь.

Гурджи, визжа и подпрыгивая, крутился рядом, желая поздороваться со всеми сразу. Тарен порывисто шагнул к Эйлонви, обнял ее и притянул к себе.

— Я уже перестал надеяться...

— И очень глупо, — ответила Эйлонви. — Что касается меня, то я и не собиралась терять надежду. Хотя, согласна, несколько неприятных моментов этот разбойник Дорат мне доставил. Я могла бы порассказать вам о волках и медведях такие истории, что вы и не поверите. Припасу их на другое время, а прежде вы расскажете мне все, что приключилось с вами. Что же касается Охотников, — весело продолжала она, направляясь вместе со всеми к тоннелю, — то я видела всё сама. Сначала я никак не могла уразуметь, что же вы собираетесь делать. А потом поняла. Это было восхитительно! Да, мне надо было раньше догадаться, что это дело рук Доли. Добрый старый Доли! О, это было грандиозное зрелище! Река пылающего льда! — Принцесса внезапно замолчала, глаза ее широко и изумленно распахнулись. — Да вы сами-то понимаете, что сотворили? — прошептала она. — Вы знаете, что сделали?..

— Знаем ли мы? — засмеялся Ффлевддур. — Конечно! Мы избавились от Охотников, и это было отлично сделано! Даже Ффлевддур Пламенный не мог бы сделать лучше! Ты видела? А вот я доволен тем, что не смогу больше увидеть. Ясно? Я не увижу больше ни одного Охотника! Ни единого следа не осталось от этих злодеев!

— Пророчество Хен Вен! — воскликнула Эйлонви. — Часть его осуществилась! Разве вы забыли? «НОЧЬ

**СТАНЕТ ДНЕМ... РЕКИ ОХВАЧЕНЫ БЕЛЫМ И СТЫ-
ЛЫМ ОГНЕМ...**» Ведь вы подожгли воду, и стылая вода
вперемешку с горящими ветками хлынула вниз! Вот что
означает этот белый огонь!

Тарен внимательно посмотрел на принцессу. Ее сло-
ва оживили в его памяти пророчество.

— Ты видела то, что сделали мы. Но разве и ты сама
не сделала столько же? Да тебе и так ясно! Подумай!
«...НОЧЬ СТАНЕТ ДНЕМ...» Твой золотой шар сотворил
дневной свет из тьмы!

Теперь настала очередь Эйлонви удивиться.

— Одно предсказание свершилось! — воскликнула она.

— Да, да, — вскричал Гурджи, — мудрая поросюшка
говорила правду! Мы найдем могущественный меч!

Бард выставил ногу и откашлялся.

— Ффлевддур Пламенный никогда не сомневается, —
важно сказал он, — но все же хочу напомнить вам и дру-
гие слова пророчества: **«ДИРНВИНА ПЛАМЯ РУКА
ПОГАСИЛА. ИСЧЕЗЛА, УТРАЧЕНА ГРОЗНАЯ СИЛА...»**
Если это так и будет, то какой прок от огненного меча,
даже если мы его добудем? К тому же я вспоминаю
что-то о немых камнях, которые заговорили. Не слы-
шал я пока ни одного слова от камней, а их вокруг до-
статочно. Впрочем, признаю, падающие и грохочущие
камни и валуны оказали нам только что добрую услугу,
хотя спать на них все-таки ужасно неудобно. И вообще,
если хотите знать мое мнение, нельзя доверять проро-
чествам. Знаю по опыту, что они так же опасны, как
колдовство, и ведут только к одному: к беде!

— Я и сам не очень понимаю значение прорица-
ний, — признался Тарен. — Дает ли оно нам надежду или
мы обманываем себя, толкуя их на свой лад? Только
мудрость Даллбена или Гвидиона может разгадать их.
И все же у меня есть какое-то неясное, подспудное чув-
ство, что надежде нашей не дано угаснуть. И все же ты
прав, Ффлевддур. То, что нам предстоит, намного труд-
нее пройденного пути.

Доли покривился.

— Труднее? Да оно стало теперь просто невозмож-
ным! Ты еще надеешься достичь Багровых Земель? Я
предупреждаю тебя, что нагнать Детей Котла не удаст-

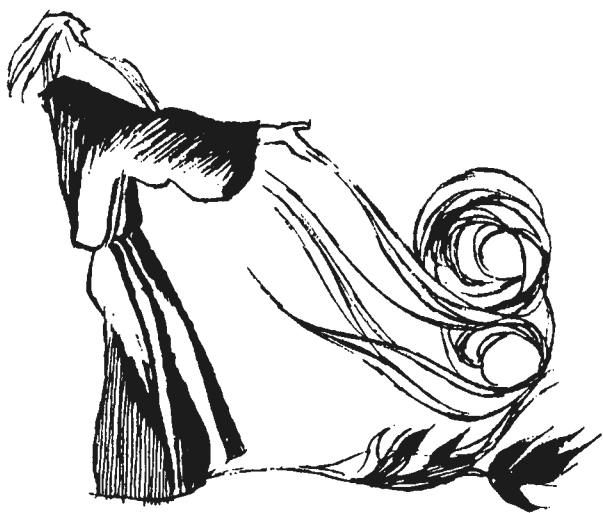
ся.— Он презрительно фыркнул, как обычно.— И хватит болтать о прорицаниях. Лучше потолкуем о времени. Мы и так потеряли его слишком много.

— Я много думал обо всем этом,— тихо сказал Тарен.— С того момента, как обрушился тоннель, это не выходит у меня из головы. Я считаю, что наш единственный шанс — пройти прямо через горы и попытаться задержать Детей Котла, когда они будут поворачивать на северо-запад, в Аннувин.

— Никудышный план,— возразил Доли.— Красивый Народ не может заходить так далеко. Это запрещенная для нас земля. Слишком близко к королевству Аровна. Красивый Народ умрет там. Придорожный пост Гвистила был самым ближним к Земле Смерти, и вы видели, что произошло с его характером и желудком. Самое большее, что мы можем сделать, так это указать вам дорогу. Один из нас может пойти с вами,— добавил он.— И вы, конечно, можете догадаться, кто будет этим дурнем. Добрый старый Доли! Я провел так много времени на поверхности земли с вами, людьми, что и пребывание в Аннувине не сможет мне повредить.

Он сердито оглядел всех.

— Да, я пойду с вами,— притворно нахмурился карлик.— Не вижу иного выхода. Ха, добрый старый Доли! Иногда мне очень хочется избавиться от своего дурацкого покладистого характера! Хм-хм...

Глава шестнадцатая

ВОЛШЕБНИК

Немощный, ссохшийся, словно малый ребенок, горбился над заваленным книгами столом седой старец. Голова его упала на руки. С костистых плеч свешивался до самого пола поношенный плащ. Огонь в очаге еще теплился, но зимний холод словно бы проникал внутрь его оцепеневшего тела. У ног его беспокойно ворочалась Хен Вен, тоненько и жалобно похрюкивая. Даллбен, который сейчас не спал и не бодрствовал, а находился как бы между сном и явью, протянул медленно руку и ласково почесал ее за ухом.

Свинья не успокаивалась. Ее розовый пяточок подергивался, она неясно что-то бормотала и пыталась спрятать голову в складках свисающего плаща. Наконец волшебник с видимым усилием поднялся.

— Что это, Хен Вен? Неужто пришло наше время? — Он ободряюще потрепал свинью по щетинистой холке. — Что ж, это мгновение, как и любое другое, пролетит и исчезнет, чем бы всё ни кончилось.

Не торопясь он взял длинный ясеневый посох. Опираясь на него и прихрамывая, старец двинулся из хижины. Хен Вен мелко трусила следом. В дверях он поплотнее закутался в плащ и вышел в ночь. В глубоком темном небе застыла полная луна. Даллбен замер, внимательно вслушиваясь в тишину. Другому уху маленький хутор показался бы таким же тихим и безмолвным, как молчаливая луна. Но старый волшебник с нахмуренным лбом и полуприкрытыми глазами к чему-то прислушивался.

— Ты права, Хен Вен,— пробормотал он,— я слышу их. Но они все еще далеко. Значит,— лицо его сморщилось от мгновенной улыбки,— я должен набраться терпения и ждать.

Но он не вернулся в хижину, а сделал несколько шагов по двору. Его глаза, только что затуманенные от старческой дремы, вдруг прояснились и стали яркими, как кристаллы голубого льда. Он остро вглядывался в даль сквозь черные, лишенные крон деревья сада. Тени, переплетенные с голыми ветвями, вились по стволам, словно черные усы плюща. Хен Вен замерла, наблюдая за волшебником быстрыми глазками, в которых застыло беспокойство.

— Их всего двадцать,— заметил Даллбен и тут же поправил себя с кривой улыбкой: — Всего лишь? Да, не много. Однако больше и не могло быть. Большим числом трудно было бы совершить это длительное путешествие. Да и после битвы в долине Истрад их не много осталось. Нет, двадцать — вполне достаточное и разумное число. Не знаю только, считать ли себя оскорбленным или, наоборот, почтённым таким их числом?

Некоторое время старец стоял тихо и неподвижно. Наконец в чистом морозном воздухе послышался отдаленный дробный стук копыт. Он быстро приближался, затем замер, как будто всадники спешили и повели своих лошадей тихим шагом.

На темном поле, видимом сквозь черные стволы деревьев, мелькающие фигуры могли оказаться и просто призрачными тенями, которые отбрасывали колеблемые ветром высокие кусты. Даллбен выпрямился, поднял голову, и глубокий вздох его упал коротким эхом в ближних кустах чертополоха.

В следующее мгновение резкий порыв ветра, будто бы подхвативший этот неясный старческий вздох, с визгом и свистом пролетел по сжатому заснеженному полю. Хутор был спокоен, но ветер, родившийся здесь, летел в сторону леса и звенел оледенелыми ветвями, словно тысяча стрел осыпалась на замершие деревья. Лошади заржали. Люди вскрикнули от удивления, когда ветки дождем посыпались им на головы. Ветер наотмашь бил в лица воинов, которые пытались защититься от него поднятыми руками.

И все же небольшой воинский отряд продвигался вперед, с трудом преодолевая гудящий ветром лес, и достиг наконец открытого поля. При следующем бешеном порыве ветра Хен Вен испуганно завизжала и, крутя хвостиком, юркнула в хижину. Даллбен поднял руку, и ветер умер так же быстро, как и родился. Хмурясь, старец одним хлестким ударом вонзил свой ясеневый посох в мерзлую землю.

В небе заклокотал глухой гром. Земля задрожала, и поле вдруг стало зыбиться и качаться, как вспугнутое штормом море. Воины зашатались и попадали на землю. Многие из них кинулись к лесу, опасаясь, что вот-вот земля под ногами разверзнется и поглотит их. Остальные, подбадривая один другого, выхватили мечи и неверными шагами устремились к хижине.

Немного раздосадованный этим упрямством, Даллбен выбросил вперед руку с растопыренными пальцами, будто кидал горсть камешков. С его ладони сорвалась темно-красная лента пламени и огненным хлыстом упала на поле, рассекая черное небо над головой.

Воины в ужасе завопили, когда пылающая паутина опутала их ноги и руки. Лошади вырвались и безумным галопом унеслись в лес. Люди побросали оружие и стали яростно срывать с себя пылающие куртки и плащи. Крича от боли и страха, они один за другим устремились в лес и таяли в ночи. Издалека доносились лишь затихающие крики и замирающий топот ног.

Языки пламени исчезли, словно бы убрались в черную пасть ночи. Даллбен уже собирался возвратиться в хижину, как вдруг заметил одинокую фигуру, все еще упрямо движущуюся через поле. Встревоженный, старец подхватил свой посох и захромал к хижине. Воин уже шагал мимо конюшен, направляясь во двор. Шаги его громыхали по замерзшей земле, преследуя Даллбена. Не успел старец затворить за собой дверь, как воин ворвался следом за ним в хижину. Даллбен резко обернулся, чтобы взглянуть в глаза своему противнику.

— Остерегайся! — вскричал волшебник. — Остерегайся! Не подходи ближе!

Даллбен распрямился. Глаза его пылали. Голос звенел. Воин на мгновение заколебался. Капюшон его откинулся на спину, неровные отблески огня в разгорев-

шемся вдруг очаге заиграли на золотистых волосах, осветили гордые черты лица Прайдери, сына Пвилла.

Даллбен не отвел взгляда.

— Я давно ожидал тебя, властитель Западных Земель.

Прайдери подался вперед, словно бы собирался сделать еще шаг. Рука его легла на рукоять обнаженного меча, заткнутого за пояс. И все же твердый взгляд старца остановил его.

— Ты ошибся, называя меня королем лишь Западных Земель,— насмешливо сказал Прайдери.— Теперь я управляю более обширным королевством. Всем Прайденон!

— Неужели? — притворно удивился Даллбен.— Разве Гвидион из Дома Доны больше не Верховный король Прайдена?

Прайдери хрипло рассмеялся.

— Король без королевства? Ободранный король, за которым охотятся, как за лисой? Каер Датил пал. Сыновья Доны развеяны, как увядшие листья ветром. Это тебе уже, надеюсь, известно? Ведь новости, кажется, доходят до тебя быстро.

— Да, очень быстро,— откликнулся Даллбен.— Быстрее, вероятно, чем они доходят до тебя.

— Ты хвастаешь своим могуществом? — презрительно усмехнулся Прайдери.— Может, оно и было у тебя. Но сейчас твои чары оказались бессильны. Они мало помогли тебе. Твои заклинания только и сгодились на то, чтобы испугать кучку трусов. Неужели искусный Даллбен гордится тем, что заставил разбежаться неотесанных мужланов?

— Мои заклинания предупреждают, но не убивают,— возразил Даллбен.— Это место опасно для всех, кто входит сюда против моего желания. Те, кто следовал за тобой, услышали мое предупреждение и поняли его. Увы, лорд Прайдери, ты этого не сделал. Эти, как ты говоришь, неотесанные мужланы мудрее своего короля, потому что нельзя назвать мудрым человека, который ищет своей смерти.

— И вновь ты ошибаешься, колдун,— сказал Прайдери.— Это твоей смерти я ищу!

Даллбен подергал бороду.

— То, что ищешь, и то, что находишь, не всегда одно и то же, сын Пвилла,— тихо сказал он.— Да, ты можешь взять мою жизнь. Это не секрет для меня. Каер Датил пал? Это жалкая победа, поскольку стоит Каер Даллбен. Две неравные крепости стояли против короля Аннувина: золотой замок и хижина крестьянина. Один лежит в руинах. Но другая крепость — моя хижина — все еще остается крепким щитом против зла, и меч все еще устремлен своим острием в сердце Аровна. Повелитель Земли Смерти знает это. И так же хорошо знает он, что не может войти сюда, как и его Охотники и Дети Котла.

Заметив презрительную ухмылку на лице Прайдери, Даллбен добавил:

— Вот почему сюда пришел ты: исполнить приказ своего хозяина.

Вспышка гнева исказила красивое лицо короля.

— Я сам себе хозяин! — вскричал он.— Да, мне дана власть над Прайденем! Но правлю я сам! Я не Охотник, который убивает ради удовольствия, просто из страсти убивать. Я делаю то, что должно быть сделано, и не уклонюсь от этого. Моя цель выше, важнее и значимее, чем жизнь одного человека или даже тысячи людей! И если ты должен умереть, Даллбен, то так и будет.

Прайдери выхватил меч из-за пояса и молниеносно обрушил его на старца. Но Даллбен не отшатнулся. Защищаясь, он выставил свой ясеневый посох. И каленый клинок Прайдери разлетелся на куски, едва коснувшись сухого дерева. Обломки меча со звоном посыпались на землю.

Прайдери отбросил в сторону бесполезную рукоять. И все же в глазах его был не страх, а ненависть, смешанная с презрением.

— Меня предупредили о твоих силах, колдун. Но я решил проверить это сам.

Даллбен стоял неподвижно.

— Тебя на самом деле предупреждали обо всем? Думаю, что нет. Если бы это было так, ты не осмелился бы встретиться со мной лицом к лицу.

— Твоя сила велика, колдун,— процедил Прайдери,— но не так она велика, как твоя слабость. Секрет твой известен мне. Борись со мной как и чем угодно. В конце концов победителем буду я. Потому что есть то, что не

подчиняется тебе, та черта, за которую ты не можешь, не имеешь права переступить под страхом собственной смерти. Ты хозяин ветров? Да! Ты можешь расколоть землю? Я это видел. Но все это бесполезно, это жалкая игра, если ты не можешь сделать то, что доступно любому воину. Тебе запрещено убивать!

Из складок плаща Прайдерии вытащил короткий черный кинжал, на рукояти которого мрачно сверкала печать Аннувина.

— А на мне нет такого запрета! — зловеще сказал он. — Да, меня предупредили обо всем, и я вооружился так, как надо. Этот клинок я получил из рук самого Аровна. Он не боится твоих заклинаний.

Выражение жалости и глубокой печали появилось на морщинистом лице Даллбена.

— Бедный, глупый человек,— пробормотал он.— Это правда. Оружие Аннувина может взять мою жизнь, и я не сумею остановить твою руку. Но ты слеп, как крот, который роет землю, не ведая, куда идет. Ответь теперь, лорд Прайдер, кто хозяин, а кто раб. Аровн предал тебя.

И снова Прайдер злобно и недоверчиво усмехнулся.

— Да, предал тебя,— холодно повторил старец.— Ты хотел заставить его послужить тебе. И, не желая этого, служишь ему лучше, чем любой из наемников. Он послал тебя убить меня и подсказал верный способ совершить это. Да, ты скорее всего убьешь меня. Но это будет победой Аровна, а не твоей. Он раскусил тебя, хорошо понял твою слабую душу. Исполнив приказ Аровна, ты станешь для него не больше чем бесполезная шелуха от съеденного ореха. Лорд Аннувина прекрасно знает, что я не позволю тебе выйти живым из Каер Даллбен. Ты мертвец, лорд Прайдер, даже если еще стоишь передо мной.

Прайдер занес над старцем черный кинжал.

— Ты пытаешься пустыми словами отвлечь свою смерть, колдун! — воскликнул он.

— Оглянись,— ответил Даллбен.

Пока он говорил, темно-красное зарево полыхнуло в небе, окрасило окна хижины. Широкий пояс огня поднялся от земли и окружил Каер Даллбен. Прайдер дрогнул и отступил.

— Ты поверил полуправде,— сурово проговорил Даллбен.— Смерть от моей руки не грозила ни одному человеку, это верно. Но тот, кто презрел мои заклинания, обрек себя на смерть сам. Убей меня, лорд Прайдер, и языки пламени, которые ты видишь, через мгновение охватят весь Каер Даллбен. Спастишь тебе не удастся.

Золотистое лицо Прайдера посерело. Недоверие в его глазах сменилось страхом от суровых и резких слов волшебника.

— Ты лжешь,— хрипло прошептал он.— Языки пламени умрут вместе с тобой.

— Что ж, проверь это, лорд Прайдер,— спокойно ответил Даллбен.

— У меня есть доказательство! — вскричал Прайдер. — Аровн не стал бы разрушать то, что искал больше всего. Да, ты прав, он поручил мне убить тебя. Но и второе задание было у меня! При всей твоей мудрости ты не отгадал всего! Твоя смерть только половина дела. Второй шаг — добыть «Книгу Трех»!

Даллбен печально улыбнулся и глянул на тяжелый кожаный том.

— Тогда тебя предали дважды. Эта книга не будет служить Аровну, как не послужит ни одному злему делу. Тебе служить она тоже не будет, лорд Прайдер.

Голос старца окреп. От слов его на златовласого короля повеяло холодом.

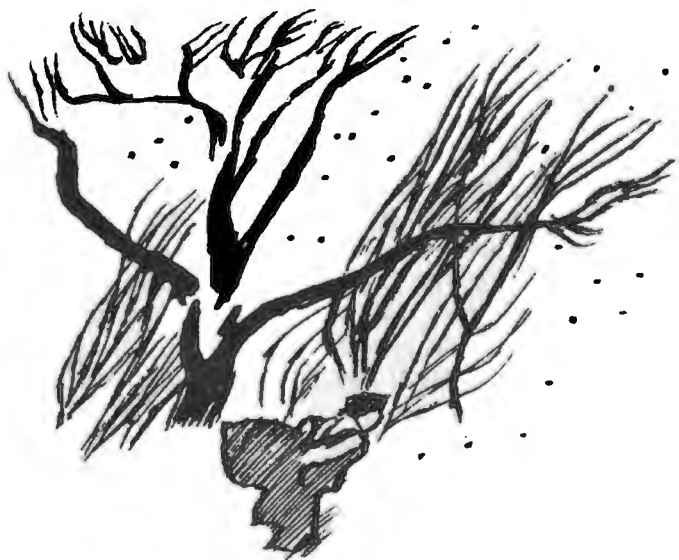
— Ты утопил свои руки в крови и в гордыне своей забыл, что прежние друзья твои будут судить тебя. Ты собирался добром послужить Прайдену? Но избрал для этого путь зла! Добро не может родиться из зла. Ты объединился с Аровном ради благородной цели, не так ли? Ты жестоко ошибся. Теперь ты пленник того самого зла, которое тщился победить. Сначала пленник, а теперь и жертва. Потому что в «Книге Трех» ты уже отмечен как мертвый.

Глаза Даллбена загорелись, и жестокая правда его слов, казалось, сдавила горло Прайдер. Лицо короля стало пепельным. С криком он отбросил кинжал и вцепился в огромную книгу. Руки его отчаянно напряглись, будто он пытался разорвать книгу на две части.

— Не трогай ее! — поспешно выкрикнул Даллбен.

Но было уже поздно. Ослепительная молния полыхнула из-под кожаного переплета книги. Смертельный вопль Прайдер разнесся по всей округе.

Даллбен отвернулся и опустил голову, будто какая-то тяжелая печаль придавила его. Огонь вокруг маленького хутора исчез, и алые отблески растворились в голубоватом свете утра.

Глава семнадцатая

СНЕЖНАЯ БУРЯ

Воины Красивого Народа все, кроме Доли, повернули назад, к высокой оголенной гряде утесов, опоясывающих холмы Бран-Галедд с запада. За границей этой горной линии лежала земля, находившаяся под владычеством и влиянием Аровна, короля Аннувина.

Несколько дней путники мучительно пробирались сквозь дикую каменную пустыню. Здесь не росли даже мхи и лишайники. По низкому мрачному небу грязными пятнами были размазаны тонкие разводы темно-серых облаков. Казалось, ядовитый туман притек из крепости Аннувина и задушил все живое, оставив только эту безжизненную каменную пустыню.

Они мало разговаривали, сберегая силы. В первый же день, ступив на Землю Смерти, путники вынуждены были спешиться и вести усталых лошадей на поводу по коварным извилистым тропам. Даже Мелинлас выказывал признаки усталости, мощное тело коня как-то обмякло, и ступал он шатко и неуверенно. Зато Ллиан

ловко лавировала между самых опасных выступов и проскальзывала в невероятно узкие проходы. Часто, пока путники с трудом шли вниз по крутому склону, чтобы подняться из впадины вверх по еще более крутой тропе, огромная кошка просто прыгала с одного утеса на следующий, и они натывались на нее, спокойно ожидающую, чтобы Ффлевддур почесал ей за ухом. После чего она вновь взвивалась и исчезала за ближайшей скалой.

Доли, крепко вцепившись в свой посох и низко опустив на лицо белый капюшон плаща, шел впереди маленького отряда. Тарен не переставал удивляться необыкновенной выносливости карлика, который шагал не сбавляя шага и притом успевал находить, словно каким-то особым, тайным чутьем, скрытые тропы и узкие незаметные проходы, помогавшие им идти без остановки и сокращать и без того опасный и трудный путь.

И все же через некоторое время шаги Доли, казалось, замедлились. С растущим беспокойством и тревогой Тарен стал замечать, что раз от разу шаг карлика становился все более неуверенным, а сам он все чаще спотыкался и оступался. И, когда Доли вдруг запнулся и припал на одно колено, Тарен кинулся к нему и попытался поднять карлика. Спутники бросились на помощь.

Обычно темно-красное, как от сильного загара, лицо карлика вдруг покрылось серыми пятнами. Он отрывисто дышал, с трудом переводя дух. Доли сам попытался встать на ноги.

— Будь проклято это злобное королевство,— взорвался он,— не выношу его и не могу вынести всю тяжесть затаенного здесь зла. Ну, не мямли! Дай мне руку!

Упрямый карлик, однако, отказался сесть на лошадь, утверждая, что он лучше себя чувствует, когда его ноги ступают по земле. А на предложение Тарена передохнуть Доли только гневно и пренебрежительно фыркнул.

— Я обещал указать тебе дорогу,— ворчал он,— и намерен выполнить свое обещание. Не переношу плохо выполненной работы. Когда Красивый Народ берется за дело, он доводит его до конца.

Тем не менее спустя некоторое время Доли неохотно согласился сесть на Мелинласа. Он неловко съезжал на бок с седла и раздраженно ворчал, когда Ффлевддур помог ему укоротить стремя.

Но даже это послабление сберегло ему силы не долго. Голова карлика вскоре устало упала на грудь, он покачнулся и, прежде чем Тарен успел подбежать и подхватить его, накренился в седле и скатился на землю.

Тарен поспешно подал сигнал остановиться.

— Сегодня мы дальше не пойдем, — решительно сказал он, обращаясь к карлику. — А к утру ты вновь обрешь силы.

Доли покачал головой. Лицо его совсем побелело, а темно-красные глазки потускнели.

— Нет смысла ждать. Никакой от этого пользы, — с трудом выдохнул он. — Я уже слишком долго нахожусь на этой земле. Дальше будет хуже. Мы должны без устали продвигаться вперед, пока я могу вести вас.

— Но не ценой твоей жизни, — возразил Тарен. — Хевидд Кузнец возвратится с тобой к границе Аннувина. А Ллассар, сын Друдваса, поведет нас дальше.

— Не выйдет, — прохрипел карлик. — Без точных знаний Красивого Народа вы будете плутать слишком долго и только потеряете время. Привяжи меня к седлу, — приказал он.

Доли снова попытался подняться, но бессильно откинулся на спину и лежал неподвижно. Его дыхание стало редким и затрудненным, словно он с трудом проталкивал воздух в горло.

Тарен испуганно вскрикнул:

— Он умирает! Быстро, Ффлевддур! Помоги мне поднять его и положить на спину Ллиан. Она самая быстрая из всех наших лошадок. Поезжай с ним назад. Может быть, еще есть надежда спасти его.

— Оставь меня здесь, — слабо выдохнул Доли. — Ты не можешь остаться без Ффлевддура. Его меч стоит десяти. Или девяти, если быть точным. Просто идите вперед как можно быстрее.

— Вот этого я не сделаю, — воспротивился Тарен.

— Глупец! — прохрипел карлик. — Слушай меня внимательно! — Голос его окреп. — Это нужно сделать. Ты кто, в конце концов, предводитель отряда или Помощник Сторожа Свины?

Тарен опустил на колени рядом с карликом, чьи полуприкрытые глаза внимательно следили за ним.

— Неужели надо спрашивать, дружище? — печально улыбнулся Тарен. — Конечно же я по-прежнему Помощник Сторожа Свины.

Тарен поднялся с колен и обернулся к Ффлевддур, который уже снаряжал Ллиан в дорогу. Но когда он повернулся к карлику снова, место, где тот только что лежал без движения, было пусто. Доли исчез.

— Куда это он подевался? — опешил Ффлевддур.

Где-то рядом, из-за валуна, послышался раздраженный голос:

— Здесь! А ты думал где?

— Доли! — закричал Тарен. — Ты же почти умирал, и вдруг...

— Вот именно, вдруг! Я вдруг сделался невидимым. Увидеть это может любой олух, даже будь у него мозгов в голове не больше, чем у меня в кулаке, — фыркнул Доли. — Я должен был сообразить это раньше, вот и все. В прошлый раз в Аннувине я был почти всё время невидимым. Никогда не знал, что это так здорово защищает от злых влияний.

— И сейчас это помогает? — с недоверием спросил Тарен. — Значит, ты решишься идти дальше?

— Конечно, — возмутился карлик. — Мне уже намного лучше. Но придется оставаться невидимым. Сколько смогу выдержать. Вернее, сколько выдержат мои уши. О, они просто набиты шершнями и осами!

— Добрый старый Доли! — вскричал Тарен, тщетно пытаясь нащарить и пожать невидимую руку карлика.

— Никаких благодарностей! — заворчал карлик. — Я делаю это... о, мои уши!.. по своей воле... о, моя голова!.. Ни для одного смертного... о-о-о... в Прайдене не стал бы я... о, не голова, а осиное гнездо!.. только для тебя. И не кричи! Мои уши не выдержат этого!

Посох Доли, который упал на землю, казалось, сам поднялся и, постукивая по камням, двинулся в гору. И Тарен понял, что Доли вновь шагает вперед.

Так и шли они следом за шагающим посохом. А над этим посохом витали вздохи, ворчание и яростное фырканье невидимого карлика. Это было так необычно и забавно, что увлеченные путники не замечали ничего вокруг.

Первым увидел гвитантов Ффлевддур. Вдали над неглубоким ущельем парили три черные тени.

— Что они нашли там? — насторожился бард. — Но что бы это ни было, надеюсь, мы не станем их следующей находкой?

Тарен протрубил в рог боевую тревогу и дал знак своему отряду укрыться среди валунов. Эйлонви, не обращая внимания на окрик Тарена, взобралась на ступенчатый уступ скалы и напряженно всматривалась в ту сторону, где вились гвитанты.

— Не очень уверена, но кажется, они загнали кого-то в ловушку, — сказала она. — Несчастное существо. Долго ему продержаться не удастся.

Гурджи испуганно вжался в землю, словно стараясь превратиться в плоский камень.

— И Гурджи не удастся, если они заметят его, — запричитал он. — Его бедная, слабая голова будет исколевана и искровлена!

— Идемте! Идемте! — кричал Глю. Маленькое личико его сморщилось от страха. — Они заняты своей жертвой! Не останавливайтесь, не делайте этой глупости! Уйдем как можно дальше. О, если бы мне снова стать длинноногим великаном! Только бы вы меня и видели!

Гвитанты все сужали круги и начали медленно опускаться, высматривая свою жертву. Внезапно на краю неба показалась черная туча. Она быстро неслась на гвитантов. От тучи отделилась черная точка, словно бы тянущая всю эту громаду на невидимой нити. И прежде, чем путники успели что-нибудь сообразить, туча рассыпалась на тысячи крылатых хлопьев. Вихрем закружились они над гвитантами и будто бы облепили их. Даже на таком расстоянии Тарен слышал яростные крики огромных птиц, взмывших ввысь навстречу крылатым хлопьям.

Ффлевддур вскарабкался на скалу и стал рядом с Эйлонви. Когда Тарен присоединился к ним, бард вскричал:

— Вороны! Клянусь Великим Белином, никогда не видел так много ворон разом!

Вороны громадными шершнями роились над мечущимися в небе гвитантами. Целая воронья армия! Не обращая внимания на смертоносные костяные клювы, кривые острые когти, бесчисленные стаи ворон долбили, клевали, теснили к земле хлещущих черными крыльями гвитантов. Стоило гвитанту стряхнуть с себя ворох насевших ворон, как тут же на него кидались десятки новых. Гвитанты пытались ускользнуть, ныряя вниз, проносясь так близко от острых выступов скал, что вот-вот могли разбиться о них. Но вороны не отставали. Они били крыльями по глазам, рвали клювами

перья, ударяли грудью о тяжелые тела гвитантов. И те, теряя направление, уже не понимали, куда стремиться, от кого отбиваться.

Наконец в последнем порыве гвитанты ринулись в просвет между стаями и устремились на север. Вороны отчаянно преследовали их и вскоре, слившись снова в тяжелую черную тучу, исчезли за горизонтом. Но одна ворона отделилась от всех и быстро понеслась к путникам.

— Карр! — вскричал Тарен и протянул навстречу вороне руки.

С громким карканьем ворона кинулась вниз. Глаза ее победно блеснули, и она хлопала своими блестящими крыльями, словно петух после удачной стычки. Она трещала не переставая, и из ее горла неся такой сумбурный и бесконечный поток болтовни и вздора, что даже Гурджи зажал уши.

Усевшись на запястье Тарена, Карр, чрезвычайно довольная собой, крутила головой, щелкала клювом и ни на мгновение не прекращала свою болтовню.

После тщетных попыток перекричать хриплые, хвастливые крики вороны Тарен уже потерял надежду узнать хоть какие-нибудь новости от проказливой птицы. Но тут Карр, уже собравшаяся лететь дальше, вдруг взмахнула крыльями, подпрыгнула на его руке и прокричала:

— Ач-чрен! Кор-ролева Ач-чрен!

— Ты видела ее? — взволновался Тарен. Он, по правде сказать, мало вспоминал о когда-то могущественной королеве с того самого момента, как она покинула Ка-ер Даллбен. — Где она?

Ворона отлетела на некоторое расстояние, сделала круг и вернулась обратно, однако не села на руку Тарену, захлопала крыльями над его головой, словно бы needing его последовать за нею.

— Р-рядом! Р-рядом! Гвитанты!

Эйлонви ахнула.

— Так вот что мы видели! — воскликнула она. — Гвитанты убили ее!

— Р-ранена! — прокаркала ворона. — Р-ранена!

Тарен приказал всадникам Коммотов ожидать его, а сам спрыгнул с коня, намереваясь следовать за воро-

ной. Эйлонви, Доли, а вернее его видимый посох, и Гурджи поспешили присоединиться к нему. Глю даже не шевельнулся, заявив, что он уже достаточно сбил ноги и ободрал бока об острые камни и у него нет никакого желания проделать хотя бы десяток лишних шагов ради кого бы то ни было.

Ффлевддур мгновение колебался.

— Надо бы и мне пойти с вами. Вдруг потребуется моя помощь. Понести ее, если ей самой идти не под силу. Но, по чести, это не очень мне нравится. Ачрен хотела идти своей дорогой, и мне кажется, что нам не следует совать нос в ее дела. Не то чтобы я боялся ее. Ффлевддур Пламенный никого...— Струна на его арфе натянулась и задрожала.— Э-э-э, по правде, я дрожу при одном имени этой женщины,— сознался бард, с опаской поглядывая на готовую лопнуть струну.— С того самого дня, когда она кинула меня в темницу, я стал замечать в себе какую-то непонятную неприязнь к этой мрачной красотке. Она не любит музыку, вот что я вам скажу! И тем не менее Ффлевддур Пламенный идет спасать ее!

Скомканной горкой черных лохмотьев распласталось неподвижное тело королевы Ачрен в глубокой трещине между камнями, куда она забилась, пытаясь спастись от гвитантов, их злобных клювов и острых когтей. И все же, как с жалостью заметил Тарен, убежище это оказалось слабой защитой для нее. Ачрен тихо застонала, когда они подняли ее и осторожно вытащили из узкой каменной ниши. Ллиан, которая не отставала от барда ни на шаг, растянулась рядом на земле, и хвост ее беспокойно бил о камни. Лицо Ачрен, осунувшееся и смертельно бледное, было покрыто глубокими царапинами, а руки сплошь испещрены кровоточащими ранами. Эйлонви поддерживала голову несчастной и пыталась привести ее в чувство.

— Придется положить ее на спину Ллиан и так везти через горы,— сказал Тарен.— У меня нет таких трав, которыми я мог бы поднять ее на ноги. Дело не только в опасных ранах. Ее измотала и ослабила лихорадка. Она, по-моему, долго шла без еды и питья.

— Посмотри, башмаки ее износились в клочья,— заметила Эйлонви.— Как же долго должна была она скитаться в этих ужасных местах! Бедная Ачрен! Не могу сказать, что люблю ее, но у меня даже пальцы ноют, когда я представляю себе, что могло с ней случиться!

Ффлевддур, помогавший поднимать и переносить Ачрен, теперь стоял поодаль и не желал даже приближаться к неподвижной и все же пугающей его черной королеве. Гурджи тоже держался в сторонке. И все же по приказу Тарена они покорно подошли поближе. Бард отвлекал и успокаивал Ллиан, пока все остальные укладывали Ачрен на широкую спину гигантской кошки.

— Поторапливайтесь,— раздался голос Доли.— Начинается буря.

Низкое небо будто бы прорвало. Из него повалили густые белые хлопья. Почти в то же мгновение взвыл и вихрем взвился, закружив путников, ледяной ветер. Небо и все вокруг заволочло снегом, превратившимся в грозное, густое и темное облако. Острые льдинки иглами впились в лицо. Снег слепил, и метель становилась настолько яростной, что уже и Доли не был уверен, что выбирает правильную дорогу. Они двигались на ощупь цепочкой, ухватившись один за другого. Тарен, шедший впереди, крепко держался за конец посоха Доли. Карр, превратившаяся на плече Тарена в маленький сугроб, изо всех сил цеплялась за него когтистыми лапами. Ллиан с неподвижным телом королевы на спине низко опустила лобастую голову и буквально пробивалась сквозь крутящуюся снежную пелену. Но даже ловкая и сильная горная кошка часто оступалась, скользила и проваливалась в скрытые под снегом ямы. Неожиданно Гурджи дико взвизгнул и исчез прямо на глазах, как будто земля разверзлась и мгновенно поглотила его. Оказывается, бедняга угодил в расселину между валунами и к тому моменту, когда его наконец удалось выудить из снежной ловушки, шерсть его так смерзлась, что он стал похож на ледяного ежа. Его была такая сильная дрожь, что он едва мог держаться на ногах и не в состоянии был сделать и шага. Тарен и Ффлевддур подхватили окоченевшего Гурджи и понесли на руках.

Ветер не ослабевал. Снег сгустился в непроницаемую завесу. Стылый воздух сбивал дыхание. Тарен чувствовал, как с каждым вздохом холодный воздух кинжалом вонзается в легкие. Эйлонви, скованная холодом и еле передвигающая от смертельной усталости ноги, приникла к Тарену и почти повисла на нем. А Доли вел их через почти непроходимые сугробы, в которых путники утопали по пояс.

— Мы не можем идти дальше,— закричал карлик, прекрывая вой ветра.— Ищите укрытие. Переждем, пока уляжется буря.

— Но наш отряд? Как же они без нас? — беспокойно воскликнул Тарен.

— Им лучше, чем нам! — прокричал в ответ карлик.— Я заметил там, где они остались, просторную пещеру в отвесной скале. Твой молодой пастух непременно отыщет ее, не бойся! Нам бы найти что-нибудь подобное для себя!

Но после долгих и мучительных поисков карлик не нашел ничего подходящего, кроме мелкого овражка с нависающим над ним громадным валуном. Обессиленные путники с облегчением рухнули под это ненадежное укрытие. Здесь они хотя бы были защищены от больно бьющего в лицо ветра и колючего снега. Но холод сковал руки и ноги, тела их буквально одеревенели, они с трудом шевелились, устраиваясь в узком пространстве, прижимаясь боками друг к другу и стараясь зарыться в теплый мех Ллиан. Но даже это не спасло от холода, который к ночи еще усилился. Тарен снял с себя плащ и укрыл им Ачрен и Эйлонви. Гурджи героически скинул свою овечью куртку и набросил ее поверх плаща Тарена, а сам, стуча зубами и обхватив себя лохматыми руками, скрючился на голой земле.

— Опасаюсь, что Ачрен не переживет эту ночь,— прошептал Тарен Ффлевддуру.— Она была почти при смерти, когда мы ее нашли. Хватит ли у нее сил перенести такой холод?

— Перенесет ли хоть кто-нибудь из нас? — шепнул в ответ бард.— Без костра нам остается только попрощаться друг с другом прямо сейчас.

— Не знаю, на что это вы жалуетесь,— полусонным голосом произнесла Эйлонви.— Никогда за всю мою жизнь мне не было так тепло и уютно.

Тарен глянул на нее с тревогой. Девушка распласталась под плащом и не шевелилась. Глаза ее были полужакрыты, а полудремотный голос шел словно бы откуда-то изнутри.

— Ох, как тепло! — продолжала она, еле шевеля губами.— Какое прекрасное стеганое одеяло на гусином пуху! Как странно, мне приснилось, что все мы попали в ужасную метель. Какой неприятный сон! Или я все еще

сплю? А, какая разница! Когда я проснусь, все уже кончится...

Тарен испуганно наклонился к Эйлонви и стал довольно грубо трясти ее.

— Не спи! — кричал он. — Если ты уснешь, то встретишь свою смерть! И вовсе не во сне!

Эйлонви не отвечала. Она лишь отвернулась и закрыла глаза. Гурджи, свернувшийся у нее под боком, уже спал крепким сном и добудиться его было невозможно. Тарен и сам чувствовал, как дремота накатывается на него и сковывает, окуная в блаженство предсмертного покоя.

— Костер, — выдохнул он. — Мы должны развести костер.

— Из чего? — резко спросил Доли. — В этом диком месте среди камней не найдешь ни одной веточки. Что ты собираешься жечь? Наши башмаки? Наши плащи? Тогда мы уж наверняка окоченеем. — Он опять стал видимым. — Если уж мне суждено замерзнуть, то по крайней мере я избавлюсь от этих ужасных шершней и ос, разрывающих мне уши своим жалящим жужжанием!

Ффлевддур, молчавший до сих пор, поднялся и снял с плеча арфу. Заметив его движение, Доли просто задохнулся от ярости.

— Что? — вскричал он. — Собираешься сейчас пиликать на своей арфе? Друг мой, да у тебя уже мозги заморозились и превратились в глупую ледышку!

— На этот раз ее мелодия согреет и тебя, — загадочно пробормотал Ффлевддур.

Тарен с трудом подвинулся к барду.

— Ффлевддур, что это ты задумал?

Бард не ответил. Он долго и пристально смотрел на свою арфу, нежно трогал струны, гладил крутые изгибы ее полированных боков. И вдруг резким движением поднял арфу над головой и с размаху разбил ее о колено.

Тарен, казалось, одновременно с треском раскалывающегося дерева издал протяжный вопль ужаса. Арфа рассыпалась на куски, струны разорвались с нестройным жалобным аккордом. Неровные осколки упали к ногам барда.

— Сожги ее, — сказал он. — Это хорошо выдержанное дерево.

Тарен схватил барда за плечо.

— Что ты наделал? — вскрикнул он. — Доблестный, глупый Ффлевддур Пламенный! Ты сломал свою арфу ради минутного тепла. Нам нужен большой костер. Разве эта жалкая кучка щепочек даст его?

Доли тем не менее быстро достал из мешка кремень и высек искру на горстку деревянных обломков. Сухое дерево вспыхнуло мгновенно, и необыкновенный жар вдруг пыхнул в оледеневшие лица замерзших путников. Тарен с изумлением смотрел на высокие языки пламени. Казалось, крохотные обломки дерева не сгорали, хотя костер разгорался все сильнее, а пламя просто бушевало. Гурджи зашевелился и поднял голову. Зубы его перестали стучать, и цвет жизни постепенно возвращался к его побелевшему от мороза лицу. Эйлонви тоже села и с недоумением огляделась вокруг, будто пробудилась от глубокого сна. Мгновенно она поняла, что сгорает в костре, и глаза ее наполнились слезами.

— Не жалею ни о чем, — поспешно воскликнул бард. — Сказать по чести, я рад, что избавился от нее. Никогда не мог я по-настоящему играть на этой арфе. Она лишь оттягивала мне плечо и была тяжелой ношей, не более того. Клянусь Великим Белином, я чувствую себя сейчас легко, будто превратился в невесомое перышко! Поверь мне, я никогда и не собирался становиться бардом. Так что все к лучшему.

В глубине пламени вдруг скрючились и с последним звоном расщепились витые струны. Пучок белых искр взлетел в воздух.

— Но она отвратительно дымит, — проворчал Ффлевддур, хотя огонь горел ясно и чисто. — Мне разъело глаза, и слезы просто льются потоком!

Пламя теперь охватило каждый кусочек дерева. Струны раскалились и извивались в огне. И вдруг в самой его сердцевине возникла мелодия. Она становилась все явственнее и громче и волнами лилась в застывший воздух, словно бы согревая и приводя его в движение. Теплое марево разлилось над костром, а эхо мелодии уже отражалось эхом среди утесов. Умирая,

арфа, казалось, отдает все мелодии, которые таились в ней, все спетые и не спетые бардом песни. И звук переливался и мерцал, как играющее в костре пламя.

Всю ночь пела сгорающая арфа, и ее мелодии были мелодиями радости и печали, любви и разлуки, мужества и неизбывной тоски по утраченному. Огонь не уменьшался, и мало-помалу силы вливались в оттаивающие тела путников и жизнь возвращалась к ним. И, когда мелодичные звуки взвизгивали ввысь, прилетал с юга мягкий ветер, раздвигающий завесу снега и наполняющий окрестные холмы и скалы живительным теплом. Только к рассвету пламя постепенно истаяло, куски дерева превратились в мерцающие угольки и голос арфы умолк. Метель улеглась, утесы, осыпанные снегом, сверкали в лучах восходящего солнца.

Молчаливые и все еще очарованные прощальными песнями сгоревшей арфы, путники покинули свое убежище. Ффлевддур помедлил мгновение, пристально глядя на угасший костер. От арфы не осталось ничего, кроме единственной струны. Это была именно та струна, которую когда-то дал барду Гвидион. Ффлевддур опустился на колени и вытащил ее из пепла. В жарком горниле костра струна оплавилась и свернулась колечком, но сверкала она как чистое золото.

Глава восемнадцатая ДРАКОНОВА ГОРА

Как и предсказывал Доли, Ллассар отыскал пещеру и привел воинов в убежище, где они переждали полную ярости снежную бурю. И теперь все они готовы были продолжать свой нелегкий и опасный путь. Острые высокие утесы, что были последним препятствием на этом их пути, высились уже совсем недалеко. Гребень Драконовой горы маячил темным и неприступным силуэтом. Благодаря лечебным отварам Тарена и неусыпным заботам Эйлонви Ачрен постепенно пришла в себя и немного окрепла. Ффлевддур все еще не желал подходить к закутанной в черный плащ королеве ближе, чем на три шага. Но Гурджи настолько осмелел, что раскрыл свою заветную кожаную сумку и предложил умирающей от голода Ачрен поесть. Впрочем, лицо его сморщилось от страха, а сумку он держал на вытянутой руке и с опаской следил за движениями слабой женщины, будто боялся, что она его укусит. Ачрен поела совсем немного. А Глю, не теряя времени, быстро ухва-

тывал все, что оставалось после нее, запихивал в рот и быстро оглядывался вокруг, выискивая, чем бы еще поживиться.

Ослабевшая после изматывающей лихорадки и от ран Ачрен не потеряла, однако, своей надменности и высокомерия. И, когда Тарен в нескольких словах рассказал ей, что их привело сюда, так близко к Аннувину, она ответила ему с нескрываемым презрением:

— Неужели скотник со своим жалким отрядом надеется победить там, где ничего не вышло у королевы? Я бы давно добралась до Аннувина, если бы не Мэгг и его воины. Они случайно наткнулись на меня в королевстве Каdifфор.— Ее разбитые губы, изображая подобие улыбки, растянулись в горькую гримасу.— Они оставили меня умирать. Я слышала, как Мэгг смеялся, когда ему сказали, что я убита. Он тоже познает силу моей мести!

Брови ее сошлись и изогнулись наподобие грозовой молнии.

— Да, я лежала в лесу, как раненый зверь. Но моя ненависть была сильнее ударов их мечей. Я готова была ползти за ними на четвереньках и отдала бы последние силы, чтобы растерзать их. Ох, как я боялась умереть, не отомстив! Но я нашла убежище. Есть еще в Прайдене те, кто чтит королеву Ачрен. До тех пор, пока я не смогла подняться и идти дальше, они приютили меня и не оставили в беде. И за эту услугу будут еще вознаграждены мною.

Взгляд Ачрен осветился непривычной для нее благодарностью.

— И все же мне не удалось даже приблизиться к цели моих скитаний. Гвитанты были более безжалостными и осторожными, чем Мэгг. Они желали убедиться в моей смерти, в гибели той, что когда-то командовала ими. Что ж, они тоже будут сурово наказаны.

— У меня ужасное чувство,— шепнула Эйлонви Тарену,— что Ачрен иногда кажется, будто она и впрямь королева Прайдена. А ну как ей взбредет в голову наказать и нас?

Ачрен, уловив слова девушки, резко обернулась к ней.

— Прости меня, принцесса из Дома Ллира,— быстро вымолвила она.— Я говорю как бы наполовину в бреду

или во сне, моя память оледенела. Я благодарна тебе за спасение моей жизни, и я отплачу вдвое и втрое. Послушайте меня. Вы хотите пройти напрямик и одолеть горные бастионы Аннувина? Тогда вы выбрали неверную дорогу.

— Гм-гм! — хмыкнул Доли, снова на мгновение становясь видимым. — Не советую говорить кому-либо из Красивого Народа, что он выбрал неверный путь!

— Но это правда, — спокойно возразила Ачрен. — Есть секреты, неведомые даже твоему всеведущему народу.

— Ну, не такой уж большой секрет, что, коли желаешь одолеть горы, нужно выбрать путь полегче, — фыркнул Доли. — Именно это я и намеревался сделать. Я и не собираюсь переть прямо через Драконову гору. Но можешь мне поверить — мы отыщем путь в обход. Неужели ты держишь меня за такого дурака, который собирается расшибить лоб о скалы? Нет, мы сделаем по-другому.

Ачрен презрительно улыбнулась.

— По-другому? В обход? Если сделаешь так, карлик, ты и впрямь окажешься в дураках. Из всех вершин в Аннувине непреодолимая на первый взгляд Драконова гора единственная, которую можно преодолеть. Послушай меня, — сердито оборвала она Тарена, который заметил, что Драконова гора — ловушка. — Утесы вокруг нее — вот соблазн и ловушка! Многие были обмануты кажущейся простотой этого пути, и кости их лежат в ущельях. Более низкие горы манят своей мнимой преодолимостью. Но не успеешь ты их пройти, как они предстанут перед тобой крутыми скалами. Драконова гора страшит, предупреждает остерегаться ее поднебесной высоты. Но западный склон ее — прямая дорога к Железным Воротам Аннувина. Пройти до них напрямик через гору — значит еще и скрыть свой след от всевидящей стражи. И я поведу вас туда.

Тарен внимательно посмотрел на королеву.

— Пока это лишь слова, Ачрен. И ты просишь нас поставить на карту свои жизни, прислушавшись к ним? Глаза Ачрен заблестели.

— В глубине души ты боишься меня, скотник. Но чего ты опасаясь больше — дороги, которую я предлагаю, или смерти лорда Гвидиона? Ты желаешь нагнать

воинов Аровна, Детей Котла? Этого ты сделать уже не сможешь, если не пойдешь по той дороге, которую предлагаю я. Это мой подарок тебе, скотник. Откажись от него, если хочешь, и мы пойдем разными дорогами.

Ачрен отвернулась и закуталась в свой рваный плащ. Друзья отошли в сторонку и принялись обсуждать предложенный ею план. Доли, хотя и взбешенный пренебрежительными словами Ачрен о его неосведомленности, все же вынужден был согласиться, что выбрал не самый лучший путь.

— Мы, Красивый Народ, никогда не осмеливались заходить в эти земли, и потому я не могу оспорить ее слова или подтвердить их. Но я видел в своей жизни немало гор, которые выглядят с одной стороны недоступно крутыми, а по другую их сторону вы можете съехать с них, как с пологой горки. Поэтому я допускаю, что она говорит правду.

— И может отделаться от нас самым легким способом из всех, что она знает,— быстро вставил бард.— От этих рассказов о ловушках, набитых костями, у меня мороз по коже. Я думаю, Ачрен будет рада, если и наши косточки прибавятся к тем. Она играет в свою игру, можете быть уверены.— Он беспокойно покачал головой.— Ффлевддур Пламенный бесстрашен, но с Ачрен я предпочитаю быть настороже.

Тарен некоторое время молчал, напрягая ум, собирая всю свою мудрость, чтобы выбрать из двух путей один, верный. И вновь он почувствовал, какую непосильную ношу взвалил на его плечи Гвидион. Это было больше, чем он мог вынести. Лицо Ачрен превратилось в мертвенно-бледную маску, и прочесть, что у нее в мыслях и на сердце, он был не в состоянии.

Не единожды королева могла отнять их жизни. Но, как он помнил, она хорошо и честно служила Даллбену, была верна ему после того, как собственное ее могущество рухнуло.

— Я считаю,— сказал он медленно,— что нам ничего не остается, как поверить ей. По крайней мере до тех пор, пока она не даст нам явный повод сомневаться в ее искренности. Я боюсь ее,— добавил он,— как и все вы. И все же я не позволю страху ослепить меня.

— Я согласна, — сказала Эйлонви. — Другого решения ты принять не мог. Конечно, доверять Ачрен — это то же самое, что оставаться спокойным, когда на носу у тебя сидит оса. Но жалит она чаще всего в тот момент, когда ты пытаешься ее смахнуть. Не стоит отмахиваться от Ачрен.

Тарен подошел к мрачно застывшей черной королеве.

— Веди нас к Драконовой горе, — сказал он. — Мы пойдем за тобой.

Весь следующий день путники шли через суровую, изрезанную оврагами и отрогами гор долину, которую чуть ли не целиком покрывала тень Драконовой горы. Тарен видел теперь, что вершина ее была похожа на плоскую, грубой формы голову монстра с широко раскрытой пастью, усеянной острыми частыми зубами,

а по другую сторону горы широкими распростертыми крыльями спускались пологие склоны. Огромные валуны и выветренные каменные колонны поднимались, образуя испещренную темно-красными вкраплениями почти сплошную стену. Перед этим последним барьером, парящим над долиной, как будто готовым вот-вот обрушиться и все похоронить под собой, путники испуганно остановились. Ачрен быстро вышла в голову колонны и кивком приказала следовать за ней.

— Есть другие, кажущиеся более простыми, тропы,— сказала она, когда они поднялись на узкую дорогу, которая извивалась меж отвесных скал,— но они длиннее, и те, кто идет по ним, могут быть замечены до того, как достигнут Аннувина. Эта же известна только Аровну и наиболее доверенным его слугам. И мне. Потому что именно я и показала ему все тайные тропы Драконовой горы.

И все же Тарен вскоре стал опасаться, что Ачрен обманула их, ибо тропинка поднималась слишком круто и люди и лошади едва удерживались на гладкой и покатой каменной поверхности. Казалось, что Ачрен ведет их в самое сердце горы, в ее страшную глубину. Мощные уступы нависающих камней поднимались гигантскими арками и смыкались длинными темными тоннелями, надолго скрывая от них небо. Иногда тропа огибала развернувшись под самыми ногами глубокое ущелье, и не один раз Тарен, споткнувшись, вдруг весь холодел над бездонной пропастью и прижимался спиной к нависшей скале или хватался дрожащими руками за острые выступы камней. Ачрен, чья нога уверенно и твердо ступала в самых даже узких и обрывистых местах тропы, лишь изредка оборачивалась и молча глядела на него, на ее застывшем лице вдруг мелькала насмешливая улыбка.

Тропа продолжала подниматься, хотя уже не так резко и круто. Большей частью она вилась не вверх по склону горы, а, казалось, возвращалась назад. Так, безопасными и более пологими зигзагами они поднимались все выше. Огромные каменные челюсти горы разверзлись над ними и маячили вверху, резко очерчиваясь на фоне неба. Тропа, которая в некоторых местах была

совершенно скрыта от постороннего взгляда нагромождениями камней, теперь словно бы выходила на простор, и Тарен мог уже видеть большую часть склона, резко убегającego вниз. Они были уже почти на самом высоком гребне крыла дракона, когда появилась Карр, увидевшая их и с громкими криками ринувшаяся из поднебесья.

— Гвидион! Гвидион! — каркала она во все горло. — Аннувин! Тор-ропитесь!

Тарен вслед за Ачрен спрыгнул с невысокой террасы и устремился к гребню, торопливо карабкаясь по уступам, цепляясь руками за торчащие валуны и неотрывно вглядываясь в открывающееся перед ним пространство, надеясь увидеть крепость Аннувина. Начали ли уже Сыновья Доны атаку на эту твердыню? Или они догнали Детей Котла сами и вступили с ними в бой? Его сердце билось уже чуть ли не о самые ребра. И он взбирался все выше и выше. Внезапно перед его взором внизу открылись высокие башни крепости Аровна. За высокими стенами, за массивными Железными Воротами он увидел просторные внутренние дворы. И Зал Воинов, где когда-то стоял Черный Котел. И Главный зал Аровна. Сверкающий черным полированным гранитом, он поднимался над всеми строениями, и над ним на островерхой башенке развевалось знамя повелителя Земли Смерти.

При виде Аннувина Тарен почувствовал, как смертельный холод заползает в его сердце, голова закружилась, тени, казалось, легли ему прямо на глаза. Он вскарабкался еще немного выше. Теперь он уже ясно видел, как слившиеся в битве крохотные фигурки заполняют весь внутренний двор. Боевые крики и звон клинков доносились до него, многократно повторенные и усиленные горным эхом. Видно было, как люди взбирались по западной стене крепости, а во Вратах Ночи зияла брешь, и Тарену показалось, что он различает белые бока и золотую гриву Мелингара, прямую фигуру сидящего на нем Гвидиона и рядом с ним высокого Талисина.

Да, люди Коммотов не зря погибали! Их неудача все же обернулась победой! Бессмертное войско Аровна установлено! Но только лишь Тарен повернулся, чтобы

прокричать стоящим ниже товарищам эту радостную весть, как сердце его замерло. Он заметил надвигающуюся с юга армию Детей Котла. Их подбитые железом башмаки громко позвякивали о камни мощеной дороги, когда они прошли через тяжелые Железные Ворота. Боевые рога их войсковых начальников прорезали воздух пронзительным призывом к бою.

Тарен спрыгнул с выступа, спеша присоединиться к своим спутникам. Камень зашатался под его ногами, вниз потек ручеек гальки. Он бросился вперед. Крик Эйлонви зазвенел в его ушах. Острые камни закружились перед глазами. Он отчаянно хватался за них, пытаясь остановить или задержать свое падение. Из всех сил он уцепился за какой-то выступ и повис на крутом склоне Драконовой горы. Острия камней раздирали ладони, рвали мясо, словно драконьи зубы. Меч его, оторвавшись от пояса, с тонким звоном полетел в ущелье.

Он увидел над собой склонившиеся испуганные лица своих спутников и знал уже, что им не добраться до него, не спасти. Мускулы дрожали от напряжения, легкие с трудом пропускали воздух. Он безуспешно пытался подтянуться и перевернуться через выступ скалы на тропу.

Нога его снова соскользнула, он изловчился и повернулся, чтобы сохранить равновесие. И тогда увидел, что с вершины Драконовой горы на него несутся гвианты.

Глава девятнадцатая

ПОВЕЛИТЕЛЬ ЗЕМЛИ СМЕРТИ

Гвитант, такой громадный, каких еще не видел Тарен, падал на него, кричал и бил крыльями, поднимая ветер. Он несся, как буря смерти. Тарен увидел загнутый крючком, широко раскрытый клюв и кроваво-красные глаза. В следующее мгновение когти гвитанта вонзились ему в плечи, проникая сквозь толстый плащ до самого тела. Безжалостная птица приникла к нему так плотно, что в нос Тарену ударил неприятный запах ее покрытых скользким жиром перьев. Голова гвитанта с глубоким шрамом от старой раны откинулась в страшном замахе, готовая ударить смертоносным клювом.

Тарен отвернул лицо и стал ждать, когда клюв разорвет ему горло. Но гвитант почему-то медлил. Вместо этого он вдруг приподнял его и с невероятной силой, громко хлопая крыльями, потащил вверх на плоскую площадку скалы. Гвитант больше не кричал, но издавал странные тихие и протяжные звуки, похожие на жуткое воркование, глаза птицы уставились на Тарена не с яро-

стью, а с пристальным вниманием, будто птица силилась что-то вспомнить.

Гигантский крылатый хищник вдруг ослабил свою смертельную хватку. Неожданное воспоминание из далеких отроческих лет нахлынуло на Тарена. Он как бы вновь увидел только что вылупившегося гвитанта в глубине колючих кустов. Раненый птенец умирал. Не тот ли жалкий, еле дышащий пучок окровавленных перьев, которого он выходил, выпяничил и вернул к жизни, теперь перед ним? Неужели грозная птица вернулась именно теперь, чтобы заплатить свой долг, который так долго держала в памяти? Тарен не осмеливался еще надеяться и, слабея, хватался за склон Драконовой горы в последней попытке спастись от верной гибели. Но пальцы онемели, он ослабил хватку и отдался на волю птицы.

От неожиданно отяжелевшего в когтях его тела гвитант дрогнул и на какое-то мгновение потерял опору в воздухе. Он стал падать. Под Тареном раскачивались и кружились острые утесы. Огромная птица изо всех сил била крыльями, и наконец Тарен почувствовал, как медленно поднимается вверх, выше и выше, а ветер все сильнее и яростнее свистит в ушах. Черные крылья гвитанта расправились во всю свою ширь. Он упорно поднимался к небу. Наконец когтистые лапы его раскрылись, и Тарен мягко упал на каменистую вершину Драконовой горы.

Ачрен говорила правду. Короткий и пологий спуск открылся перед ним. Прямой и ровный, он вел прямо к Железным Воротам, которые теперь были распахнуты настежь, и сквозь них текли широким потоком Дети Котла. Бессмертные воины обнажили мечи. Внутри крепости раздались крики отчаяния. Построенные в боевой порядок воины Сыновей Доны увидели страшного врага.

Но Дети Котла узрели на горной вершине одинокую фигуру Тарена и поднимающихся на гребень горы его спутников. Большой отряд отделился от главного войска и повернул к Драконовой горе. Размахивая мечами, они карабкались по склону.

Гвитант, кружась над скалами, издавал боевые кличи. Выгнув гигантской дугой черные крылья, птица устремилась прямо в самую гущу наступающих воинов и обру-

шила на них, ударяя клювом, впиваясь острыми когтями. Под неожиданным яростным натиском гвиганта первые ряды Детей Котла попятились, отступили и, зашатавшись, покатились горохом по склону. Но один из немых воинов удержался. Он сек воздух мечом, наносил удары по лапам, крыльям, клюву гвиганта до тех пор, пока гигантская птица не упала к его ногам. Огромные крылья трепетали в предсмертной агонии, лапы вытянулись и дрожали, затем поверженное тело дернулось в последний раз и замерло. Гвигант был мертв.

Трое Детей Котла перепрыгнули через своих барахтающихся на земле товарищей и устремились к Тарену, который прочел свою собственную смерть на их мертво-бледных лицах. Глаза его заметались в поисках укрытия, в надежде найти путь к спасению.

На самом высоком, остром пике гребня Драконовой горы возвышался громадный камень. Время и стихии придали ему причудливую форму. Ветер, дующий сквозь дыры и трещины в камне, словно бы рыдал и зловеще выл о нем, как о покойнике. Камни отвечали пронзительным свистом и стонами, этими тоскливыми звуками, так похожими на человеческий плач. Таинственный вой, казалось, манил Тарена, умолял его приблизиться. Да, здесь оставалось его единственное оружие. Он бросился к камню и налег на него всем телом, пытаясь выкорчевать, сдвинуть с места. Дети Котла были уже почти рядом.

Каменный гребень, казалось, чуточку покачнулся. Тарен удвоил усилия. И неожиданно выкатил камень из его неглубокой впадины. Из последних сил он толкнул его, и камень с грохотом покатился на противника. Двое из Детей Котла свалились, сбитые ураганным натиском каменной глыбы, клинки выпали из их рук и зазвенели в глубине ущелья. Но третий воин не дрогнул и продолжал упорно взбираться наверх.

Движимый отчаянием, как человек, бросающий горсть песка в смертоносную молнию, Тарен схватил пригоршню камней, зачерпнул рукой землю и какие-то веточки, чтобы в последнем порыве швырнуть их в безжизненное лицо немого воина, медленно приближающегося с занесенным над головой мечом.

Углубление, из которого Тарен только что выкатил каменный гребень дракона, было выложено плоскими каменными плитами. И здесь, в этом небольшом углублении, спокойно лежал Дирнвин, черный меч.

Тарен схватил его. В первое мгновение он не узнал меч. Но поняв, что оказалось в его руках, он задохнулся. Когда-то давно он хотел вытащить Дирнвин из ножен и чуть не поплатился жизнью за свой своевольный и опрометчивый порыв. Теперь же, не думая о плате за дерзновение, видя перед собой лишь оружие, которым можно

защититься, он вырвал меч из ножен. Дирнвин вспыхнул белым ослепительным пламенем. И только тогда где-то в самой глубине сознания Тарен смутно понял, что Дирнвин пылает в его руке, но он сам все еще жив.

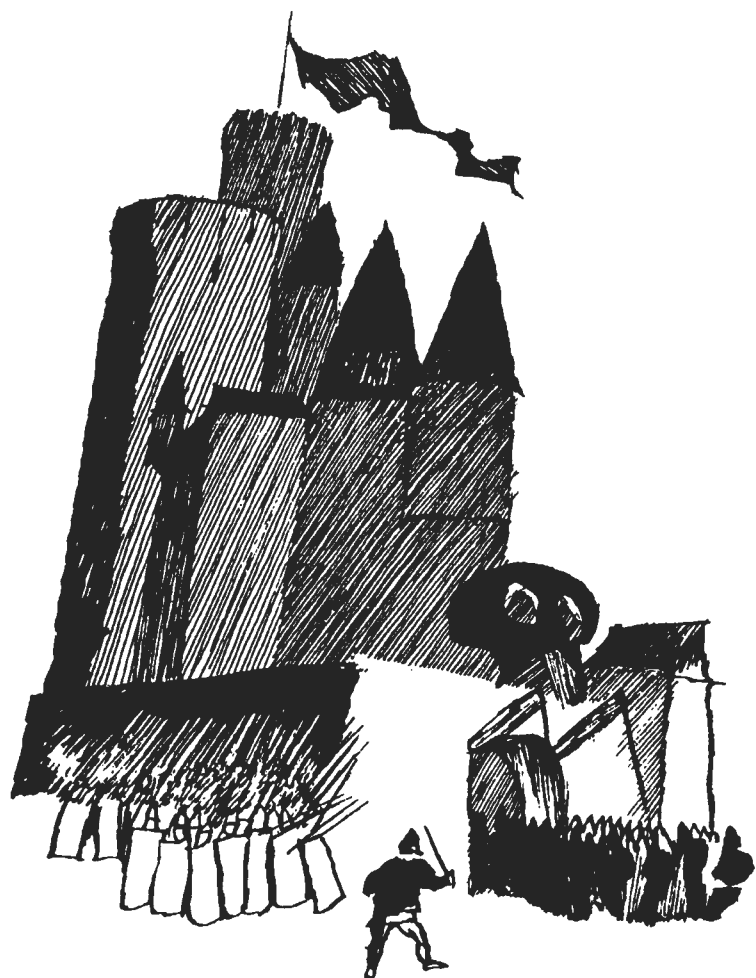
Ослепленный воин Котла зашатался и упал. Из его до сих пор немного, беззвучного рта вырвался пронзительный вопль, который долетел до стен крепости короля Аннувина и эхом прилетел назад, будто бы усиленный воем сотен глоток. Тарен отшатнулся. Бессмертный воин лежал без движения.

Вдоль дороги и у самых Железных Ворот разом грохнулись на землю Дети Котла. И внутри крепости уже вступившие в сражение с Сыновьями Доны немые воины, издав предсмертный вопль, все как один рухнули замертво одновременно с поверженным врагом Тарена. Молчаливые воины, пытавшиеся проникнуть в крепость сквозь брешь во Вратах Ночи, повалились как подкошенные к ногам солдат Гвидиона. И те, кто напал на отряд, сражавшийся у западной стены, грохнулись оземь, выпустив из рук грозные свои мечи. Смерть наконец настигла бессмертных Детей Котла.

Призывая к себе друзей, Тарен припустил вниз по склону Драконовой горы. Всадники Коммотов вскочили в седла и направили своих коней галопом в сторону крепости, вслед за Тареном ныряя в гущу битвы.

Тарен вихрем носился по внутреннему двору. При виде внезапной и необъяснимой смерти сразу всех бессмертных Детей Котла смертные воины Аровна, его стражники и солдаты побросали оружие и тщетно пытались вырваться из крепости. Немногие же, наоборот, бились с безумием людей, обреченных на смерть. Оставшиеся в живых Охотники, которые обретали силу павших под мечами Сыновей Доны своих товарищей, все еще выкрикивали боевые призывы и бросались на воинов Гвидиона. Один из войсковых начальников отряда Охотников с лицом, искаженным яростью и отчаянием, попытался ударить Тарена копьем, но при виде пылающего меча умчался с криком ужаса.

Тарен прокладывал себе путь сквозь сомкнувшуюся в кровавой бойне толпу. Волна бьющихся воинов несла его в сторону Главного зала. И тут он наконец увидел

Гвидиона. Тарен ворвался в двери зала, и вдруг внезапный страх и непонятное отвращение накатили на него. Вдоль темных, пересекаемых дрожащими тенями коридоров мерцали горящие факелы. На мгновение Тарен растерялся. Его пронизала дрожь, будто черная волна накрыла его с головой, перехватив дыхание. Гвидион решительным шагом направился к нему из дальнего, мрачного конца коридора. Тарен кинулся ему навстречу с победным и радостным криком, потрясая над головой пылающим Дирнвином.

— Спрячь клинок в ножны! — закричал Гвидион, прикрывая глаза рукой. — Спрячь его в ножны или это будет стоить тебе жизни!

Тарен повиновался.

Лицо Гвидиона было вытянутым и бледным. Глаза его лихорадочно горели и вспыхивали зловещими зелеными искрами.

— Как ты добыл это клинок, Сторож Свины? — сурово вопрошал Гвидион. — Только моя рука осмеливалась дотрагиваться до него. Дай мне меч.

Голос Гвидиона звучал хрипло и непререкаемо. И все же что-то остановило Тарена. Он колебался. Сердце его было объято странным и необъяснимым страхом, будто кто-то сжимал его в безжалостном кулаке.

— Быстро! — приказал Гвидион. — Ты хочешь разрушить то, за что я бьюсь? Ты желаешь уничтожить плоды моей победы? Тайные сокровищницы Аровна распахнуты. Сила и власть, бóльшая, чем может мечтать любой из людей, ждет нас. Ты разделишь ее со мной, скотник. Я больше никому не доверяю.

Тарен медлил, отступая на шаг от приближающегося Гвидиона.

— Неужели ты, какой-то жалкий найденыш неблагородного происхождения, ты, скотник, смеешь лишать меня этих сокровищ? — взъярился вдруг Гвидион. — Аровн сбежал, покинул свое королевство. Прайдери убит, армия его разбита. Ни у кого нет сил противостоять нам сейчас. Дай мне меч, скотник. Половина королевства у тебя в руках. Торжествуй и отдай меч, пока не поздно.

Гвидион протянул руку.

Тарен отскочил назад, глаза его были широко раскрыты от ужаса.

— Лорд Гвидион, это вовсе не дружеский совет. Это предательство...

И только сейчас, пристально взглянув на человека, которого уважал смолоду, он вдруг понял всю глубину коварства и хитрости.

В следующее мгновение Тарен вырвал Дирнвин из ножен и поднял пылающий клинок.

— Аровн! — выдохнул Тарен и опустил пламя клинка на голову оборотня.

Но прежде чем клинок достиг цели, фигура повелителя Земли Смерти внезапно затуманилась и исчезла. Тень скользнула вдоль коридора и растаяла.

Спутники Тарена толпой ворвались в зал. Он заспешил к ним, выкрикивая предупреждения, что Аровн жив и исчез.

Глаза Ачрен горели ненавистью.

— Убежал от тебя, скотник, но не от моей мести. Тайные ходы и убежища Аровна не тайна для меня. Я найду его, где бы он ни укрылся.

Не ожидая остальных, бросившихся за ней следом, Ачрен помчалась по извивающимся во тьме коридорам, минуя один зал за другим. Она распахнула тяжелые, обитые железом створки дверей, на которых была выжжена, утоплена глубоко в дерево зловещая печать Земли Смерти. В дальнем конце длинного зала Тарен увидел сгорбленную, похожую на большого паука фигуру, спешащую к высокому, высеченному в форме черепа трону.

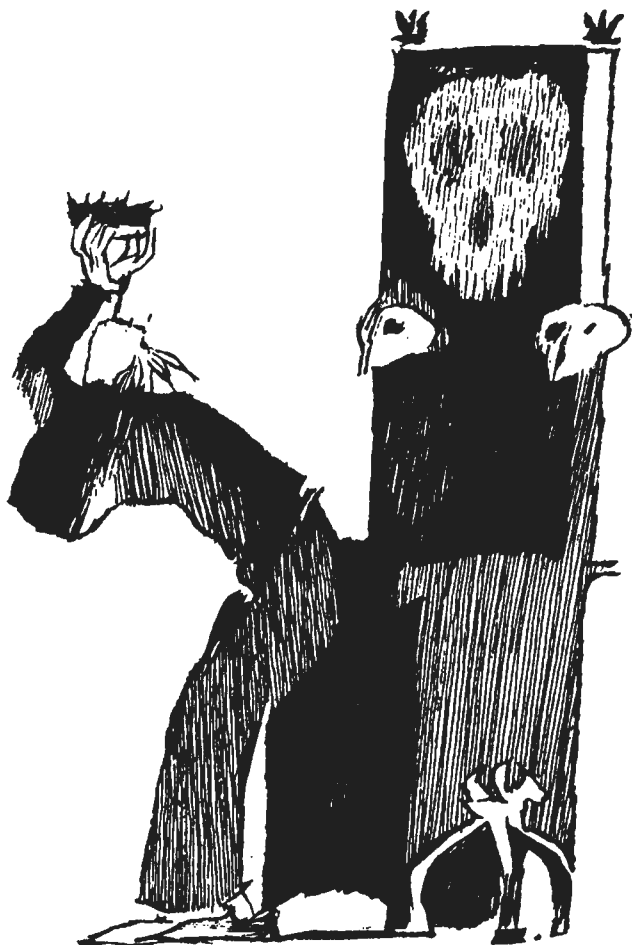
Это был Мэгг. Лицо Главного Управителя было призрачно-белым, губы дрожали, из угла рта тянулась длинная паутинка слюны, глаза выкатывались крупными белесыми шарами. Он, шатаясь, достиг подножия трона, схватил какой-то круглый предмет, лежавший на плитах пола, прижал его к груди и обернулся, чтобы оказаться лицом к лицу с настигавшими его врагами.

— Не подходите! — вскричал Мэгг таким тоном, что даже Ачрен замерла, а Тарен, уже собиравшийся выхватить из ножен Дирнвин, отшатнулся при виде искаженного злобой и страхом отвратительного лица Мэгга. — Хотите сохранить жизнь? — визжал Мэгг. — Тогда на колени! Смиритесь и просите пощады! Я, Мэгг, окажу вам милость, сделав своими рабами!

— Твой хозяин покинул тебя, — попытался урезонить его Тарен. — И твое коварство, твоя злобная и хитрая власть — только дурное видение.

Он смело пошел вперед.

Паучьи руки Мэгга вытянулись в предупреждающем жесте, и Тарен увидел, что Главный Управитель держит нечто похожее на увитую колючками корону.

— Я хозяин здесь! — вопил Мэгг. — Я, Мэгг, король Аннувина! Аровн дал мне слово, что я буду носить Железную Корону. Разве она не выскользнула из его рук? Теперь она моя, моя по праву и данному мне слову!

— Он сошел с ума, — кинул Тарен Ффлевддуру, который с отвращением глядел на Главного Управителя, поднявшего над своей головой корону и что-то невнятно бормочущего. — Помоги-ка мне скрутить его и взять в плен!

— Он не будет ничьим пленником! — вскричала Ачрен, выхватывая из складок плаща кинжал. — Его жизнь

принадлежит мне, и он умрет, как и все, кто предал меня! Моя месть начинается здесь, коварным рабом, и окончится его хозяином.

— Не трогай его,— приказал Тарен, когда королева попыталась проскользнуть мимо него к трону.— Пусть его судит Гвидион.

Ачрен принялась бороться с Тареном, но подоспевшие Эйлонви и Доли поспешили схватить разъяренную королеву за руки. Тарен и бард двинулись к Мэггу, который стал взбираться на высокое сиденье трона.

— Неужели вы посмеете утверждать, что обещания Аровна — ложь? — прошипел Главный Управитель, поглаживая дрожащими руками железную корону.— Она была обещана мне, и я должен носить ее. Теперь она в моих руках. Пусть это свершится! — И Мэгг быстро поднял корону и нахлобучил ее себе на лоб.— Мэгг! — верещал он.— Мэгг Великолепный! Мэгг — повелитель Земли Смерти!

Победный смех Главного Управителя перешел в пронзительный визг, когда железный обруч, обрамлявший его лоб, внезапно стал сжиматься. Тарен и Ффледдур остановились на полпути.

Корона засветилась и раскалилась, как железо в кузнечном горне. Корчась в агонии, Мэгг тщетно хватался за горящий металл, который раскалился добела. С ужасным воплем бывший Главный Управитель покатился с трона и распластался на полу без движения.

Эйлонви закричала и отвернулась.

Гурджи и Глю потеряли след своих спутников и теперь петляли в лабиринте коридоров, тщетно пытаясь их отыскать. Гурджи был смертельно напуган оттого, что находится в самом сердце Аннувина, и на каждом шагу выкрикивал имя Тарена срывающимся от страха голосом. Но только эхо из освещенных факелами коридоров прилетало к нему в ответ. Глю был испуган не меньше. Между судорожными вздохами бывший великан издавал жалобные стоны и канючил не переставая.

— Это просто невозможно вынести,— хныкал он.— Слишком трудно! Нет конца несчастьям, обрушиваю-

щимся на меня! Против воли брошен на борт корабля! Выброшен в Каер Даллбен! Чуть не до смерти заморожен в горах! Меня проволокли по крутым утесам, чтобы теперь окунуть в это огненное месиво! О, когда я был великаном, я бы не потерпел и малой толики этих издевательств!

— О прошлый великан, хватит этих стонаний и стонаний! — умолял его Гурджи, и так уже огорченный тем, что потерял своих верных друзей. — Замолчи! Гурджи осиротел, но он ищет своего доброго хозяина без охов и вздохов. И не бойся, — добавил он неуверенно, хотя сам еле сдерживал бившую его дрожь. — Смелый Гурджи не даст в обиду маленького великана! О да!

— Не очень-то тебе это удастся, — хмыкнул Глю.

Однако маленький человечек крепко ухватился за лохматую руку своего спутника, и его коротенькие толстенные ножки дробно постукивали, отмеряя крохотные шажки.

Они добежали до конца коридора, где перед ними были распахнуты тяжелые железные двери. Гурджи испуганно остановился. Яркий холодный свет лился из комнаты. Гурджи подкрался на цыпочках и заглянул внутрь. За дверным проемом простирался казавшийся бесконечным тоннель. Свет лился от горы драгоценных камней и золотых украшений. Подальше он заметил непонятные штуки, полускрытые густыми тенями. Гурджи попятился. Глаза его часто моргали от удивления.

— О, это сокровищница злого короля Аннувина! — прошептал он. — О, мрачное мерцание и смертное сияние! Это очень тайное и пугающее место. Не мудро будет смелому Гурджи оставаться здесь.

Однако Глю уже протиснулся вперед, и его бледные опавшие щеки задергались, а глаза загорелись лихорадочным блеском при виде драгоценных камней.

— И в самом деле сокровища! — пролепетал он, задышавшись от восторга и возбуждения. — Удача слишком долго отворачивалась от меня, и теперь я полностью вознагражден! Это мое! — вопил он. — Всё это! Я первый сказал! Никто не отнимет это у меня!

— Нет, нет, — протестовал Гурджи. — Не трогай ничего, жадный маленький великан! Лишь могуществен-

ный принц может давать или забирать! Поспешим с поспешками и побежками отсюда! Дорогие сокровища без охраны? О нет! Эти тайные утайки и ужасные опаски просто ловушка! Умный Гурджи чует злое колдовство!

Не обращая внимания на слова и увещевания своего лохматого спутника, Глю оттолкнул его и с алчным криком кинулся в тоннель. Здесь он упал на гору драгоценностей и запустил руки в сверкающие и растекающиеся под ним сокровища. Гурджи, ухватив его за воротник, изо всех сил тянул назад. И в этот момент языки пламени вырвались из стен тайной сокровищницы.

Перед Главным залом Аннувина Гвидион собрал тех, кто остался в живых из Сыновей Доны и всадников Коммотов. К ним присоединились и давние друзья, сопровождаемые радостно каркающей вороной, которая носилась под самым потолком. Долгое мгновение Тарен с недоверием изучал лицо Гвидиона. Но его сомнения легко рассеялись, как только высокий воин быстро подошел к нему и протянул руку. Теплый зеленый свет лился из его сощуренных глаз.

— Нам нужно многое рассказать друг другу,— сказал Гвидион,— но пока нет времени на разговоры. Хотя Аннувин и в наших руках, сам повелитель Земли Смерти скрылся от нас. Его надо найти и убить, если в наших силах сделать это.

— Глю и Гурджи потерялись,— с беспокойством сказал Тарен.— Отпусти нас на их поиски.

— Хорошо. Идите быстрее и возвращайтесь,— ответил Гвидион.— Если Аровн все еще в Аннувине, их жизни в опасности, как, впрочем, и наши.

Тарен отцепил от пояса Дирнвин и протянул его Гвидиону.

— Я теперь понял, почему Аровн так жаждал владеть им. Вовсе не потому, что меч нужен был ему самому. Просто он знал, что Дирнвин угрожает его власти и силе, и хотел укрыть его от всех. Ведь только Дирнвин мог уничтожить Детей Котла. Аровн не осмеливался держать меч в своей крепости и надеялся, что безопаснее будет хранить его зарытым на вершине Драконовой

горы. Когда Аровн предстал в твоём обличье, он почти обманул меня, и я чуть было не отдал меч ему в руки. Возьми его теперь. В твоих руках он будет в безопасности.

Гвидион не поднял руки.

— Ты добыл право вынуть его из ножен, Помощник Сторожа Свины,— сказал он,— а значит, и право носить его.

— Именно так! — вставил Ффлевддур.— Одно удовольствие было смотреть, как ты поверг во прах Детей Котла. Даже Пламенный никогда не сумел бы сделать это лучше. Мы избавились от этих отвратительных молчунов!

Тарен насупился.

— Я не питаю к ним ненависти. Не по своей воле эти бывшие мертвецы оказались в тяжком рабстве. Теперь они покоятся в мире.

— В любом случае пророчество Хен Вен исполнилось,— сказал Ффлевддур.— Не то чтобы я усомнился хоть на мгновение...— Он инстинктивно покосился на плечо, где обычно висела арфа, но ни звука не раздалось в ответ на его слова.— Да, не усомнился, и все же у нее, у этой белой свинки, любопытная манера выражаться, то есть выбирать слова. Я все же пока не услышал, чтобы какой-нибудь камень заговорил.

— А я слышал,— ответил Тарен.— На вершине Драконовой горы. Звук, шедший от каменного гребня, был явственно похож на призывающий голос. Без этого я бы не обратил внимания на камень. И лишь взглянув на него, я понял, как неустойчив он, изъеденный ветрами и ливнями. Да, Ффлевддур, безголосые камни иногда говорят ясно и громко.

— Надеюсь, что это так, раз ты утверждаешь,— согласилась Эйлонви.— Зато насчет того, что пламя Дирнвина погаснет, Хен Вен точно ошиблась. Но это и понятно. Она была так огорчена в тот момент...

Прежде чем девушка успела закончить, из глубины Главного зала вылетели две перепуганные фигурки и устремились к стоящим в центре людям. Мех на спине и боках Гурджи был опален, кое-где висел клочками и курчавился, схваченный огнем, лохматые брови его обуглились, а теплая овечья куртка местами еще тлела и дыми-

лась. Бывший великан чувствовал себя не лучше. Он был похож на движущуюся кучку угольков и грязного пепла.

Тарен даже не успел поприветствовать нашедшихся своих спутников, как раздался пронзительный вопль Ачрен:

— Вы ищете Аровна? Вот он!

И Ачрен вдруг кинулась в ноги Тарену. Он вздрогнул и тут же застыл от ужаса. Позади него свернулась кольцом змея, готовая взметнуться в воздух и ужалить.

Тарен отпрыгнул в сторону. Дирнвин вспыхнул, когда он вытаскивал его из ножен. Ачрен сжала змею обеими руками, словно хотела задушить ее или разорвать на части. Голова змеи была нацелена прямо в лицо королеве. Чешуйчатое тело билось, как упругий хлыст. Клыки вонзились в горло Ачрен. С хриплым криком она рухнула на спину. В следующее мгновение змея снова свернулась в тугое кольцо, глаза ее сверкнули холодным смертельным огнем. Шипя от ярости, с широко открытой пастью, где блестели два ядовитых зуба, змея кинулась вперед, нацелившись на Тарена. Эйлонви закричала. Тарен обрушил сияющий меч на взвившуюся в

воздух змею. Клинок разрубил чешуйчатое тело на две половины.

Отшвырнув Дирнвин в сторону, Тарен упал на колени рядом с Гвидионом, который поддерживал безвольно обвисшее тело королевы. Кровь медленной струйкой текла из уголка рта Ачрен, и ее быстро стекленеющие глаза пытались различить в предсмертном тумане лицо Гвидиона.

— Разве я не сдержала своей клятвы, Гвидион? — просипела она, слабо улыбаясь. — Убит ли король Аннувина? Это хорошо. Моя смерть легко пришла ко мне. — Губы Ачрен раскрылись, будто она собиралась сказать еще что-то, но голова ее откинулась назад, и тело обмякло в руках Гвидиона.

Эйлонви испуганно ахнула. Тарен поднял голову. Девушка дрожащей рукой указывала на разрубленную змею. Тело ее извивалось, дергалось и постепенно словно бы растворялось, затуманивалось. На месте ее обозначилась мужская фигура в черном плаще, чья тяжелая голова неестественно была откинута, словно бы свернута на сторону. И в то же мгновение исчезла, погрузилась в тень, ушла в землю и эта фигура. На том месте, где она лежала, стало сухо, земля потрескалась, будто на глазах у них родился клочок пустыни. Аровн, повелитель Земли Смерти, исчез.

— Меч! — вскричал Ффлевддур. — Посмотрите на меч!

Тарен быстро схватил в руки обнаженный клинок. Но стоило ему прикоснуться к рукояти, как Дирнвин изрыгнул язык пламени, который рванулся, словно бы задутый порывом сильного ветра. Белое свечение стало исчезать, как огонь угасающего костра. Оно уже стало не белым, а играло всеми цветами, которые переливались, втекали один в другой и, подрагивая, таяли. В следующее мгновение в руке Тарена уже было обычное оружие, украшенное выбоинами, вмятинами и рубцами. Клинок тускло мерцал, но не от пламени, когда-то освещавшего его изнутри, а лишь отражением лучей садящегося солнца.

Эйлонви, склонившись к поясу Тарена, выкрикнула:

— Письмена на ножнах исчезают тоже! Может, это просто тень легла на них? Дай-ка взглянуть получше.

Она выхватила свой золотой шар и поднесла его поближе к ножнам. Внезапно исчезающая надпись вспыхнула вновь в золотых лучах сияющего шара.

— Он сделал буквы ярче! Надпись даже стала длиннее, чем прежде! — вскричала удивленная девушка. — Даже та часть, которая когда-то была стертой... я теперь могу различить все слова!

Все окружили Эйлонви. Она держала в руке золотой шар, а Талисин поднес к глазам ножны и стал внимательно их изучать.

— Письмена четкие, но быстро исчезают, — сказал он. — Твой золотой свет, принцесса, высвечивает то, что было ранее скрыто.

*«ВЫТАЩИ МЕЧ ЭТОТ ВНОВЬ ТОТ,
У КОГО БЛАГОРОДНАЯ КРОВЬ...
ПРАВЬ СПРАВЕДЛИВО И ЗЛО УНИЧТОЖЬ...
ЭТИМ МЕЧОМ ПОВЕЛИТЕЛЯ СМЕРТИ УБЬЕШЬ».*

Только успел он произнести последнее слово, как надпись исчезла. Талисин повертел ножны в руках.

— Кажется, лишь теперь стали ясными для меня те обрывки туманных фраз, что сохранились в памяти по-

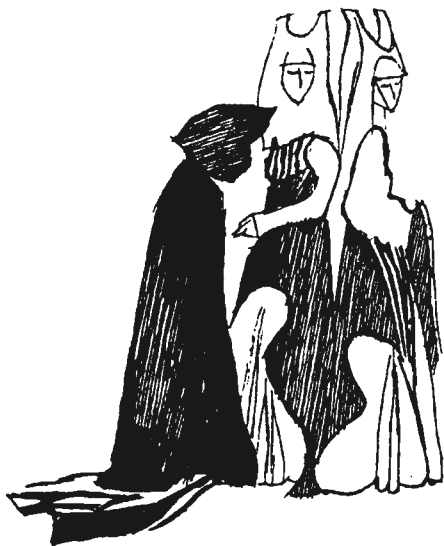
колений. Когда-нибудь могущественный король получит великую силу и попытается использовать ее на благо добра и справедливости. Я считаю, что Дирнвин и был тем оружием, надолго потерянным и найденным вновь.

— Судьба Дирнвина свершилась,— сказал Гвидион.— Давайте поскорей оставим это зловещее место, родившее зло.

Прежде высокомерное и холодное лицо Ачрен в смерти вдруг стало мягче и спокойнее. Завернув мертвую королеву в ее черный плащ, как в саван, друзья отнесли ее тело в Главный зал для отдания последних почестей, потому что она, которая когда-то правила Прайдемом, умерла не без чести.

На остроконечной башенке знамя повелителя Земли Смерти внезапно полыхнуло огнем, скрючилось и развалилось на горящие лоскутки. Стены Главного зала задрожали, и крепость потряс подземный удар.

Путники и воины выехали из Железных Ворот. За их спиной стены осели, пошли трещинами и рухнули. Мощные башни с грохотом рассыпались на куски. Завеса огня и черного дыма заслонила небо над тем местом, где некогда стояла твердыня Аннувина.

Глава двадцатая

ДАР

Они опять были дома, в своих землях. Гвидион повел спутников на запад к гавани, где ждали его золотые корабли. Карр тут же уселась на самую высокую мачту. И большие корабли с сияющими в лучах солнца парусами быстро принесли их в гавань Аврен. Новость о победе над Аровном и его смерти распространялась с огромной скоростью и уже долетела и до этих мест. Многие лорды княжеств и их боевые отряды собрались на берегу, чтобы приветствовать Сыновей Доны, засвидетельствовать почтение королю Гвидиону и следовать за ним. Слышались восхваления и восхищенные возгласы, обращенные к народу Коммотов и Тарену Страннику. Гурджи гордо развернул то, что осталось от знамени Белой Свины, и победно поднял его над головой.

И все же Гвидион был странно молчалив. Тарен при виде хижины и построек Каер Даллбен почувствовал не только радость, но и острую душевную боль. Зима кончилась. Оттаявшая земля задышала, и первая робкая весенняя зелень едва тронула склоны холмов, словно бы

окутав их прозрачным светлым туманом. Но взгляд Тарена был прикован к пустому огороду Колла. Печаль терзала его, память рисовала перед внутренним взором широкое добродушное лицо выращивателя репы и собирателя яблок, того, кто сейчас покоился в далекой могиле.

Даллбен, хромая, вышел им навстречу. Лицо волшебника покрылось уже сплошной сеткой морщин, лоб его казался еще выше из-за отступивших к темени волос, а иссушенная кожа была совсем прозрачной, как древний пергамент. Увидев его, Тарен понял, что Даллбену уже известно всё, он знает о гибели Колла. Эйлонви кинулась к старцу, к его расprostертым навстречу ей рукам. Тарен соскочил с седла и, ведя за собой на поводу Мелинласа, последовал за ней. Карр кружилась над ними, трещала крыльями, щелкала клювом и тараторила без остановки. Ффлевддур, Доли и Гурджи, которого опаленная шкура превратила в странное существо, худое и с разноцветными подпалинами, спешили следом за Тареном. Они на ходу уже пытались выложить все, что с ними произошло, и выкрикивали сразу, хором, каждый свое.

Хен Вен визжала, пронзительно хрюкала, громко, с присвистом дышала и почти перевалилась через ограду своего загона. Когда Тарен перепрыгнул к ней через ограду, чтобы обнять ошaleвшую от радости свинью, он внезапно услышал тоненькие взвизгивания и от удивления просто онемел.

Эйлонви, которая тоже поспешила к загону, радостно закричала:

— Поросята!

Шесть маленьких поросят, пять белых, как и Хен Вен, и один черненький, стояли на задних ножках, упираясь передними в бока матери, и весело повизгивали. Хен Вен с гордостью поглядывала на них и словно бы улыбалась.

— К нам кое-кто захаживал в гости,— сказал Даллбен.— Один весьма симпатичный боров. Зимой, когда лесные звери бродят с места на место, он пришел в поисках пищи и убежища и нашел, что Каер Даллбен куда приветливее, чем заснеженный лес. Сейчас он снова

ушел бродить, потому что все еще немного дикий и не привык к такому скоплению людей.

— Клянусь Великим Белином,— восхитился Ффлевддур,— теперь у нас семь свиной-пророчиц! Тарен, друг мой, они тебе такого напродают, что приключения в холмах Бран-Галедд покажутся тебе прогулкой!

Даллбен улыбнулся.

— Выглядят они отлично. Крепенькие, здоровые. Это самые прекрасные поросятки, каких я когда-либо видел. Но, увы, волшебства в них не больше, чем у самой обычной свиньи. И это, кажется, их вполне устраивает. Впрочем, и дар Хен Вен стал исчезать с того самого момента, как раскрошились палочки с письменами, и она о нем даже не вспоминает. Это к лучшему. Такой дар тяжок и для человека, а тем более для свиньи. Должен сказать, сейчас она гораздо счастливее.

Два дня усталые путники отдыхали. Они бесконечно радовались тому, что после бурных приключений оказались все вместе в уютном и спокойном Каер Даллбен. Небо, казалось, никогда не было таким ясным и чистым, наполненным счастливым обещанием скорой весны и беспечного покоя. Прибыл и король Смойт со своими оруженосцами. И тут конечно же затеялся пир. Он продолжался всю ночь напролет, и ветхая хижина сотрясалась от громких возгласов и звенела весельем и песнями.

На следующий день Даллбен собрал всех в своей комнате, где уже восседали Гвидион и Талисин. Старец внимательным и добрым взглядом обвел всех собравшихся. И, когда он заговорил, голос его был мягок и даже нежен.

— Эти дни были посвящены приветствиям и чествованиям,— сказал он.— Но они стали для всех нас и днями прощания.

Удивленный ропот пролетел по комнате из уст в уста. Тарен в тревоге глянул на Даллбена. Ффлевддур, наоборот, восторженно вскочил с места, хлопнул рукой по мечу и воскликнул:

— Я так и знал! Ну, скорее говори, какой подвиг на очереди? Гвитанты вернулись? Неужто отряд Охотни-

ков все еще бродит поблизости? Ффлевддур Пламенный готов к сражениям!

Гвидион печально улыбался, глядя на возбужденного барда.

— Не совсем так, доблестный мой друг. И гвитанты и Охотники уничтожены. И все же ты прав. Осталось у нас одно важное и трудное дело. Расставание. Сыновья Доны, их родичи, весь Дом Доны должен взойти на золотые корабли и отправиться в Страну Вечного Лета, страну, из которой мы пришли.

Тарен подался к Гвидиону, словно бы не расслышал слов Верховного короля.

— Как это? — быстро спросил он, не осмеливаясь поверить своим ушам. — Сыновья Доны покидают Прайден? И вы должны отплыть прямо сейчас? Почему? И как скоро вы вернетесь? Неужели даже не насладитесь плодами своей победы?

— Эта победа и стала причиной нашего путешествия, — ответил Гвидион. — Это судьба, которая всегда стояла рядом с нами: когда король Аннувина будет побежден, Сыновья Доны должны навсегда покинуть Прайден.

— Нет! — запротестовала Эйлонви. — Только не сейчас!

— Мы не можем отвернуться от всемогущей судьбы, — возразил Гвидион. — Король Ффлевддур Пламенный тоже должен отправиться с нами, потому что он в родстве с Домом Доны.

Лицо барда исказилось страданием.

— Ффлевддур Пламенный изъявляет свою благодарность, — церемонно сказал он, — и в другое время я бы с нетерпением ожидал приятного морского путешествия. Но я буду счастлив отправиться домой и остаться в своем королевстве. И, хоть оно несколько мрачновато и сыровато, я все же, сказать по чести, очень скучаю по нему.

Тогда заговорил Талисин.

— Не ты выбираешь, сын Годо. Но знай, что Страна Вечного Лета — благословенная земля, даже прекраснее Прайдена. Та сторона, где сбываются все желания. Ллиан останется с тобой. У тебя будет новая арфа. Я сам стану учить тебя играть на ней, и ты постигнешь все тайны искусства бардов. Твое сердце наполнится пес-

нями, Ффлевддур Пламенный. До сих пор оно не было готово к этому. Неужели ты откажешься от того, к чему стремился всю жизнь? Арфа, которая ждет тебя, совершенна, а струны ее никогда уже не будут рваться.

Поймав протестующий взгляд Ффлевддура и как бы упреждая его возражения, Талисин выставил вперед ладонь.

— Знай еще и то,— добавил он,— что все рожденные люди должны умереть, кроме тех, кто живет в Стране Вечного Лета. Нет на этой земле ни раздоров, ни страданий, и даже смерть там неведома.

И тут снова заговорил Даллбен.

— Еще одно веление судьбы должно исполниться,— тихо сказал он.— Как только Сыновья Доны отправятся в их собственную землю, иссякнет и сила моего волшебства. Я долго размышлял над несвершившимся предсказанием палочек с письменами. Теперь мне ясно, почему прутики вяза разломались. Они не могли выдержать силы пророчества, которое гласило бы: *«ПОГАСНЕТ ПЛАМЯ ДИРНВИНА, ИСЧЕЗНУТ СИЛЫ ВОЛШЕБСТВА, И ЛЮДИ БЕЗ ЕГО ПОМОЩИ ПОЙДУТ ДОРОГОЙ СВОЕЙ СУДЬБЫ»*.

Даллбен долго молчал, словно ожидая, пока все слушающие его усвоят смысл последнего пророчества.

— Я тоже отправлюсь в Страну Вечного Лета,— продолжал он.— Делаю это с печалью в сердце, и все же радость моя больше печали. Я стар. Я устал. Для меня счастьем будет освобождение от той тяжелой ноши, которая с каждым днем становилась для меня все тяжелее.

Волшебник повернулся к багроволицему карлику, который стоял поодаль, сбывчившись и сурово сведя густые брови над красными глазками.

— Доли поскорей должен вернуться в королевство Красивого Народа,— сказал Даллбен.— И Карр вместе с ним,— усмехнулся он, погрозив пальцем суетливой вороне.— Придорожные посты заброшены. Их надо обойти. Знаю я, что король Эйддилег вскоре прикажет запирать на засов все входы и проходы в королевство Красивого Народа, так же, как и Медвин уже навсегда закрыл свою долину для рода человеческого, позволив только животным находить туда дорогу.

Доли повесил голову.

— Хм! — фыркнул он. — Всегда знал, что от смертных надо держаться подальше. Ни к чему, кроме беды, это не приводит. Да, я буду рад вернуться домой. Я сыт по горло этими бесконечными: добрый-старый-Доли то, добрый-старый-Доли это! Доли, не станешь ли ты невидимым? Доли туда, Доли сюда! — Карлик пытался выглядеть как можно более свирепым, но в его красных глазках стояли слезы.

— Даже принцесса Эйлонви, дочь Ангарад, должна отправиться в Страну Вечного Лета, — продолжал Даллбен. — Так должно быть! — сурово повторил он, когда принцесса сорвалась с места и устремила было к нему. — В Каер Колюр принцесса всего лишь отказалась воспользоваться своим волшебством. Она все еще обладает этими силами, поскольку даны они ей, как и всем дочерям из Дома Ллира. Именно поэтому она должна покинуть Прайден. Но это не все, — поспешил он добавить, не давая Эйлонви перебить его. — Есть и другие, кто честно и мужественно служил Сыновьям Доны. Верный Гурджи. Хен Вен, наша прорицательница. Наконец, Тарен из Каер Даллбен. Это их награда, наш дар. Они могут плыть вместе с нами.

— Да, да! — вскричал Гурджи. — Все идем в землю, где нет последних вздохов и смертных охов! — Он принялся радостно скакать, размахивать руками, разбрасывая по комнате ключья обгоревшей шерсти. — Да, о да! Все вместе навсегда! И Гурджи тоже найдет то, что ищет! Немного мудрости для его бедной, слабой головы!

Тарен задохнулся от счастья и крепко сжал руку Эйлонви.

— Мы больше никогда не расстанемся. В Стране Вечного Лета мы поженимся... — Он вдруг осекся. — Если... если это и твое желание. Если... ты согласна выйти за Помощника Сторожа Свины.

— Забавно! — хмыкнула Эйлонви. — Удивляюсь, что ты вообще решил спросить меня об этом. Конечно, я согласна. И если бы ты был хоть чуть-чуть внимательнее, то давно бы уже знал ответ.

Голова Тарена все еще шла кругом от всех этих новостей, и он повернулся к Даллбену, все еще не веря своему счастью.

— Неужели это правда? Эйлонви и я можем поехать вместе?

Даллбен мгновение помолчал, потом несколько раз кивнул.

— Это правда. Большого подарка я сделать не в силах. Глю фыркнул.

— Все это очень хорошо! Раздают бесконечную жизнь направо и налево. Даже свиньям! Но никто и не помыслил подумать обо мне. Конечно, кто я вам? Но вспомните! Если бы этот тоннель в руднике Красивого Народа не обвалился, украв мою удачу, мы пошли бы другой дорогой, а значит, никогда не попали бы на Драконову гору. И Дирнвин ни за что не нашелся бы... И Дети Котла не были бы убиты...— Голос бывшего великана срывался от негодования, а губы его дрожали от обиды.— Идите, идите! Пусть я останусь здесь, да еще таких смехотворных размеров! Уверяю вас, когда я был великаном...

— Да, да! — заволновался Гурджи.— Маленький великан тоже честно служил! Так, как он и говорит! Плохо, очень плохо оставлять его одного! И в сокровищнице повелителя Земли Смерти, когда богатство запылало, он помог Гурджи убежать от опасного жара!

— Да,— согласился Даллбен,— Глю тоже послужил, хоть и многое совершал по глупости и жадности. Его награда будет не меньше, чем твоя, Гурджи. В Стране Вечного Лета маленький человечек сможет, если пожелает, стать человеком и даже прибавить в росте. Но ты сказал мне,— Даллбен строго посмотрел на Гурджи,— что он спас тебе жизнь?

Гурджи потупился. Мгновение он колебался, но этого мгновения хватило Глю, чтобы перебороть себя.

— Нет, и еще раз нет! — твердо сказал бывший великан.— Да, жизнь была спасена. Моя. Если бы он не вытащил меня из сокровищницы, теперь вам не нужно было бы возиться со мной. Я остался бы там горкой золы. Нет, горсткой.

— Ты смог сказать правду, коротышка! — обрадованно воскликнул Ффлевддур. — Клянусь Великим Белином, ты уже подрос немного! В моих глазах, конечно.

Гвидион вышел вперед и положил руку на плечо Тарену.

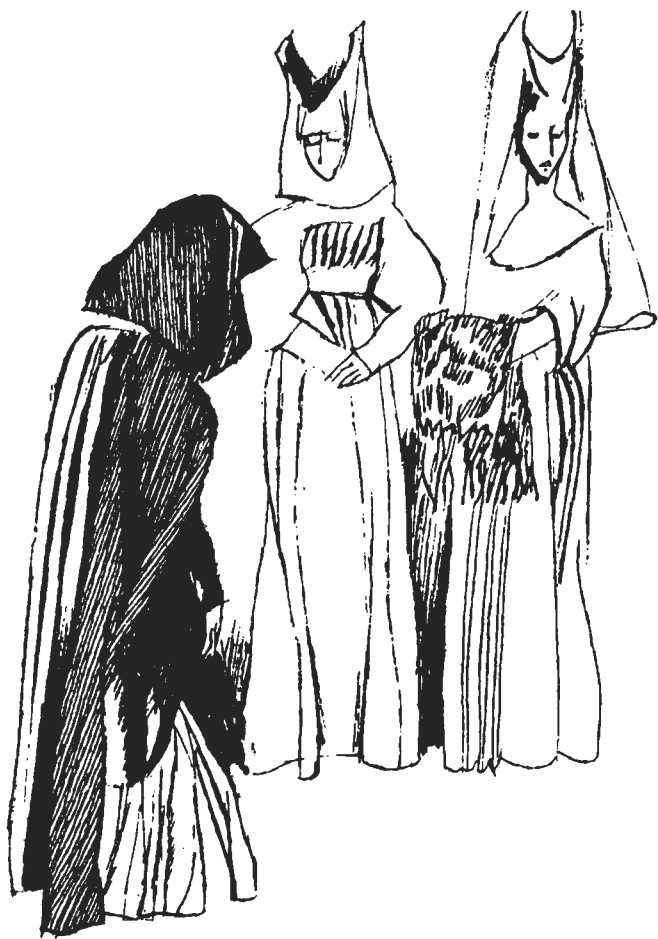
— Скоро наступит наше время, — тихо сказал он. — Утром мы отправляемся. Готовься, Помощник Сторожа Свиньи.

Этой ночью Тарен спал урывками. Радость, которая только недавно заполняла все его сердце, постепенно куда-то улетучилась, растаяла, упорхнула, как легкая птица в сверкающем оперении, птица, которую не приманишь лишь мановением руки. Даже мысли об Эйлонви, о счастье, ожидающем его в Стране Вечного Лета, не могли вернуть утраченную радость.

Наконец он поднялся с подстилки и встал у окна, беспокойно всматриваясь во тьму. Костер Сыновей Доны догорел, и лишь изредка вспыхивали угасающие угольки. Полная луна превратила спящие поля в море серебра. Из-за холмов возник далекий и слабый голос. К нему присоединился второй и третий, затем другие. В этом разноголосье родилась, полетела над полями песня. У Тарена зануло сердце. Только один раз, давно, в королевстве Красивого Народа он слышал такое пение. Эта песня была еще нежнее, еще проникновеннее. Она разрасталась, ширилась невидимым потоком в дрожащем воздухе. Мелодия становилась явственней. Чудные звуки словно бы заслонили серебряный свет луны, и уже только их слышал и словно бы видел Тарен. Внезапно песня оборвалась. Тарен застонал от сознания, что уж никогда он не услышит ничего похожего. Земная песнь не прозвучит для него. Дверь скрипнула протяжно и мелодично. Теперь Тарен уже не понимал, наяву ли слышит этот звук или он мерещится и возник в его затуманенном полудремой мозгу.

— Что, не спишь, мой цыпленок? — прошелестел голос у него за спиной.

Он быстро обернулся. Свет, вдруг наполнивший комнату, ослепил его. Когда зрение прояснилось, он увидел три высокие стройные фигуры. Две в платьях переливающихся цветов — белого, золотого, пылающе-алого, одна —

в плаще с капюшоном глубокого черного цвета. Драгоценные камни сверкали в косах первой незнакомки. Шею второй обнимало ожерелье из сияющих белых бусин. Тарен видел их необыкновенно красивые и спокойные лица. И, хотя капюшон скрывал лицо третьей гостьи, Тарен почему-то твердо знал, что она не менее прекрасна.

— Не спит и не говорит,— сказала гостья, стоявшая посредине.— Завтра, бедняжка, вместо того чтобы плясать от радости, он будет зевать.

— Ваши голоса... я хорошо их знаю,— сказал, запинаясь, Тарен. Голос его сел, и он мог только еле слышно шептать.— Но ваши лица... Да, однажды я их видел, в

далекие прошедшие времена, в Болотах Морвы. И все же вы не те же самые. Ордду? Орвен? Оргох?

— Конечно, это мы, мой гусенок,— ответила Ордду.— Хотя ты прав. Прежде, при первых наших встречах, мы были не в лучшей форме.

— Но вполне годились для наших целей,— глухо из глубин своего капюшона произнесла Оргох.

Орвен тоненько, по-девичьи, хихикнула и принялась играть своими бусинами.

— Ты не должен думать, что мы выглядим уродливыми старыми каргами *все* время,— сказала она.— Только тогда, когда это нужно.

— Почему вы пришли? — начал Тарен, все еще сбивтый с толку такими знакомыми словами и шуточками волшебниц и неожиданно прекрасным обликом их.— Вы тоже отправляетесь в Страну Вечного Лета?

Ордду покачала головой.

— Мы отправляемся, но не с тобой. Соленый морской воздух вреден Оргох. Он кружит ей голову и сильно действует на аппетит, то есть усиливает его. А мы идем... как бы тебе объяснить... куда глаза глядят... и где ничьи глаза нас не углядят.

— Ты больше не увидишь нас, и мы тебя тоже,— добавила Орвен почти с сожалением.— Мы будем скучать по тебе. Ну, насколько мы это умеем делать. Оргох в особенности... при ее-то аппетите... впрочем, это не важно.

Оргох недовольно фыркнула. Ордду тем временем развернула кусок ярко сотканного полотна и протянула его Тарену.

— Мы пришли, чтобы принести тебе это, мой утенок,— сказала она.— Возьми и не обращай внимания на ворчание Оргох. Ей придется проглотить свои разочарования... и питаться лишь воспоминаниями... если сумеет.

— Я видел это на вашем ткацком станке,— сказал Тарен, недоуменно разглядывая полотно.— Почему вы отдаете это мне? Я не просил его у вас и не могу заплатить за него.

— Оно твое по праву, моя малиновка,— ответила Ордду.— Это полотно действительно сошло с нашего ткацкого станка, если уж ты настаиваешь. Но по-настоящему это ты соткал его.

Озадаченный Тарен пристальнее взгляделся в узоры на полотне и увидел, что изображают они мужчин и женщин, воинов, битвы, птиц и зверей.

— Это,— пробормотал он, с удивлением узнавая каждую линию на полотне,— это моя собственная жизнь.

— Конечно,— ответила Ордду.— Узор, который ты выбирал сам.

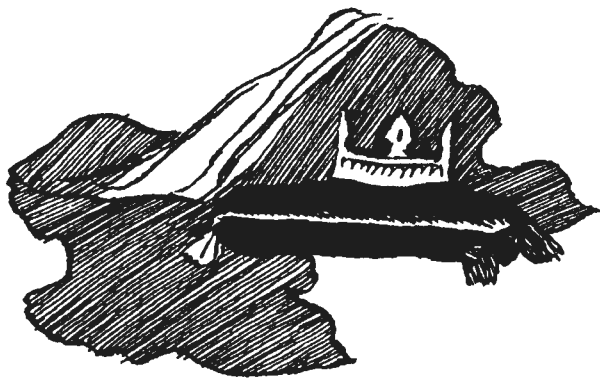
— Это мой выбор? — спросил Тарен.— Не ваш? А я считал...— Он замолчал и поднял глаза на Ордду.— Да,— медленно произнес он,— когда-то я считал, что мир движется по вашему приказу. Теперь я вижу, что это не так. Нити жизни не сплетаются в узор по прихоти трех старух или даже трех прекрасных дев. Узор на самом деле был моим. Но здесь,— добавил он, хмурясь и вглядываясь в край полотна, где ткань обрывалась распушенными пучками нитей,— здесь она не закончена.

— Естественно,— сказала Ордду.— Ты еще должен выбрать узор. И так предстоит выбирать всем вам, бедным, сбитым с толку птенчикам, пока не иссякнет нить.

— Но я больше не вижу себя четко! — вскричал Тарен.— Я больше не слышу и не понимаю своего сердца! Почему печаль заслоняет от меня радость? Скажите мне хоть это! Дайте мне узнать это, как последнее ваше благодеяние.

— Дорогой цыпленок,— сказала Ордду, печально улыбаясь,— когда мы, вспомни, давали тебе хоть что-нибудь?

И они исчезли.

Глава двадцать первая

СЛОВА ПРОЩАНИЯ

Весь остаток ночи Тарен не отходил от окна. Неоконченное тканое полотно лежало у его ног. К рассвету на полях и склонах холмов вокруг Каер Даллбен уже собрались огромные толпы людей из Коммотов, ближних и дальних княжеств. Весть о том, что Сыновья Доны, а вместе с ними и Дочери Доны, прибывшие из восточных княжеств, покидают Прайден, быстро разнеслась повсюду. Тарен долго глядел на гудящие толпы людей, потом повернулся и пошел в хижину Даллбена.

Все уже собрались там. Даже Доли, который ни за что не хотел возвращаться к себе, в земли Красивого Народа, пока не скажет несколько слов прощания каждому из своих друзей. Карр, непривычно притихшая, сидела на плече карлика. Глю казался возбужденным и вполне довольным поворотом событий. Талисин и Гвидион стояли рядом с Даллбеном, который накинул просторный дорожный плащ и держал в руке тяжелый ясеневый посох. Под мышкой у волшебника была «Книга Трех».

— Добрый хозяин, поспеши! — волновался Гурджи, между тем как Ллиан рядом с Ффлевддуром тоже не-

терпеливо помахивала хвостом.— Все готово для качки и скачки по волнам!

Глаза Тарена перебегали от лица к лицу его спутников и друзей. Взгляд его поочередно обращался к Эйлонви, которая тоже не отрываясь смотрела на него, к суровым морщинам Гвидиона и высокому мудрому лбу Даллбена. Никогда прежде он не любил их так сильно, как в этот момент. Молча подошел Тарен к волшебнику и склонился перед ним.

— Никто и никогда еще не устаивал меня такой чести, как ты, Даллбен, предложивший мне этот высокий дар,— сказал Тарен. Слова с трудом слетали с его языка, но он заставил себя продолжать.— Прошлой ночью душа моя взволновалась необычным видением. Я видел во сне Ордду... нет, это был не сон. Она на самом деле, наяву была здесь. И я понял, что твой дар я не могу принять.

Гурджи удивленно охнул и с недоумением уставился на Тарена широко раскрытыми глазами.

Измученным вздохом откликнулись стоявшие рядом с Тареном друзья, а Эйлонви выкрикнула:

— Тарен из Каер Даллбен, ты понимаешь, что говоришь? Неужели пламя Дирнвина так сильно подпалило тебе мозги? — Неожиданно голос ее замер и словно бы утонул в судорожно сжавшемся горле. Она закусила губу и быстро отвернулась.— Я понимаю. В Стране Вечного Лета мы должны были бы пожениться. Ты все еще сомневаешься в ответе моего сердца? Он не изменился. Это твое сердце изменилось ко мне.

Тарен не осмелился поднять глаза на Эйлонви. Печаль заполнила все его существо.

— Ты не права, принцесса из Дома Ллира,— тихо сказал он.— Я давно люблю тебя и любил еще до того, как осознал это. Если мое сердце раскалывается надвое при расставании с друзьями, оно разрывается на части при прощании с тобой. И все же так должно быть. Я не могу поступить по-иному.

— Подумай серьезно, Помощник Сторожа Свины,— резко проговорил Даллбен.— Если ты один раз решил, переменить решение будет невозможно. Согласен ли ты жить в печали вместо того, чтобы провести жизнь

свою в счастье? Ты отказываешься не только от радости и любви, но и от вечной жизни?

Тарен долго не отвечал. Когда наконец он заговорил, голос его был глух от горечи сожаления, но слова оставались ясными и твердыми.

— Есть люди, которые больше меня заслужили твой дар, хотя им уже не получить его никогда. Моя жизнь связана с их оборванными жизнями. Сад и огород Колла, сына Коллфревра, лежат в запустении и ждут рук, которые возделали бы их. Мое умение меньше, чем было у него, но я сделаю все, что сумею.

Тарен поднял голову и уже не отводил взгляда от пронзительных глаз Даллбена.

— Дамба в Динас Риднант не построена,— продолжал он.— Перед могильным холмом короля Моны я поклялся не оставлять незавершенным дело его жизни.

Из куртки Тарен достал осколок глиняного сосуда.

— Разве я могу забыть Аннло Велико-Лепного? Забуду ли Коммот Мерин и других, похожих на него? Я не в силах вернуть жизнь Ллонию, сыну Ллонвена, и тем блестящим людям, которые последовали за мной, чтобы никогда уже не увидеть своих домов. Я не могу успокоить сердца вдов и детей-сирот. И все же в моих силах отстроить вновь кое-что из того, что было разрушено. Это я должен сделать!

Тарен обратил свой взор к молча стоявшим друзьям.

— Багровые Земли когда-то были плодородными полями. Если по-настоящему потрудиться, вложить в них много упорного труда, они вновь станут плодоносить.— Он повернулся к Талисину.— Гордые постройки Каер Датил лежат в руинах. Разрушены и Зал Знаний, и сокровищница мудрости бардов. Разве не ты, Талисин, говорил, что воспоминания живут дольше, чем то, что рождает их? А если и память потеряна? Я уверен, найдутся те, кто поможет мне, и мы вместе поднимем упавшие камни и вновь обретем сокровища памяти.

— Гурджи поможет! Он не поедет, нет, нет! — заверещал Гурджи.— Он останется навсегда! Он не хочет дара, который разлучит его с добрым хозяином!

Тарен обнял прижавшегося к нему лохматого друга.

— Тебе придется поехать с остальными. Ты называешь меня хозяином? Тогда подчинись моему последнему приказу. Обрети мудрость, о которой мечтаешь. Она ожидает тебя в Стране Вечного Лета. А то, что желаю найти я, должно искать здесь.

Эйлонви поникла головой.

— Ты сделал тот выбор, который должен был сделать, Тарен из Каер Даллбен,— прошептала она.

— И я не стану тебе возражать,— сказал Даллбен,— лишь предупрежу тебя, Тарен. Цель, которую ты себе поставил, высока, но дела, что ты наметил, невероятно трудны. Нет никакой уверенности, что ты сможешь завершить хотя бы одно из них. Зато есть опасение, что не преуспеешь ни в одном. Но в любом случае твои усилия могут остаться без награды, не воспетыми и попросту забытыми. А в конце концов, как и все смертные, ты должен будешь встретить свою могилу и, может быть, даже без холма чести, который отметит место твоего погребения.

Тарен мрачно кивнул.

— Пусть будет так,— сказал он.— Давным-давно я мечтал стать героем, по-настоящему и не представляя, кто такой герой. Теперь, по-моему, я понимаю это немного лучше. Воин или ремесленник, крестьянин из Коммотов или король — каждый человек герой, если он делает для других, думает о других больше, чем о себе самом. Как-то,— добавил он,— ты сказал мне, что поиск значит больше, чем находка. Теперь я говорю: пусть борьба будет значить больше, чем выигрыш в ней.

Он улыбнулся своим собственным воспоминаниям.

— Когда-то я надеялся на славную судьбу,— продолжал Тарен.— Эта мечта уплыла вместе с моим детством. И хорошо, потому что такая туманная и приятная мечта годится лишь для ребенка. Сейчас могу сказать с уверенностью: я очень доволен своей судьбой Помощника Сторожа Свины.

— Но это не твоя судьба,— просто сказал Даллбен.— Ты больше не Помощник Сторожа Свины, но Верховный король Прайдена.

— Ты смеешься надо мной! — вскричал Тарен.— Неужели я был так непозволительно горд, что достоин насмешки? Не шути так зло, называя меня королем!

— Твоя внешняя сила была подтверждена, когда ты вытащил Дирнвин из ножен,— сказал Даллбен.— Твоя внутренняя сила, твоя царственная воля проявилась, когда ты решил остаться здесь. На этот раз я сулю тебе не легкий и приятный дар, но тяжкую ношу, которая важнее и тяжелее любой, какую ты когда-либо нес на своих плечах.

— Тогда почему именно я должен нести ее? — отшатнулся Тарен.— Я всего лишь Помощник Сторожа Свиньи и всегда был и оставался таким.

— Ответ записан в «Книге Трех»,— проговорил Даллбен и поднял руку, требуя тишины и заставляя тем самым замолчать и Тарена.— Я не решался говорить тебе об этом прежде. До срока открыть прорицание — значит разрушить его. До этого самого момента, до твоих последних слов я не был уверен, что именно ты выбран для того, чтобы править. Еще вчера я испугался, что ошибся, и это не ты.

— И что же? — подался вперед Тарен.— Может, все-таки «Книга Трех» ошиблась?

— Нет, она не может ошибаться,— уверенно сказал Даллбен.— Книга так называется, потому что рассказывает о трех частях нашей жизни: о прошлом, настоящем и будущем. Но она также может быть названа и книгой «Если...». Если тебе не удастся исполнить задуманное. *Если* ты пойдешь по злой тропинке. *Если* тебя убьют. *Если* ты сделаешь не тот выбор... Тысячи «Если», мой мальчик, многие тысячи. «Книга Трех» не скажет тебе больше. Лишь одно говорит она: е с л и. Из всех путей, из всех встреч, из всего, что может случиться, только одно становится явью и реальностью. Потому что дела человека, а не слова пророчеств, строят и создают его судьбу.

— Я понимаю теперь, почему ты держал в тайне мое происхождение,— задумчиво сказал Тарен.— Но когда-нибудь я смогу узнать эту тайну?

— Я никогда не хранил это в секрете, хотя очень бы желал оставить эту тайну при себе,— ответил Даллбен.— Не могу скрыть от тебя это и сейчас. В давние-предавние времена, когда «Книга Трех» впервые попала мне в руки, увидел, прочел я на ее страницах прорицание. Когда Сыновья Доны будут уезжать из Прайдена, Верховным королем станет тот, кто убьет змею, кто обретет и потеряет пылающий меч, кто выберет королевств-

во печали вместо королевства счастья. Эти пророчества были туманными для меня. Но самым туманным было последнее прорицание. Оно толковало о том, что придет править Прайденом не высокородный принц, а тот, чье происхождение и место в жизни неопределенно, неясно.

Даллбен из-под густых своих бровей посмотрел на Тарена.

— Долго я обдумывал эти пророчества, — продолжал он. — Наконец покинул Каер Даллбен, чтобы отыскать этого будущего короля и ускорить его приход. Много лет я искал, но все, кого я спрашивал, хорошо знали свое место в жизни, будь то пастух или воин, лорд княжества или крестьянин из Коммотов.

Глаза Даллбена затуманились, будто он снова шествовал в своих воспоминаниях по долгим дорогам Прайдена.

— Шли годы. Земля рождалась весной, расцветала летом, увядала осенью и замирала зимой, — глухо продолжал он. — Короли возвышались и падали, войны приходили к миру, и мир приближался к войне. И вот однажды, столько лет назад, сколько лет тебе, разразилась в этой земле ужасная война. Я отчаялся в своем поиске и направил шаги свои в сторону Каер Даллбен. В этот день я должен был пересечь поле, где совсем недавно бушевала битва. Много убитых лежало повсюду. Пали и благородные и простые люди, смерть не пощадила никого. Не избежали ее и женщины и дети.

Даллбен тяжело вздохнул.

— Из соседнего леса донесся пронзительный крик. Ребенок был укрыт среди корней дерева, будто его мать долго искала и наконец нашла самое безопасное место. На пеленках его не было вышито ни имени отца, ни знака рода. Одно было ясно — и отец и мать лежат на поле среди убитых.

Слушатели боялись дышать. Тишина была такой, что звенело в ушах.

— Передо мной, — медленно проинес Даллбен, — без сомнения, лежал тот, у кого не было положения в жизни, неизвестный ребенок неизвестного рода. Я принес младенца с собой в Каер Даллбен. Имя, которое я дал ему, было Тарен.

Тарен буквально впился глазами в старого волшебника.

— Я не мог ничего сказать тебе о твоём происхождении, хотя и очень желал сделать это,— продолжал Даллбен.— Не мог, потому что до сих пор знаю об этом не больше тебя. Моими тайными мыслями я поделился только с двумя людьми. С лордом Гвидионом и Коллом. Пока ты мужал, росли и наши надежды, хотя никогда мы не могли быть уверенными, что ты именно тот младенец, который рожден, чтобы стать Верховным королем Прайдена.

В глазах Даллбена мелькнула едва уловимая улыбка.

— До этого момента, мой мальчик,— сказал он,— ты был нашей надеждой, ожиданием, неясным «возможно».

— То, что было написано, предсказано, стало прошлым,— заметил Гвидион.— А сейчас мы должны сказать друг другу слова прощания.

Настала долгая тишина. Ллиан, чувствуя подавленное настроение барда, нежно его обняла, шептала усами и терлась о его бок своей громадной головой. Все словно бы замерло. И тогда выступил вперед Глю. Он заговорил первым.

— Я не расставался с этим с тех пор, как был вынужден оставить Мону,— сказал он, вытаскивая из кармана куртки маленький голубой кристалл.— Он напоминает мне о моей пещере и тех великих днях, когда я был великаном. Но по некоторым причинам я больше не желаю ни воспоминаний об этом, ни напоминаний. Вот, возьми его как совсем маленькое напоминание обо мне.— И он вложил кристалл в руку Тарену.

— Вот уж не думал, что наш Глю кладёшь доброты и великодушия,— усмехнулся Ффлевддур.— Впервые в жизни, уверен, он добровольно отдаёт что-то свое. И это, клянусь Великим Белином, означает, что коротышка на самом деле подрос на целый дюйм. Если так дальше пойдет, он скоро перестанет быть всего-навсего маленьким человечком.

Доли достал из-за пояса прекрасно сделанный топорик.

— Бери,— сказал он Тарену.— Он хорошо послужит тебе в любом деле. Это работа мастера из Красивого Народа, друг мой, и затупить его не так-то просто.

— Никогда он не сможет послужить мне вернее, чем его хозяин,— уверенно сказал Тарен, принимая подарок карлика,— и этот закаленный в огне металл все же не крепче твоего сердца, добрый старый Доли...

— Хм! — недовольно хмыкнул карлик. — Добрый... старый... слышали не раз!

Карр, сидя на плече Доли и желая обратить на себя внимание, вертелась и подпрыгивала. Она тут же замерла, когда Тарен нежно провел пальцами по ее гладким перьям.

— Пр-рошай! — прокаркала ворона. — Пр-рошай! Тар-ррен!

— Прощай и ты, — ответил Тарен, улыбаясь. — Хорошим манерам мне так и не удалось тебя обучить. И все же ты, проказница, доставила мне много веселых и радостных мгновений. Ты поистине орел среди ворон!

Ллиан, мягко ступая, подошла к Тарену и потерлась о него всем телом с такой любовью, что чуть не сбила его с ног.

— Будь моему другу хорошей и верной спутницей, — сказал Тарен, почесывая гигантскую кошку за ухом. — Радуй его своим мурлыканьем, подбадривай, когда он в плохом настроении. Не покидай его надолго, потому что даже такой смелый бард и король, как Ффлевддур Пламенный, не чужд одиночества.

Ффлевддур с грустью смотрел на Тарена рядом с Ллиан. Потом подошел к нему, держа в руках спасенную из огня последнюю струну своей неизменной арфы. Пламя так скрутило и искорежило тугую прежде струну, что она свернулась в странном узоре, у которого, казалось, нет ни конца, ни начала. И теперь Тарен как бы слышал бесконечные, сменяющие одна другую и сливающиеся воедино, витающие в воздухе мелодии.

— Увы, это все, что осталось от моей старушки, — сказал Ффлевддур, протягивая Тарену опаленный вензель струны. — Сказать по чести, я даже рад. Она все время расстраивалась и расстраивала меня... — Он помолчал, смущенно крикнул. — Э-э... я хотел сказать, что я расстраивал ее некоторыми своими... фантазиями... А по чести, я грущу об этих оборванных струнах.

— Не больше, чем я, — грустно сказал Тарен. — Помни обо мне. А я всегда буду вспоминать о тебе с нежностью.

— Не сомневайся! — воскликнул бард. — Столько еще неспетых песен и нерассказанных сказок! Я их и спою

и расскажу! Ффлевддур Пламенный никогда и ничего не забывает!

— О, у-уу,— вдруг завыл Гурджи,— бедному Гурджи нечего дать доброму хозяину! Какую память оставит он для долгих воспоминаний! О, жалки и печалки!

Он готов был уже расплакаться, как вдруг лицо его просветлело, и он захолопал в ладоши.

— Нет, нет! Да, да! Бедная, слабая голова Гурджи забыла о подарке! Вот, вот он! Из горящей сокровищницы злого повелителя Земли Смерти! Смелый Гурджи ловкими уловками выхватил из огня эту штуку.

С этими словами Гурджи вытащил из своей кожаной сумки маленький, оплавленный в огне и помятый металлический ящичек и протянул его Тарену. Тот с любопытством повертел непонятную вещь в руках, обнаружил тяжелую печать и сломал ее.

В ящичке оказались тонкие, густо исписанные листки пергамента. Тарен быстро пробежал глазами один, другой, третий, затем быстро повернулся к Гурджи.

— Знаешь ли ты, что нашел? — прошептал он, все еще не веря сам себе. — Это тайны мастерства. Секретыковки и закаливания металлов, секреты лепки и обжига гончарных изделий, секреты плодородия земли и выхаживания растений. Всего того, что Аровн украл много лет назад и спрятал от людей. Эти знания — бесценное сокровище.

— Самое ценное, — уверенно сказал Гвидион, бережно беря из рук Тарена свитки. — Пожар в Аннувине уничтожил волшебные инструменты, которые работали сами по себе и обещали беззаботное безделье человеку. Эти сокровища обещают большее. Чтобы постигнуть мастерство, овладеть им, необходима сила ума и рук.

Ффлевддур присвистнул.

— Владеющий этими секретами становится настоящим хозяином Прайдена,— сказал он.— Тарен, старина, да любой лорд или князек будет молить тебя, чтобы ты даровал ему хотя бы один из тех секретов, что теперь у тебя в руках.

— И Гурджи нашел это! — возопил Гурджи, прыгая вокруг Тарена.— Да, о да! Смелый, умный, верный! Смелый Гурджи всегда находит нужные вещи! Когда-то он разыскал потерявшуюся поросюшку. Потом он обнаружил злой Черный Котел! Теперь он разнюхал могущественные секреты для доброго хозяина!

Тарен улыбнулся возбужденному Гурджи.

— Ты и в самом деле нашел самые великие тайны. Но они не мои, я не могу оставить их у себя. Я открою их людям Прайдена. Они по праву принадлежат всем.

— Тогда раскрой перед ними и это,— сказал Даллбен, протягивая Тарену тяжелый, обтянутый кожей том, который он до сих пор держал под мышкой.

— «Книга Трех»? — воскликнул Тарен, удивленно глядя на волшебника.— Я не осмелюсь...

— Смелее, мой мальчик,— ободрил его Даллбен,— ты не обожжешь рук и не покроешься волдырями, как это когда-то произошло с чересчур любопытным Помощником Сторожа Свины. Теперь все ее страницы открыты для тебя. «Книга Трех» больше не предсказывает то, что должно произойти. В ней записано лишь то, что было. Осталось лишь вписать последние слова на ее последней странице.

Волшебник взял со стола птичье перо, открыл книгу и вывел смелой твердой рукой:

«И таким образом Помощник Сторожа Свины стал Верховным королем Прайдена».

— И это тоже немалое сокровище,— сказал Гвидион, кладя ладонь на кожу книги.— «Книга Трех» теперь стала и историей, и сокровищницей знаний. Не представляю, что же большее можно подарить тебе. Не могу предложить тебе и королевские отличия, потому что настоящего короля отличает его сердце.— Высокий воин положил руку на плечо Тарену.— Прощай. Мы больше не встретимся.

— Возьми тогда в память обо мне Дирнвин,— сказал Тарен.

— Дирнвин твой по праву,— выставил ладонь Гвидион,— как это и должно быть.

— Но Аровн убит,— возразил Тарен,— зло повержено, и для огненного меча больше нет дела здесь, в Прайдене.

— Зло повержено? — нахмурился Гвидион.— Ты научился многому, но усвой и этот последний и самый тяжкий урок. Ты победил только носителей зла. Это было, пожалуй, самое легкое из всех твоих испытаний. Только начало, а не завершение дела. Неужели ты думаешь, что само зло можно победить так быстро? Нет, оно живо, пока люди будут ненавидеть и убивать друг друга, пока жадность и неразумный гнев будут подстрекать их. Против этого даже огненный меч бессилён. Доброта, согревающая человеческие сердца,— вот то пламя, которое невозможно погасить.

Эйлонви, стоявшая до сих пор молча в стороне, теперь подошла к Тарену. Глядя ему прямо в глаза, девушка медленно вытащила из складок плаща золотой шар.

— Возьми это,— тихо промолвила она,— хотя он горит не так ярко, как любовь, которая зажглась между нами. Прощай, Тарен из Каер Даллбен. Помни меня.

Эйлонви уже собиралась отвернуться и кинуться вон из хижины, как вдруг глаза ее вспыхнули голубым огнем, она топнула ногой и воскликнула:

— Это несправедливо! Разве я виновата, что родилась в семье волшебниц? Я не просила наделять меня магической силой! Навязывать человеку непрошеное волшебство хуже, чем заставлять его носить башмаки, которые ему не подходят по размеру! Не понимаю, почему я должна владеть тем, чего не желаю?

— Принцесса из Дома Ллира,— торжественно произнес Даллбен,— я ждал, что ты сама произнесешь эти слова. Ты и в самом деле хочешь отказаться от редкого наследия — владения волшебством?

— Да, да, конечно! — закричала Эйлонви.— Если волшебство та преграда, что разделяет нас, то я с радостью отказалась бы и отделалась от него!

— Это в твоих силах,— сказал Даллбен.— Это в твоих руках, а точнее, у тебя на пальце. Кольцо, которое ты

носишь, подарок лорда Гвидиона. Оно дарует исполнение любого твоего желания.

— Что? — взорвалась Эйлонви, вспыхнув от гнева и радости одновременно.— Ты хочешь сказать, что все эти годы я носила кольцо, которое я могла бы использовать для исполнения своего желания? Ты ничего не говорил мне об этом! Это несправедливо! Это хуже! Это... это... ведь я могла бы просто пожелать, и Черный Котел был бы разрушен! Или в мгновение найти Дирн-

вин! Я могла бы пожелать победы над Аровном! Без единой жертвы и опасностей для живых! И я никогда не слышала и не знала об этом!

— Дитя, дитя,— остановил поток ее гневных слов Даллбен,— твое кольцо может исполнить лишь одно желание. Но зло многолико. Оно не может быть побеждено враз. Его нельзя уничтожить одним только желанием. К тому же кольцо может послужить лишь тебе одной и осуществить желание, запрятанное глубоко в

твоим сердце. Я не говорил тебе раньше о свойстве кольца, потому что не был уверен, что у тебя есть это страстное желание.

Даллбен теперь не улыбался. Он был серьезен и даже торжествен.

— Поверни один раз кольцо на пальце,— промолвил он.— Пожелай от всего сердца, чтобы твой волшебный дар исчез.

Удивленная и почти испуганная Эйлонви закрыла глаза и сделала то, что велел ей старый волшебник. Кольцо внезапно вспыхнуло. Но ослепляющая вспышка эта продолжалась какую-то долю мгновения. Девушка резко вскрикнула от боли. А золотой шар в руке у Тарена в тот же миг ярко вспыхнул и угас навсегда.

— Все свершилось,— прошептал Даллбен.

Эйлонви заморгала, будто только что появилась из тьмы на яркий свет, и огляделась вокруг.

— Не чувствую никакой разницы, никаких изменений,— заметила она.— Неужели моя волшебная сила по-настоящему исчезла?

Даллбен кивнул.

— Да,— тихо сказал он.— И все же ты навсегда сохранишь в себе то волшебство и тайну, что есть у всех женщин. И опасаюсь, что Тарен, как и все мужчины на свете, не раз еще будет ошарашен и сбит с толку твоим женским волшебством. Но тут уж никто ничего поделать не может. Так происходит всегда. Подойдите, подайте друг другу руки и дайте один другому слово верности.

Они повиновались. Все окружили только что обрученную пару тесным кольцом, чтобы пожелать им счастья, обнять и поцеловать. Затем Гвидион и Талисин вышли из хижины. Даллбен поднял свой ясеневиный посох.

— Мы не можем больше медлить,— сказал старый волшебник.— Здесь наши пути должны разделиться.

— А что будет с Хен Вен? — спросил Тарен.— Разве я не увижу ее в последний раз, чтобы проститься?

— Ты будешь видеть ее так часто, как только пожелаешь,— ответил Даллбен.— Поскольку она сама вольна была выбирать, уйти или остаться, я знаю, она решила остаться с тобой. Но прежде чем отправиться на свидание со своей любимой свиньей-прорицательницей, ты

все же должен позволить собравшемуся здесь народу Прайдена увидеть нового Верховного короля и его королеву. Гвидион, я думаю, уже оповестил народ обо всем, и твои подданные жаждут приветствовать тебя.

Сопровождаемые своими друзьями Тарен и Эйлонви двинулись к выходу. Но у самой двери Тарен вдруг остановился и повернулся к Даллбену.

— Но может ли такой человек, как я, править королевством? Совсем еще недавно я нырял головой в колючий кустарник. И помню, как саднит оцарапанное лицо. Сейчас, при мысли о правлении такой большой страной, у меня тоже ноет лицо и саднят от страха щеки.

— Боюсь, что королевская корона не раз окровавит тебе не только лоб, но и сердце,— встала Эйлонви.— Но если у тебя возникнут трудности, я с радостью дам тебе совет. И начнем прямо сейчас. Тыходишь илиходишь из этой двери? Так сделай шаг!

В толпе, ожидавшей за дверьми хижины Даллбена, Тарен увидел Хевидда, Ллассара, многих знакомых людей Коммотов, Гаста и Гориона рядом с крестьянином Аэдданом, возвышающегося над ними короля Смойта с его пламенной бородой. Всех он не мог разглядеть глазами, но сердцем чувствовал каждого. И Тарен, крепко взяв за руку Эйлонви, сделал шаг навстречу им. Радостный гул тысяч голосов обрушился на него.

Они прожили много счастливых лет, и все, что наметил Тарен, выполнили. И дело рук и сердец их осталось с людьми навечно. И все же, когда ушло то время и скрылось за чередой веков, стало далеким воспоминанием, было много таких, кто сомневался, что король Тарен, королева Эйлонви и их друзья-спутники в самом деле ходили по земле, а не были просто мечтой и сказкой, выдуманной для того, чтобы обманывать тех, кто наивен, как ребенок. Только барды знали. И пели об этом.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

ЛЛОЙД АЛЕКСАНДЕР родился и вырос в Филадельфии, где живет и сегодня. Еще мальчиком он проводил свободные часы в книжных магазинах, копаясь в горах книг. Одной из находок, которую он помнит по сей день, была книжка о короле Артуре. Так возник его интерес к историям о древних героях и их приключениях. Став писателем, Ллойд Александер серьезно изучал валлийские легенды, где и встретил такого персонажа, как принц Гвидион, сын Доны. Постепенно писатель стал включать эпизоды валлийских легенд в свои книги для детей и в конце концов написал целую серию книг о воображаемой стране Прайден, где древние герои этих легенд стали основными действующими лицами.

«Герои моих историй,— рассказывает Ллойд Александер,— рождались иногда неожиданно и в самое неподходящее время. Гурджи, например, явился во сне и был похож на растрепанное совиное гнездо. А встревоженный и всего опасаящийся Гвистил (из предыдущей книги «Черный Котел». — *Ред.*) возник, когда я сидел в кресле зубного врача!»

Известный американский писатель Ллойд Александер опубликовал десять книг для взрослых и много книг, адресованных детям. Будучи знатоком испанского и французского языков, он переводит на английский лучших европейских авторов.

ЯХНИН ЛЕОНИД ЛЬВОВИЧ — детский писатель и переводчик. У него вышло более тридцати книг для детей — стихи, переводы, повести-сказки «Площадь картонных часов», «Фарфоровый колокол», «Поющее дерево», «Серебряные колесики». Книги переведены на английский, немецкий, шведский, голландский, чешский, польский и сербский языки.

За перевод книг Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье» Л. Л. Яхнин был удостоен в 1994 году Международного почетного диплома им. Ганса Христиана Андерсена.

Оглавление

- Глава первая.* Возвращение домой 5
Глава вторая. Палочки с письменами 19
Глава третья. Предсказание 33
Глава четвертая. Замок короля Смойта 47
Глава пятая. Наблюдатель 59
Глава шестая. Странные яйца 72
Глава седьмая. Король Моны 81
Глава восьмая. Вестники 93
Глава девятая. Знамя 102
Глава десятая. Приход Прайдери 119
Глава одиннадцатая. Крепость 133
Глава двенадцатая. Багровые Земли 147
Глава тринадцатая. Тьма 164
Глава четырнадцатая. Свет 184
Глава пятнадцатая. Ледяная река 196
Глава шестнадцатая. Волшебник 207
Глава семнадцатая. Снежная буря 216
Глава восемнадцатая. Драконова гора 230
Глава девятнадцатая. Повелитель Земли Смерти 238
Глава двадцатая. Дар 255
Глава двадцать первая. Слова прощания 266
Коротко об авторах 282

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии «Замок чудес»
присылать по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бул., 376
Издательство АРМАДА*

Александр Л.

А 46 Верховный король: Сказочная хроника / Пер. с англ. Л. Яхнина; Худож. В. Чапля.— М.: АРМАДА, 1996.— 283 с.: ил.— (Замок чудес).

ISBN 5-7632-0182-5

Пятая, заключительная книга пенталогии американского писателя Ллойда Александера. Юноша Тарен и его возлюбленная — принцесса Эйлонви — вместе с друзьями решают навсегда покончить с силами зла и их предводителем, королем Земли Смерти Аровном, который, оживляя мертвецов, создал из них бездушную и жестокую армию для господства над легендарной страной Прайден.

А 4703040100-53 Без объявл.
9СЗ(03)-96

ББК 84.7США

РЕДАКЦИЯ
ДЕТСКОЙ И ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Замок чудес

ЛЛОЙД АЛЕКСАНДЕР
ВЕРХОВНЫЙ КОРОЛЬ

Сказочная хроника

Ответственный редактор

Л. В. Гостева

Редактор

М. Л. Жданова

Художественный редактор

Л. П. Копачева

Технический редактор

Л. А. Глубокова

Корректоры

Г. Н. Володина, О. А. Левина

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Сдано в набор 22.11.95.
Подписано в печать 30.12.95. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,0. Тираж 22 000 экз.
Заказ № 2015.

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 37б

Отпечатано в типографии издательства «Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201

Патриция Рэде
«КОРОЛЬ ДРАКОНОВ»

Ох уж эта Симорен! Она совсем не похожа на других принцесс: не желает обучаться придворному этикету и даже — где это видано?! — не хочет выходить замуж за принца.

А все потому, что выдумщица Симорен жить не может без приключений. Сменив дворец на пещеру драконши Казюль, она становится участницей самых необыкновенных приключений. Прин-

цесса общается с колдунами и джином, говорящей птицей и каменным принцем. Благодаря Симорен Казюль выигрывает состязания и становится Королем драконов. Но самые интересные события еще впереди. Поэтому юная героиня и не думает возвращаться домой...

Издательство **ADMA DA**

ВЫПУСТИЛО И ГОТОВИТ К ИЗДАНИЮ КНИГИ СЛЕДУЮЩИХ СЕРИЙ:

Издательский проект

ВЕСТИ

Великие
ВЛАСТИТЕЛИ
в романах

Тысячелетняя
история Отечества
в событиях и судьбах

О великих завоевателях,
полководцах,
государственных деятелях,
оставивших неповторимый след
в истории человечества

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

Лучшие произведения
отечественных и зарубежных
авторов о животных

ЗАМОК ЧУДЕС

Сказочные повести и
детская фантастика

МИР
Приключений

Несобычайные приключения,
увлекательная фантастика
и захватывающие детективы
для взрослых и юношества

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Произведения
отечественных и зарубежных
мастеров современной
остросюжетной фантастики

КЛАССИКА
ФАНТАСТИЧЕСКОГО
БОЕВИКА

Всемирно известные
произведения боевой фантастики
непреходящих авторов жанра

БОЕВЫЕ РОБОТЫ,
BATTLETECH.

Звездные войны, боевые
машины будущего
в фантастическом суперсериале
корпорации FASA

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Новые детективы
современных российских
писателей

Знаменитые
СЛУЖИМЫЕ

Избранные произведения
детективной классики

УВАЖАЕМЫЕ РОДИТЕЛИ!

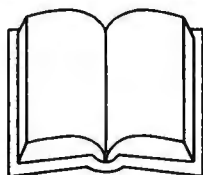
**К вашим услугам книготорговые организации,
в которых можно приобрести книги издательства АРМАДА
мелким оптом и в розницу:**

МОСКВА:	"Лабиринт-К"	(095)	932-75-65
	"Москва"	(095)	229-64-83
	"Пресня"	(095)	255-10-68
	"Эра"	(095)	431-97-88
АСТРАХАНЬ:	"Вариант"	ул. Ахшарумова, д. 2/41	
ВОЛГОГРАД:	"Эзоп"	(8442)	37-84-98
КАЗАНЬ:	"Сериал"	(8432)	34-95-89
КАЛИНИНГРАД:	"Экслибрис"	(0112)	45-75-44
КАЛУГА:	"Аэлита"	(08422)	4-49-29
САРАНСК:	общество "Книга"	(8342)	17-50-01
СМОЛЕНСК:	"Книжный центр"	(08100)	3-36-55
ТУЛА:	книжный магазин	просп. Победы, д. 20	

**Оптовые партии книг по ценам издательства
вам предлагают наши региональные представители:**

МОСКВА:	"Демалыс"	(095)	150-07-82
	"Колокол"	(095)	261-93-05
	"Стрела"	(095)	965-05-80
	"Тригон"	(095)	138-44-62
С. - ПЕТЕРБУРГ:	"Русский Север"	(812)	530-05-36
ВОРОНЕЖ:	"Амиталь"	(0732)	23-00-02
Н. НОВГОРОД:	"Логос"	(8312)	36-25-80
НОВОСИБИРСК:	"Элпис"	(3832)	24-52-67
ОМСК:	"Сиббук"	(3812)	65-36-64
ПЕРМЬ:	"Тигр"	(3422)	44-73-54
РОСТОВ-на-ДОНУ:	"Тандем"	(8632)	65-76-59
САМАРА:	"Реал +"	(8462)	41-87-30
ЧЕЛЯБИНСК:	"Корвет"	(3512)	36-75-10

«КНИГА - ПОЧТОЙ»!

Если вы хотите подписаться на интересующую вас серию или заказать отдельные книги, пришлите заявку по адресу:

**125499, Москва, Кронштадтский бул.,
д. 376, издательство АРМАДА, с пометкой "Книга - почтой" на конверте.**

Оформление подписки и продажа отдельных книг производится также по адресу:
Москва, ул. Новый Арбат, д. 30.

ЗАМОК
ЧУДИС

ЛЛОЙД АЛЕКСАНДЕР

АРМАТА